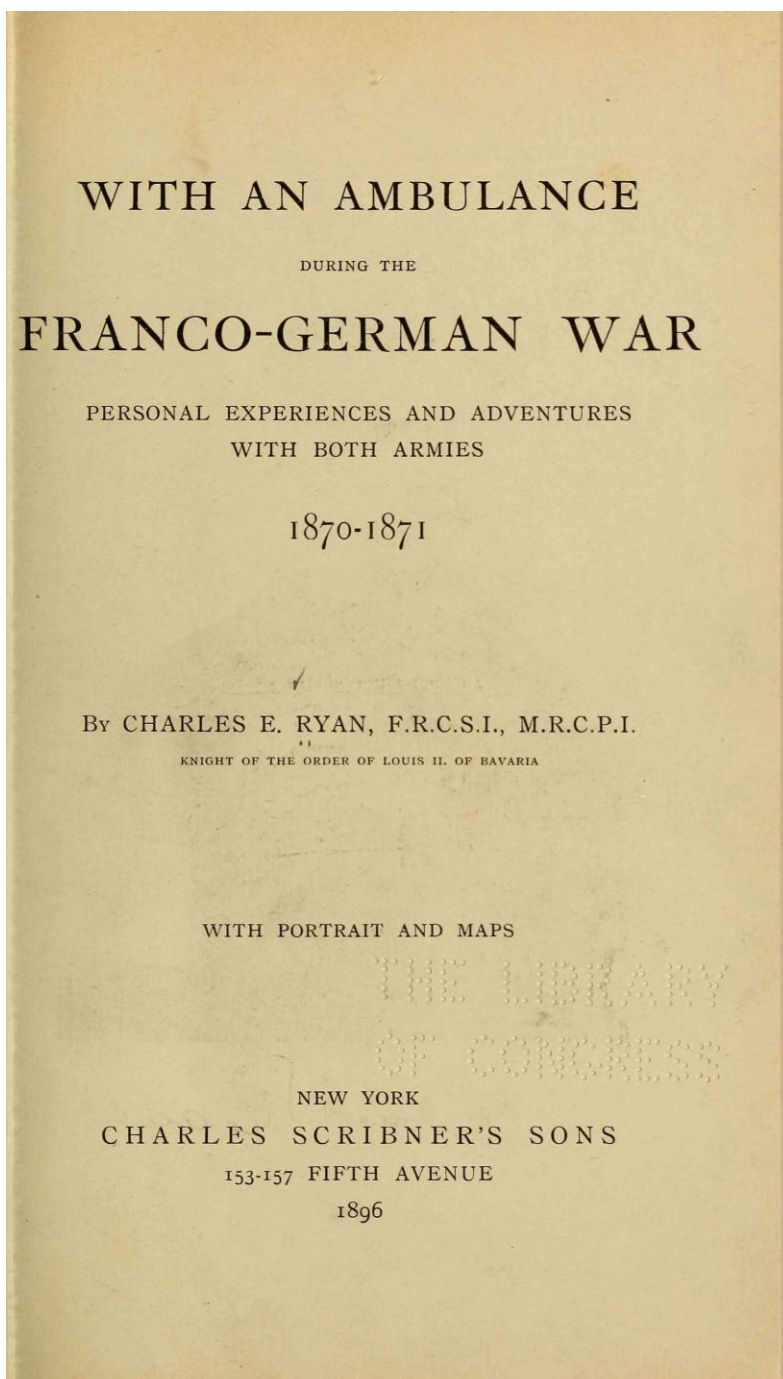

На машине скорой помощи во время
франко-германской войны. Личный
опыт и приключения в обеих армиях,
1870-1871

Чарльз Эдвард Райан

Электронная книга проекта "Гутенберг" о машине скорой помощи во время франко-германской войны

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: На машине скорой помощи Во время франко-германской войны

Автор: Чарльз эдвард Райан

Дата выхода: 22 декабря 2012 г. [Электронная книга № 41689]

Последнее обновление: 23 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Электронный текст подготовлен Моти Бен-Ари и командой онлайн-корректоров (<http://www.pgdp.net>) на основе изображений страниц, щедро предоставленных Internet Archive (<http://archive.org>)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА "ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА ГУТЕНБЕРГА" Со СКОРОЙ ПОМОЩЬЮ ВО ВРЕМЯ ФРАНКО-ГЕРМАНСКОЙ ВОЙНЫ ***

Электронная книга "Проект Гутенберг" со "Скорой помощью" Во время франко-германской войны" Чарльза Эдварда Райана

Примечание: Изображения оригинальных страниц доступны через интернет-архив.
Посмотреть <http://archive.org/details/withambulancedur00ryan>

Примечание переписчика

Щелкайте по изображениям, чтобы получить увеличенные версии с высоким разрешением.

Джеймс Робинсон и сыновья, Дублин, Фото.
Доктор философии Уолкер и Буталл
Чарльз Э. Райан

НА МАШИНЕ СКОРОЙ ПОМОЩИ ВО ВРЕМЯ ФРАНКО- ГЕРМАНСКОЙ ВОЙНЫ ЛИЧНЫЙ ОПЫТ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ С ОБЕИМИ АРМИЯМИ 1870-1871

ЧАРЛЬЗА Э. РАЙАНА, F.R.C.S.I., M.R.C.P.I.
КАВАЛЕРА ОРДЕНА ЛЮДОВИКА II БАВАРСКОГО

С ПОРТРЕТОМ И КАРТАМИ

НЬЮ-ЙОРКА
СЫНОВЕЙ ЧАРЛЬЗА СКРИБНЕРА
153-157 ПЯТАЯ АВЕНЮ
1896

ИЗДАТЕЛЬСТВО АБЕРДИНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА.

ДЖЕЙМСУ ТЭЛБОТУ ПАУЭРУ, МОЕМУ СТАРОМУ ДРУГУ И ШКОЛЬНОМУ ТОВАРИЩУ, я
ПОСВЯЩАЮ СЛЕДУЮЩИЕ СТРАНИЦЫ.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Прежде чем я попытаюсь представить публике этот краткий отчет о моем опыте во время франко-германской войны, я должен сначала отказаться от всяких претензий на литературные достоинства.

Это было написано в 1873 году и представляет собой просто воплощение серии заметок, сделанных во время войны в свободные минуты, вместе с содержанием ряда описательных писем моим друзьям. Они были написаны исключительно для них, и в то время у меня в голове не было ничего дальше, чем идея публикации.

Таким образом, они пролежали в нише моего кабинета почти четверть века, пока вокруг меня не выросло новое поколение; и, несомненно, если бы не их дружеская назойливость, они пролежали бы там до тех пор, пока память об их авторе, подобно чернилам, которыми они были написаны, не выцвела бы полностью.

Я хотел бы попросить моих читателей помнить, что объем такой работы, как нижеследующая, по необходимости должен быть ограничен.

Как врач, я всегда и во всех местах должен был выполнять свои обязанности; следовательно, я не мог быть настолько подробным, насколько того требовали другие обстоятельства.

Я бы также напомнил им (и каждый, кто прошел военную кампанию, поймет), насколько расплывчатой и неопределенной является информация, которой обладают подчиненные, об общих передвижениях армии, в которой они служат.

Иногда случается, что они совершенно не осведомлены о событиях, происходящих вокруг них, новости о которых, возможно, уже достигли другого конца света.

Опять же, на меня произвела большое впечатление трудность представления сколько—нибудь адекватным языком тех сцен — некоторые из которых уже были очерчены изумительным пером Золя в *"Разгроме"*, - которые широкая публика никогда не смогла бы себе представить, а тем более осознать, если бы не мастерское изложение фактов, подобных той, что дана в этой волнующей хронике войны. В ней автор скорее имел дело с историей в том виде, в каком она произошла, чем придумал вымышленную сказку; и те, кто был очевидцами Седана, мало что могут добавить к его описанию.

Поэтому по многим причинам меня переполняет чувство собственной некомпетентности в том, чтобы отдать должное моему предмету. Но я утешаю себя мыслью, что моя тема полна интереса для нынешнего поколения. Также не покажется напрасным предприятие, если тот, кому было позволено много видеть с обеих сторон, расскажет о своих впечатлениях по мере их возникновения и на том языке, который он использовал бы в то время. Все это время я чувствовал себя свидетелем, находящимся на допросе. Я постарался рассказать о происшествиях, которые я видел, конечно, с максимально близким приближением к реальности, на какое был способен, и, хотя в несколько приукрашенном рассказе, все же, как я надеюсь, не было ничего злонамеренного. Я не добавил ни одного цвета, которого не было в первоначальном эскизе, и был осторожен, чтобы не затемнить штриховку.

Чарльз Э. Райан.

Гленлара, Типперэри,
январь 1896 г..

ГЛАВА I.

ИЗ ДУБЛИНА В ПАРИЖ ЧЕРЕЗ БРЮССЕЛЬ.—ВОЕННАЯ ЛИХОРАДКА. ПРИЗЫВЫ НА ФРОНТ.

Первый вопрос, который, естественно, зададут друзья, заключается в том, как мне пришла в голову мысль уехать за границу, чтобы принять участие в борьбе между Францией и Германией, что побудило меня это сделать и при каком стечении обстоятельств мои поспешно составленные планы были реализованы.

Я попытаюсь объяснить эти моменты. С самого начала войны я проявлял глубокий интерес к судьбам Франции и горячо сочувствовал ей в ее горе. Я искренне желал быть ей чем-нибудь полезным; действительно, в то время мой энтузиазм был так велик, что я бы даже боролся за нее, если бы мог это сделать. В то время я изучал медицину в Дублине, и мне шел двадцать первый год. Как раз во время сражений при Вайсенбурге и Верте почти каждый житель Дублина собирал старое полотно, чтобы сделать *шарпи* для раненых французов; и, поскольку я ничего другого не мог сделать, я приложил все усилия, чтобы собрать у своих друзей весь материал, который смог раздобыть для этой цели. Изю дня в день поступали новости о французских поражениях, следующих одно за другим в тесной последовательности, с длинными списками убитых и раненых; в то время как среди других подробностей я узнал, что французам очень не хватало врачей и квалифицированных перевязочников, и что, как следствие, страдания раненых не поддавались описанию. Я подумал про себя: "Сейчас у меня есть возможность. Если бы я только мог добраться до этих бедняг, я мог бы оказать им существенную помощь; и сколько страданий можно было бы облегчить, если бы кто-нибудь дал им глоток холодной воды, чтобы утолить их мучительную жажду!"

В течение нескольких дней эти мысли занимали мой разум почти полностью, исключая все остальные. Однажды вечером, возвращаясь поездом из Кингстауна, я встретил доктора Уолша, хирурга больницы на Джервис-стрит. В ходе нашей беседы, которая касалась общепринятой в то время темы франко-германской войны, он заметил, что, если бы он был холост и так же молод и активен, как я, он бы сразу же отправился во Францию и искал место либо в военно-полевом госпитале, либо в машине скорой помощи, либо попытался попасть в Иностранный легион, в который в то время зачислялся, добавив, что он очень удивлен, что никто еще не покинул Дублин с этой целью. Я ответил: "Тогда я буду первым, кто укажет путь", - и тут же принял решение отправиться в путь.

Это было 12 августа 1870 года.

Я пытался найти какую-нибудь родственную душу, которая пошла бы со мной и поделила бы мои приключения, но так никого и не смог найти. Те, у кого под рукой были не очень правдоподобные причины замаскировать те, которые, возможно, у них были, смеялись над моим предложением и, казалось, считали меня немногим лучше сумасшедшего. Как я мог мечтать о том, чтобы отправиться одному в чужую страну, где бушевала самая ожесточенная

война столетия? Даже некоторые из моих профессоров присоединились к смеху и добродушно пожелали мне удачи и приятной поездки, добавив, что они уверены, что я вернусь снова через несколько дней. Двое из них действительно только что вернулись из Парижа, где им нечем было заняться; и они сообщили, что оставаться дольше было опасно, поскольку население маршировало взад и вперед по улицам самым беспорядочным образом, а незнакомцы подвергались немалому риску быть принятыми за прусских шпионов.

Все это было неприятно слышать, но я был полон решимости не допустить, чтобы мне помешали, и поэтому с чемоданом в руке я ступил на борт кингстаунского парохода. Было 15 августа, самый чудесный осенний вечер, и море было удивительно спокойным. Теперь я чувствовал, что мое предприятие началось, и, стоя на палубе и наблюдая, как прекрасный пейзаж Дублинского залива исчезает из виду, мне пришла естественная мысль, что, возможно, это последний раз, когда я вижу свою родину. Я покидал дорогих обитателей этого светлого маленького уголка, который я теперь больше, чем когда-либо, чувствовал своим домом. Это был бы мой первый настоящий опыт знакомства с миром, и я собирался вступить в битву за жизнь в одиночку.

Прибыв в Лондон утром 16-го и проведя день с некоторыми из моих школьных друзей, вечером я поднялся на борт парохода "Остенде" у пристани Святой Катарины. Мы должны были отправиться в путь в четыре часа следующего утра. Я спал до тех пор, пока меня не разбудила качка судна в море. Лодка представляла собой отвратительную маленькую посудину, и мне показалось, что она вращается, как трезвенник. У нас был необычайно долгий и тяжелый переход - шестнадцать часов, и все это время мне было ужасно плохо. Когда мы прибыли в Остенде, мне было так плохо, что я не мог выйти из своей каюты раньше всех остальных. Поэтому мой друг, месье шевалье де Соваж Веркур, приехавший из Льежа, чтобы встретить меня, убедился, что я опоздал на пароход, когда не заметил меня среди пассажиров. Однако, спросив стюарда, остался ли кто-нибудь внизу, он обнаружил меня.

Мой друг дал мне два рекомендательных письма: одно к господину виконту де Мелену, благодаря которому впоследствии меня приняли во "Французское общество защиты земли и моря"; другое - к мэру, господину Леви, с просьбой найти для меня место в армии в качестве помощника. Когда я немного пришел в себя, мы с Веркуром пообедали вместе на свежем воздухе, в кафе на набережной Гранде.

Это был час моды, и все, казалось, были в праздничных нарядах. По крайней мере, половина из тех, кого мы видели, были англичанами, остальные - французами и бельгийцами. Это любопытное ощущение - впервые оказаться в чужой стране, где все твоё окружение отличается от всего, что ты привык видеть и слышать на своей родине. Мой мальчишеский опыт делал все, каким бы тривиальным оно ни было, предметом интереса. Когда я гулял по городу с Веркуром, я был очень поражен вежливостью людей, их чистотой и опрятностью лиц и одежды, и, прежде всего, отсутствием какой-либо видимой нищеты даже среди бедняков.

Эти вопросы занимали наше внимание и обсуждались до тех пор, пока мы не оказались на пути в Брюссель. Страна, через которую мы проезжали, хотя на самом деле была крайне непривлекательной, представляла для меня много интересного и дала мне приятное представление о том, что подразумевается под "чужим краем".

Светлые чистые коттеджи и усадьбы с их садами и цветами, на мой взгляд, прискорбно контрастировали с полуразрушенными глинобитными лачугами, окруженными слякотью и водой, которые я привык видеть с детства. Все говорило о комфорте, счастье и процветании этих людей. Аккуратно подстриженные живые изгороди, которыми огорожено каждое поле, ряды тополей вдоль дорог и каналов придают всему облику страны удивительно элегантный и культивированный вид. Меня очень поразили синие халаты и деревянные сабо мужчин и женщин. Даже дети в сельской местности Бельгии носят эти деревянные башмаки. Во время наших остановок на разных станциях фламандский жаргон, как я по своему неизведанному невежеству называл его, деревенских жителей забавлял меня. В одной части страны я заметил, что у всех насосов наверху были ручки, и они двигались вверх-вниз, как шомпол ружья. Было непривычно видеть, как люди сидят на табуретках и обрабатывают их. В десять часов вечера мы прибыли в Брюссель и остановились в отеле De Suède.

На следующее утро мы с моим другом встали рано и отправились осматривать достопримечательности. Он был *завсегдатаем* этого заведения, так что наше время было потрачено с максимальной пользой. То, что Брюссель - самый очаровательный город, было моим первым впечатлением; и я думаю так до сих пор. Мне нелегко забыть свой восторг при виде Рю де ла Рейн и отходящих от нее бульваров. Город, красиво застроенный деревьями и изобилующий фонтанами, травой и цветами, действительно был в новинку для того, чей опыт знакомства с городами был приобретен в прокуренном Лондоне и дорогом грязном Дублине. На Рю де ла Рейн я заметил две проезжие части, разделенные рощицей. На этой плантации росли липы, вязы, платаны, земляничное дерево и акации. На тропинке, рядом с домами, был еще один ряд. Ширина этого длинного бульвара примерно равна ширине Саквилл-стрит. Был прекрасный солнечный день, и, пока я прогуливался под деревьями, на каждом шагу моему взору открывалось что-то новое. Я был поражен такой простой вещью, как видеть, как экипажи въезжают во внутренние дворы через открытые ворота, вместо того чтобы останавливаться на улице, в то время как пассажиры совершали утренний визит. Тогда, как мне казалось, лошадей с высокой поступью и ярких экипажей было достаточно, чтобы ослепить юный ум. Здесь можно прожить всю жизнь и так и не узнать, что существует такая вещь, как грязь, — во всяком случае, в том смысле, в каком мы были слишком хорошо знакомы в некоторых частях моей родины двадцать пять лет назад.

Эти простые наблюдения мальчика, впервые вступившего в жизнь, заставляют меня улыбаться, когда я перечитываю их. И все же я не думаю, что мне следует подавлять их; ибо кто из нас не ощутил неопишуемого очарования тех первых дней, когда самые обычные вещи в нашем путешествии заполняют разум так, словно они сами по себе были чудом? И что есть в путешествиях взрослого человека такого, что могло бы сравниться с этим открывающимся взглядом на мир, о котором мы так часто слышали, но никогда не видели своими глазами до сих пор?

Но вернемся. Именно на улице Дюпон я впервые увидел трамваи. Я поехал на одной из машин в превосходный парк, который не уступает ни одному другому парку в Европе и которым Брюссель по праву гордится. Меня безмерно забавляло видеть, как мальчишки мясников, пекарей и бакалейщиков разъезжают по своим тележкам, запряженным упряжками огромных собак, числом от одной до четырех. Пока погонщики доставляли свой товар, бедные животные

ложились в упряжь, высунув языки, пока короткое чириканье не заставляло их снова встать на ноги, готовые тронуться в путь. Это казалось им самой трудной частью, поскольку, как только они приступили к работе, они продвигались с большой скоростью, по-видимому, без особых проблем и скорее наслаждаясь своей задачей, чем чем-либо другим. Я видел упряжки собак, настолько свежих, что все они лаяли, мчась по улице на полной скорости. Вечером кафе были красиво освещены, и, сидя под деревьями, сотни людей наслаждались сигаретами и "*кафе нуар*", активно жестикулируя, обсуждая дела Европы. Во второй половине дня 18-го я попрощался с моим добрым другом Веркуром, который был для меня таким замечательным чичероне, и сел в поезд, идущий в Париж.

Во время нашего путешествия я был грубо разбужен от крепкого сна на одной станции тем, что все вдруг вскочили на ноги и закричали: "*La douane!*", при этом они схватили свой багаж и выбежали из поезда, как будто он был объят пламенем. Если вы не делали того же, чиновники бесцеремонно выставляли вас вон. На каждый вопрос я получал один и тот же ответ: "*C'est la douane*". Теперь этого слова не было в моем словаре. Могу заметить, что в моей школе французский преподавался по старому доброму плану из Расина и "Телемака", в котором коммерческие термины встречаются нечасто, и поэтому я ни в малейшей степени не знал значения слова "*la douane*"; оно могло означать огонь, кровь или убийство; и я долгое время был крайне озадачен. В своем сонном замешательстве я подумал, что какая-то часть поезда сломалась и что всех пассажиров и багаж нужно было вывезти как можно скорее. Но когда я, пассажир, направлявшийся в Париж, увидел, как какой-то парень схватил мой чемодан и исчез с ним в одной из дверей, это было для меня слишком; я пошел за своими вещами, схватил его за шиворот и спросил на лучшем французском, на который был способен, куда он направляется с моим имуществом. Рослый жандарм объяснил ситуацию и указал на большую комнату, где звяканье ключей и открывание ящиков вскоре сделали его объяснения ненужными.

Вернувшись в свой экипаж, я оказался рядом с джентльменом средних лет, который, хотя и бегло говорил по-французски со своими соседями, явно был англичанином. Мы разговорились, и он, казалось, знал об Ирландии и ирландских делах больше, чем я сам, что, по правде говоря, вполне могло быть правдой. У него были такие откровенные, сердечные манеры и, казалось, он испытывал такое искреннее сочувствие не только к моим соотечественникам, но и к бедной страдающей Франции, что я поведал ему свою историю и миссию, которые, очевидно, понравились ему; и он сказал мне, что найдет мне недорогую комнату у своей квартирной хозяйки в "Отель де л'Опера", комфортабельном отеле, расположенном в центре города, напротив нового Оперного театра. Он сказал мне, что его зовут Стил, но больше ничего о себе не сообщил. Когда мы прибыли в Париж, несколько чиновников обратились к нему как к господину Генералу; он предложил мне остаться с ним и сказал, что проводит меня до отеля. Получив после долгого утомительного ожидания свой багаж, мы вышли со станции между двумя шеренгами солдат, и нас тщательно осмотрели, прежде чем разрешить проследовать дальше. Шепот моего нового друга генерала оказался волшебным пропуском, потому что все, казалось, знали его. Рослый жандарм потребовал мой паспорт, записал мое имя и адрес, откуда я в последний раз приезжал и какие у меня были дела в Париже, а затем отпустил меня. Когда мы прибыли в отель "Опера", консьерж снова приветствовал моего таинственного друга титулом мсье Генерала, когда тот поспешил вверх, попросив меня подождать, пока он спустится, и он пойдет со мной пообедать в ресторан.

Когда я вышел за дверь и оглядел бульвары, я сразу понял, что все, что я слышал и читал о красотах ночного Парижа, было не вымыслом, а яркой реальностью. Новизны происходящему добавляло то, что все население, казалось, было охвачено лихорадочным возбуждением. Я спросил своего друга, что все это значит. Он сказал мне, что они радовались, потому что из мэрии только что было объявлено о трех славных победах, одержанных их оружием. Это объяснялось появлением групп гражданских лиц, по тысяче человек в каждой, состоящих из рабочих и ремесленников, которые шумно маршировали взад и вперед по улицам, подбадривая и распевая "Марсельезу", с развевающимися флагами и транспарантами всех цветов описаний. Зрелище поначалу было ужасающим, поскольку этот мимолетный взгляд так живо напомнил мне то, что я читал о сценах, разыгрывавшихся на улицах Парижа во время первой революции похожей коммунистической и неуправляемой толпой. И все же я думал, что все это очень забавно, но мой друг предупредил меня, чтобы я молчал, и посоветовал мне держаться подальше от улиц ночью. Незнакомцу было опасно выходить на улицу после наступления темноты, так как население могло принять его за шпиона или за находящегося там в интересах врага, а это могло означать мгновенную смерть. Такие вещи происходили в последнее время. Теперь мы завернули в английское кафе и очень вкусно поужинали, после чего мой таинственный друг попрощался со мной и исчез. Я видел его снова всего пять минут несколько дней спустя и с тех пор никогда его не видел, и в отеле я не смог получить никакой удовлетворительной информации, хотя мне сообщили, что он постоянно проживает в Париже и часто бывает в Отель де л'Опера. Возможно, кто-то из читателей этих страниц знает о мсье Генерале Стиле больше, чем когда-либо знал я. Кем и чем он был? Но догадки - это праздная работа, и я должен продолжить свой рассказ.

Увидев Брюссель раньше Парижа, последний не произвел того впечатления, которое он обычно производит на того, кто видит его впервые, еще до того, как посетит какую-либо другую столицу Континента, — ведь Брюссель - это Париж в миниатюре. Я ходил взад и вперед по бульварам, наблюдая за всем и вся, пока, почувствовав некоторую усталость, не взглянул на часы и, к своему удивлению, не обнаружил, что уже почти час дня, поэтому я вернулся в отель, лег спать и увидел сны о великолепии города удовольствий.

На следующее утро, 19-го, я отправился на поиски Особняка, к которому меня направили. Некоторое время я ходил взад и вперед по бульварам, чтобы понаблюдать за своим местонахождением и отметить окружающую обстановку. Моей первой замечательной достопримечательностью был прекрасный новый оперный театр, который является одной из достопримечательностей Парижа. Его массивные колонны и чудесная экспозиция аллегорических фигур, все из белого мрамора, привели меня в восторг, как и лесистые бульвары с их великолепными магазинами и всеми приятными достопримечательностями, которые встречались моему взору на каждом шагу.

Пробыв в деревне всего несколько дней, я, естественно, немного стеснялся вступать в что-либо вроде долгой беседы с туземцами. Вскоре, однако, я набрался достаточной смелости (не обладать которой значило не выполнить поручение), чтобы спросить дорогу у одного из тех нарядно одетых бюстителей порядка, которые, как я решил, по их великолепной форме и достоинству манер могли быть не кем иным, как генерал-майорами запаса, вышедшими на прогулку.

Мой плохой французский вызвал у этого достойного только самую вежливую учтивость, и он приложил величайшие усилия, чтобы объяснить мне мой маршрут. Продолжая, я испытывал восторг от этого первого знакомства с пресловутой вежливостью французов и был уверен, что мне будет легко поладить с ними.

После примерно двух миль приятных прогулок я прибыл в мэрию на площади принца Евгения; но обнаружил, что мэра нет дома, поэтому вернулся и пообедал в кафе "Рояль", напротив Мадлен, а затем посетил церковь и несколько раз выходил за ее пределы. Он был со всех сторон одинаково массивен и красив, и я не был разочарован его интерьером, хотя, признаюсь, он произвел на меня не такое сильное впечатление, как фасад. Потратив час на изучение деталей, я поехал в кабриолете к особняку, где, отправив письмо Веркура, примерно через десять минут ожидания был препровожден к месье Мэру.

Этот утонченный джентльмен принял меня с величайшей добротой и вежливостью, но объяснил, что не может обеспечить мне место в Медицинском отделе армии. Он направил меня в Военное управление на улице Сен-Доминик, где располагался офис Иностранного легиона. Я сразу же начал все заново, и, выяснив должностных лиц, к которым меня направили, они сообщили мне, что не имеют права назначать встречи, но что месье Мишель Леви, медицинский инспектор Валь-де-Грас, был человеком, к которому я должен обратиться, в то же время заверив меня, что в этом нет ни малейшей пользы, поскольку Иностранный легион полностью укомплектован и все вакансии заполнены. Полагая, что эта информация верна, я отложил это последнее предложение в сторону и держал его в запасе в качестве *более надежного средства*. Несмотря на поражение в достижении своей цели, я нисколько не был обескуражен, ибо решил приложить все усилия, прежде чем признать себя побежденным.

Поскольку я сильно устал, а в тот день было слишком поздно продолжать осуществление своих планов, я вышел прогуляться по бульварам. Вскоре я услышал топот лошадей, приближавшихся по улице, смешанный с громкими радостными криками толпы. Это был отряд кирасиров, и через минуту я оказался посреди бурлящей толпы и не мог видеть ничего вокруг, кроме моря рук, шляп и взбудораженных голов. Гражданские лица, находившиеся в диком возбуждении, приветствовали войска: "Да здравствуют кирасиры!" в то время как драгуны в ответ кричали "Берлин!" и "Да здравствует Франция!", а не "Да здравствует Имперер!" Когда они проехали, волнение продолжилось в другой форме, ибо отчаянно выглядящая толпа маршировала взад и вперед отрядами, как и предыдущей ночью, с развевающимися флагами и транспарантами, все время распевая "Марсельезу" и "Отечественные поля", прерываемые криками "За Берлин". Все это вызвало у меня большой интерес, особенно пение. Когда толпа присоединилась к припеву своего Национального гимна, эффект был таким, что его невозможно забыть.

Теперь я лег спать, чувствуя себя сонным и измотанным от сильного возбуждения. На следующий день, 20 августа, прекрасным утром я добрался до Дворца промышленности, где, прождав три часа в переполненной приемной, вручил свое письмо господину виконту де Мелену, который вышел повидаться со мной. Этот добрый старый джентльмен говорил со мной любезно и пожелал, чтобы я пришел на следующий день, когда он предоставит мне место в машине скорой помощи. На этот раз, полностью удовлетворенный результатом своих усилий, я вернулся с легким сердцем и, пообедав на Рю Рояль, отправился осматривать достопримечательности. Несколько сотен шагов привели меня на площадь Согласия, и, о, какое невероятно великолепное зрелище открылось из центра этой прекрасной площади!

Остаток вечера я провел в Булонском лесу, а на следующее утро встал рано, полный надежд, и поспешил во Дворец промышленности, где без особого промедления встретился с г-ном де Меленом. Он с сожалением сообщил мне, что все места в машинах скорой помощи, которые вот-вот должны были тронуться, были заполнены еще до моего заявления. Однако, если я оставлю свои письма и сертификаты и приду снова во вторник утром, он даст мне знать, найдется ли для меня вакансия в какой-либо из тех, которые начинаются в конце недели.

Это второе разочарование сильно раздосадовало меня, но я не сдался. Поскольку было воскресенье, я поспешил обратно на Торжественную мессу в Мадлен, грандиозное хоровое и музыкальное представление. Постоянное позвякивание денег и пощелкивание посоха бидла, когда он шагал по улице, украшенный золотым кружевом и безвкусной атрибутикой, делали молитву и воспоминания практически невозможными. Выходя из церкви, я встретил своего старого школьного товарища, парижанина, с которым у меня была долгая беседа и приятная прогулка по Тюильри. Он указал мне на императрицу, покидавшую Дворец частным образом в сопровождении нескольких своих фрейлин. Могу заметить, что на ней было платье из серого шелка, отделанное черным крепом.

В течение всего этого дня по городу продолжали маршировать войска, какие-то простые полки безбородых мальчишек, неуклюжих и не по-солдатски, но с истинно боевым духом, если судить по тому, как сердечно они пели на ходу и присоединялись к припевам.

Это были последние призывы, и они направлялись на фронт. На следующий день, в понедельник, 22-го, после многих кружных блужданий я добрался до Ирландского колледжа и оставил свое рекомендательное письмо отцу М., которого не было дома, но ожидали на следующий день. Вернувшись, я обнаружил, что бульвары и Елисейские поля были запружены шумными рабочими, распевавшими "Марсельезу", возвращаясь домой с укреплений, где они в большом количестве были заняты на обширных работах, которые теперь велись день и ночь. Чтобы меня не толкнула толпа, я занял место на крыше омнибуса. Уже смеркалось, и когда мы спускались по Елисейским полям, прекрасно освещенные сады с их кафе-песнопениями, каруселями и беседками, окруженные самыми причудливыми и симпатичными приспособлениями, какие только можно себе представить, и освещенные миниатюрными лампочками, - вместе с оживленным шумом музыки и пения, сопровождаемыми взрывами аплодисментов, заставили меня на мгновение почувствовать себя перенесенной в сказочную страну. Но это было недолговечное заблуждение; и кто бы мог подумать, что при всей этой глупости, одновременно такой легкомысленной и такой французской, вокруг нас разыгрывается великая трагедия войны? Однако то, что так было даже здесь, было совершенно очевидно, поскольку это была единственная тема для разговора. Солдаты были повсюду на улицах; общественные экипажи и омнибусы были битком набиты ими; их офицеры, казалось, монополизировали половину частных экипажей; они переполняли общественные здания, и головы солдат выглядывали из половины уличных окон. Я всегда слышал, что французы - очень возбудимый народ, и истинность этого высказывания никогда не была продемонстрирована так ясно. Здесь они были тысячами, передвигаясь в состоянии беспокойной, бесцельной суеты, распевая песни с полудня до полуночи, и, как мне показалось, большинство из них были совершенно не в себе.

Во вторник, 23 августа, я еще раз отправился попытать счастья во Дворце промышленности; и мсье виконт де Мелен снова сказал мне, что вакансии нет, но мое имя внесено в списки

Общества для записи на прием, и когда появится вакансия, он свяжется со мной в Отеле Оперы. Я был разочарован тем, что все усилия до этого были безуспешными, но утешал себя тем, что получил одно очко, а именно, что был зарегистрирован в качестве члена Общества Красного Креста.

Теперь я решил обратиться к кому-нибудь из обслуживающего персонала, кто, возможно, был менее влиятелен, чем виконт, но, возможно, тоже смог бы мне помочь. Чтобы не обескураживать себя, я отправился в другую часть Дворца, где сообщил джентльмену, который, как я понял, был суперинтендантом и активным управляющим, что мое имя внесено в бухгалтерские книги Общества г-ном де Меленом. Это привлекло к нему всеобщее внимание. Он хорошо говорил по-английски и был очень вежлив со мной. Его звали М. Лабушер, улица Малешерб, 77. В нескольких словах я рассказал ему о цели моей миссии, о том, как я хотел бы работать, и был готов согласиться на место в любом качестве, на службе раненым. Теперь он сообщил мне, что есть одна вакансия помощника в бельгийской "Скорой помощи", и поскольку мне больше всего хотелось заполнить ее, он велел записать мое имя. Он вручил мне шлем и значок Общества и велел прийти завтра за моим снаряжением и всем необходимым.

Тем временем меня вместе с восемью или десятью другими сотрудниками швейцарской "Скорой помощи" послали собирать деньги на улицах, по которым мы проезжали. Мы отправились всем скопом, и у каждого был маленький сетчатый мешочек на конце длинного шеста, очень похожий на посадочный сачок, но с более длинной ручкой и сеткой поменьше. Проезжая мимо, мы кричали: "За ваше здоровье!", а когда омнибусы и кареты останавливались по дороге, мы пользовались этой возможностью, заноса наши сумки в окна, а иногда и через них, и сажая их на колени сидящим внутри. Таким образом мы получили кучи серебряных монет и даже золота от некоторых хорошо одетых особ. Мы также повесили сетки на окна, где видели, что они заняты, и в магазины. Вдоль маршрута собирались большие толпы, и каждый что-нибудь давал - очень много монет по два и пять франков. Прошло несколько часов, прежде чем мы добрались до железнодорожной станции, так как ехали очень медленно. По моему акценту все поняли, что я иностранец и, возможно, британец; и им, казалось, понравилась эта идея, потому что они протиснулись вперед, чтобы бросить мне свои монеты, когда ближе к ним были другие сети. Когда пришло время расплаты, я обнаружил, что собрал больше, чем мои товарищи. Я видел женщин в проезжавших мимо нас вагонах, которые горько плакали, и плач и явное горе санитаров "скорой помощи", расстававшихся со своими друзьями на вокзале, были очень трогательными. Положив деньги в фургон, я вернулся во Дворец промышленности, где меня представили месье ле Вердьеру, заместителю начальника бельгийской службы скорой помощи. Он попросил меня прийти в девять часов следующего дня, чтобы надеть форму и подготовиться к старту.

Очень довольный тем, что, как я считал, наконец увенчалось успехом, я отправился, как и договаривался ранее, на прием к доктору М. в Ирландский колледж. Он принял меня очень тепло и представил китайскому епископу с косичкой, которого я нашел очень умным и приятным человеком.

В тот вечер я видел войска, идущие на фронт плотным маршевым порядком; и хотя они шли по четыре в ряд, они тянулись от Триумфальной арки на некотором расстоянии от площади Согласия. По дороге домой я встретил человека, который с грустью рассказал мне, что до войны

он был успешным учителем в большом классе, но все его ученики были призваны на военную службу, и он потерял профессию.

На следующее утро, 24-го, я был весь в волнении, так как полностью ожидал, что этот день может застать меня на пути на фронт. Я поспешил во Дворец промышленности, где мсье Лабушер сообщил мне о характере моей встречи в бельгийской службе скорой помощи. Каково же было мое изумление, когда я обнаружил, что под моим началом будет *десять лазаретчиков*, за которых я должен был нести ответственность и которым я должен был отдавать приказы! Как бы мне ни хотелось принять это заманчивое предложение, здравый смысл взял верх над моим честолюбием; и я отказался, сознавая, что мое несовершенное знание французского помешает мне эффективно выполнять свои обязанности.

Все это было разочарованием и унижением, но теперь я привык к неудачам. Мои друзья, которых у меня было уже довольно много, утешили меня, сказав, что меня, скорее всего, отправят в Мец, где было полно раненых, и лишь с небольшим количеством санитаров, многие из которых были унесены сыпным тифом, который производил большое опустошение в городе. Я заявил, что у меня нет ни малейших возражений против поездки, если Общество пожелает, чтобы я этого сделал; но я чувствовал, что предпочел бы какую-нибудь другую миссию. Позже в тот же день, когда я искал мсье Лабушера во Дворце промышленности, я был поражен, заметив, что на одном из больших открытых пространств Дворца, которое еще вчера использовалось для муштры новобранцев, теперь стояли ряды установленных пушек, расположенных вплотную друг к другу, в то время как снятые орудия были сложены рядами одно над другим; огромные кучи пушечных ядер также были сложены в центре, как скирды дерна. Это изменение, произведенное со вчерашнего вечера, даст представление о быстроте и энергии, с которыми осуществлялись планы правительства. Выйдя через одну из верхних дверей здания, я был поражен, увидев, что все Елисейские поля заняты толпами солдат, с каждой стороны окруженных двойными рядами кавалерии. Их проверяли перед отправкой на фронт. Это было великолепное зрелище. После этого я отправился в Булонский лес, где уже вырубали лес рядом с крепостными валами. Когда я проходил мимо, толпы мужчин работали на укреплениях, готовясь к осаде.

Когда сгущались сумерки, я двинулся к дому и встретил на своем пути поток солдат, одетых в самую изысканную форму, во всех отношениях отличавшуюся от той, что была на Линейке. По восторженному приему, который они встретили со всех сторон, по знакомым улыбкам и кивкам, которыми они обменивались с восхищенными горожанами, я понял, что они были Национальной гвардией, гордостью парижан.

ГЛАВА II. Я ПРИСОЕДИНЯЮСЬ К АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ "СКОРОЙ ПОМОЩИ". —РЕЧЬ месье ДЕ ФЛАВИНЫ.—ЗА МЕЗЬЕРА И СЕДАН.

25 августа я отправился в свою служебную квартиру, полный надежды, но обнаружил, что больше ничего не решено. мсье Лабушер сказал мне, что я уверен в месте во французской машине скорой помощи, и вручил мои свидетельства и бумаги начальнику 8-й машины скорой

помощи, который исчез с ними в комнате комитета, пообещав немедленно прислать мне ответ. Этого он так и не сделал, хотя я ждал его ответа несколько часов, пока голод не вынудил меня отправиться на поиски ужина, который я нашел на бульваре Сен-Мишель, № 43, в кафе-бассери Нижнего Рейна, где у меня было столько говядины, сколько я мог пожелать. (Впоследствии мне сказали, что в этом ресторане не продавалось ничего, кроме конины.)

Затем я вернулся во Дворец промышленности, где мне предложили должность врача в поезде между Парижем и Мецем. Я отказался на том основании, что каждую минуту ожидал услышать о том, что меня направили в Скорую помощь. Прошли часы, а от начальника 8-го отделения скорой помощи не было ни звука; и теперь я впервые почувствовал себя обескураженным, но взял себя в руки и снова с энергией бросился в борьбу.

У меня все еще были силы в резерве, потому что моя подруга, мадам А., фрейлина императрицы, обещала мне рекомендательные письма, которые я ожидала каждый день, но которые еще не прибыли. Когда я коротал время, беседуя с одним из помощников охранника Дворца, он сказал мне, что большинство парижан с уверенностью ожидали осады Парижа пруссаками; они говорили о вырубке всех деревьев вокруг Парижа и уничтожении фермерских хозяйств и сельскохозяйственной продукции в окрестностях, и мой информатор заметил: "Дежа на шершеле Булонского леса".

Я вышел к укреплениям и увидел группы людей, насыпающих курганы, в то время как другие вели раскопки под каменными сооружениями постоянных мостов, чтобы облегчить их подрыв при приближении врага. По моем возвращении гарсон в отелес большой гордостью показал мне свою форму и снаряжение, которые ему подарили в тот день при зачислении в Национальную гвардию.

Громкий бой барабанов, топот лошадей и людей, проезжавших по бульварам перед рассветом, позволили легко встать в ранний час на следующее утро, 26 августа.

Я отправился во Дворец промышленности, где мне был передан приказ быть готовым отправиться этой ночью на фронт, поэтому я быстро вернулся в отель, оплатил счет и упаковал свои пожитки. Я обнаружил, что меня ждут два письма: одно от мадам А., с рекомендательным письмом к профессору Рикорду, хирургу императора; и другое от княгини Понятовской, к которому прилагалась записка графу де Флавины, президенту Общества. Теперь от них не было никакой пользы, так как я был назначен в Скорую помощь; но если бы я получил их сразу, то был бы избавлен от многих дней тревожного ожидания. Как оказалось впоследствии, мне повезло, что они не прибыли раньше. Теперь был отдан приказ, чтобы все иностранцы покинули Париж; и тяжелый мрак, казалось, быстро сгустился над всеми и вся. С каждым днем росло убеждение, что пруссаки приближаются к Парижу; но никто ничего толком не знал, так как ежедневные сведения противоречили сведениям предыдущего дня. Казалось, что это было великое национальное соревнование во лжи, в котором каждый мужественно боролся за приз.

На этом этапе меня представили доктору Франку, заместителю начальника службы скорой помощи, которая недавно была организована в Париже рядом английских и американских хирургов и которая была известна как англо-американская. Доктор Франк принял меня вежливо и назначил одним из своих *помощников* или перевязочных. Дав мне указания относительно моего снаряжения, он отправил меня с другим молодым сотрудником "Скорой помощи", Джоном Скоттом из Белфаста, закупить все необходимое. Радость, которую я испытал, наконец-

то оказавшись в упряжке, не поддавалась выражению; и она не уменьшилась от того, что я обнаружил в своем новом помощнике яркого, веселого и остроумного товарища и вдобавок соотечественника. Мы поспешили в Пале-Рояль, где заказали нашу форму, рюкзаки и аптечки, а затем вышли поболтать и прогуляться.

В субботу утром, 27-го, доктор Фрэнк представил меня доктору Мэрион Симс, ныне шеф-повару или главному хирургу, а также его сотрудникам, в состав которых входили доктора Дж. Маккормак, Уэбб, Блюитт, Мэй, Тилман, Николл, Хейден и Хьюитт, а также доктора Дж. Уайману и Пратту, а также мистеру Фреду Уоллесу и Гарри Симсу. Мы с Хьюиттом несколько часов работали, готовя магазины. Выполнив это задание, мы отправились фотографироваться к Надеру в полном походном снаряжении. Теперь я собрал все, что мне не понадобилось, и отправил их в дом г-на де Б. (где они оставались до окончания войны), и сделал последние приготовления к отъезду. Я получил жалованье за месяц вперед от доктора Фрэнка, так что было мало шансов, что я буду нуждаться в деньгах, поскольку нас можно было найти во всем. Английское отделение "Общества защиты детей" полковника Лойда Линдсея снабдило английский контингент "скорой помощи" военными припасами, представителем которого был доктор Фрэнк.

28 августа я отправился в полной форме в "Мадлен", после чего отнес все свои пожитки во Дворец промышленности, где встретился с Мэрион Симс и побеседовал с ней. Он ласково обращался ко мне "мой дорогой мальчик"; и по мягкости его манер и отзывчивости я почувствовал, что он мне очень понравится; так впоследствии и случилось. Теперь мы все работали с энтузиазмом, собирая наши припасы, провизию, лошадей и повозки и готовясь к процессии, которая после сцены неразберихи, шума и возбуждения покинула Дворец промышленности около трех часов дня в следующем порядке: впереди три очаровательные дочери доктора Симса несли флаги Англии, Франции и Америки; затем хирурги и ассистенты хирургов; за ними перевязочные, или *суды*—*адъютанты*, одним из которых был я; затем *лазареты*, все полностью экипированы, с повозками для припасов и раненых замыкают шествие.

Пока мы стояли на своих местах на Елисейских полях, ожидая финального старта, молодая девушка, хорошенькая и элегантно одетая в глубокий траур, подошла и попыталась обратиться ко мне, но она так сильно рыдала, что я с трудом понимал, что она говорит. Через некоторое время она внятно изложила свое желание. Если ее муж когда-нибудь попадется мне на пути в раненом состоянии, она поручила мне быть добрым к нему и оказывать ему особую заботу ради нее. Искренность, с которой она поделилась своим горем со мной, незнакомцем, у которого не было ничего, что могло бы послужить ему рекомендацией, кроме его молодости, едва не растрогала меня, так что у бедняжки чуть было не появился собеседник в слезах. Она дала мне свою визитку, которая у меня до сих пор хранится. Девушке было не больше двадцати. Я попытался сказать ей что-нибудь доброе, но был так растерян и расстроен, что едва мог вымолвить ни слова. Вскоре граф де Флавины вышел вперед и обратился к нам с длинной и красноречивой речью, лестной как для наших национальностей, так и для нашего дела.

Гробовое молчание воцарилось в толпе, когда он напомнил нам о сценах, в которых мы собирались участвовать; о деле, которое мы должны были отстаивать; о трудностях, которые нам, вероятно, предстояло пережить; о добре, которое каждый из нас обязан был совершить; о

жертвовании всеми личными соображениями и даже, при необходимости, нашими жизнями во имя великого и святого дела оказания помощи раненым.

У многих на глазах стояли слезы, потому что у многих из присутствующих в тот момент были близкие друзья, которые ужасно страдали и, возможно, находились в предсмертной агонии. Эти несколько минут произвели на меня глубокое впечатление.

Теперь я понял, что вступаю в опасную кампанию, и ощутил всю тяжесть задачи, которую я взял на себя; и когда прозвучало слово "*Марш*", я вышел сильным духом и телом, гордый привилегией, которую Провидению было угодно даровать мне, и страстно желающий выполнить ту миссию милосердия, которую мы в тот день начали.

Когда мы проходили по улицам в указанном мной порядке, плотная толпа приветствовала нас по пути к восточному вокзалу, крича: "Да здравствует Америка!" "Vive l'Angleterre!" в то время как дамы махали носовыми платками из всех окон. Слезы обильно лились со всех сторон, как это часто бывает во Франции по меньшей причине, чем нынешняя. Все были восхищены практическим сочувствием иностранцев к своим раненым и страдающим соотечественникам.

Толпы были настолько велики, что нам было трудно продвигаться хоть сколько-нибудь быстро, и мы добирались до станции несколько часов.

Прибыв к месту назначения, мы заняли свои места в зале ожидания, ни в малейшей степени не зная, куда направляемся, поскольку никто не знал, кроме шефа полиции и доктора Фрэнка. Прождав пару часов, мы сели в поезд, который тронулся в темноту, так как было десять часов. Мы ехали всю ночь и на рассвете прибыли в Суассон. Здесь мы узнали, что нам было приказано немедленно присоединиться к армии Мак-Магона. Поскольку, исходя из полученной информации, доктор Симс предположил, что он находится где-то в окрестностях Седана, он намеревался направиться в Мезьер, небольшой городок по соседству, которого мы достигли в понедельник вечером, 29 августа, прибыв в Седан следующим утром, во вторник, 30-го, и оставаясь там в ожидании дальнейших распоряжений.

Когда мы въехали в город, я был поражен, увидев, что не видно ни одного солдата, а часовые, дежурившие у ворот, были крестьянами, одетыми в синие блузы, с ружьями за плечами, и единственной формой были военные кепи.

Все было тихо, когда мы спешили по улицам к нашему дому, к Золотому Кресту на улице Наполеона.

ГЛАВА III. В СЕДАНЕ.—ИМПЕРАТОР В ПУТИ.—НАШЕ ПЕРВОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ Перед ПРУССАКАМИ.—КАЗЕРН Д'Арсфельд.

30 августа мы получили приказ через *курьера скорой помощи* виконта де Шизеля немедленно отправиться в Кариньян, где шли ожесточенные бои и где, как нам сказали, французы одержали

победу. Соответственно, в полдень вся санитарная машина выехала из города через Торси-гейт на железнодорожную станцию, расположенную в нескольких сотнях ярдов от крепостной стены, откуда специальный поезд должен был доставить нас на поле наших трудов. Из-за некоторой бесхозяйственности со стороны французских властей и стечения неблагоприятных обстоятельств наш транспорт задержался так надолго, что мы не смогли уехать в тот вечер. Железнодорожные чиновники утверждали, что причиной задержки было пренебрежение со стороны нашего *компаньона* указать точное количество помещений, необходимых для перевозки наших повозок, припасов и лошадей, без которых мы не могли эффективно работать на поле боя; но реальной причиной задержки, как мы впоследствии выяснили, был захват и блокирование линии пруссаками, факт, который, на французский манер, старательно скрывался от нас. Все это очень раздражало наших начальников, которые больше всего на свете стремились попасть на фронт. Поэтому для того, чтобы мы могли отправиться в путь на рассвете следующего дня, мы разместились на эту ночь в полицейском участке. Сильно утомившись после волнений этого дня, мы отправились в бюро, где лежал весь наш багаж, и после долгих хлопот раздобыли свои накидки. Там был один большой зал ожидания, через который каждый должен был пройти, чтобы войти на станцию или покинуть ее, и здесь я и несколько моих товарищей растянулись на голых досках, завернувшись в наши пледы и пальто.

Вскоре после одиннадцати часов прибытие поезда заставило нас вскочить на ноги. Мы знали, что немцы находятся по соседству, и мысль о сюрпризе одновременно промелькнула в голове каждого из них, когда, к нашему величайшему изумлению, дверь открылась и в комнату вошел Наполеон со всеми своими высшими чинами, маршалами и генералами.

Император был одет в длинный темно-синий плащ и алое кепи, расшитое золотом. Сначала он, казалось, был несколько удивлен нашим присутствием и на минуту или две задержался с ответным приветствием, на которое в конце концов ответил легким наклоном головы. У него был усталый, испуганный и изможденный вид, и, помимо того, что он выглядел совершенно больным, он казался встревоженным и нетерпеливым. Немного помедлив, он поспешил прочь пешком, в окружении своей *свиты*, через здание полицейского участка и по дороге, ведущей в город Седан.

Я и двое моих товарищей последовали за ними, пока не увидели, что император и его свита прибыли к воротам, через которые после некоторых переговоров с часовым в синих блузах (поскольку в городе не было ни одного солдата регулярной армии) они были допущены. Когда мы собирались возвращаться в наши временные жилища, размышляя о вероятном будущем, о чем свидетельствует описанная мною сцена, мы встретили бредущую группу солдат, состоящую из солдат разных полков, как линейных, так и кавалерийских. Мы обратились к одному из них, который казался более усталым и измученным, чем остальные. Он сказал нам, что они принадлежали к 5-му и 12-му армейским корпусам и что они спаслись после сражения при Бомоне, где французы, испытывавшие несколько дней недостаток в провизии и измученные голодом и усталостью, были полностью разбиты. Он сказал, что их было около восьмидесяти, и их сопровождал офицер, который, как я впоследствии слышал, называл имя Де Файи, когда часовой окликнул его. Это был не кто иной, как генерал де Файи, который в тот самый день в Бомоне был лишен своего командования за плохое руководство и заменен де Вимпффеном. В тылу этой группы беглецов ехала повозка, нагруженная женщинами и детьми. Одна из женщин с большим сожалением рассказала, как прусские снаряды в то утро опустошили их дома в окрестностях Бомона и Рокура и как несколько частей этих деревень были тогда объаты

пламенем. Эти бедняги, окоченевшие от холода и страха, с радостью отведали содержимого нескольких наших фляжек; и все мы были довольны, когда после получасовых переговоров с часовым-крестьянином подъемный мост был опущен и их впустили в город.

Теперь я вернулся в свою каюту на станции, где крепко спал до тех пор, пока на рассвете меня не разбудил доктор Франк, который приказал нам немедленно собираться, чтобы выдвигаться на фронт. Это было утром 31 августа. На раннем рассвете был густой туман, который, однако, вскоре рассеялся, открыв нам тот факт, что мы находились недалеко от прусских позиций и что они фактически за ночь полностью овладели грядой холмов, господствующих над станцией и всем городом Седан. Временами мы могли отчетливо видеть множество прусских уланов, появляющихся время от времени из-за лесов и плантаций на высотах Марфе напротив нас и снова исчезающих, оставляя нас в полной уверенности, что там, откуда они пришли, их было больше. Немного позже, когда туман рассеялся, мы заметили в противоположном направлении, на северо-восточной окраине города, движение большого количества войск. Как мы выяснили, это были силы Мак-Магона. Теперь мы осознали, каково наше истинное положение. Наш шеф собрал нас вместе и сурово и твердым голосом старого ветерана сказал: "Джентльмены, из-за стечения непредвиденных обстоятельств, которые я не мог контролировать, мы сейчас находимся в неловком положении, оказавшись между линией огня двух армий. Если они начнут военные действия, мы пропали. Поэтому я намерен как можно быстрее отступить за французские линии ". Сказав так много, он отдал приказ двигаться дальше. Это мы проделали через несколько полей, которые пересекли с легкостью; но вскоре мы наткнулись на несколько заросших картофелем и репой грядок. Здесь наше продвижение было неизбежно очень медленным, так как мы были тяжело нагружены, а три наших фургона бороздили мягкие борозды; и поскольку мы не были вполне уверены в местности, которая лежала между нами и армией, наше положение было крайне незавидным.

Двое из нашей группы, доктора. Мэй и Тилман, выехали вперед верхом, один из них нес флажок скорой помощи. Эти двое скакали галопом, как оказалось, слишком стремительно, потому что неожиданно наткнулись на французские аванпосты, которые, не зная, что они друзья, быстро дали по ним залп. Узнав, кто они такие, они не повторили этого приветствия. Как раз в тот момент, когда наши запряженные фургоном лошади остановились, совершенно выбившись из сил от того, что тянули и барахтались в мягкой земле, доктор Дж. Мэй и Тилман галопом вернулись, чтобы сообщить нам, что Маас лежит между нами и основными силами армии и что нет ни моста, ни другого способа переправиться, не обходя город.

Как раз в этот момент поспешно прибежал курьер с сообщением, что, поскольку пруссаки только что были замечены в непосредственной близости, городские ворота будут немедленно закрыты и что военный комендант требует, чтобы мы немедленно начали отступление и зашли в тыл французской армии. Теперь мы видели, что не было другого выхода, кроме как оставить наш багаж, припасы и повозки там, где они были, и лететь в город, что мы и сделали со всей возможной поспешностью, поскольку из-за расположения противника мы каждую минуту ожидали, что произойдет сражение. Когда мы вошли в ворота, двое гражданских вызвались за вознаграждение забрать багаж и повозки во главе с Мэй и Тилманом. Эти два джентльмена были ветеранами Американской армии Конфедерации, как и все остальные американцы из нашей "скорой помощи", за исключением Фрэнка Хейдена, который был родом с Севера.

Они вернули не только все наши пожитки, но и некоторое количество картофеля, который нашли в поле, где были оставлены фургоны, и которым мы в основном питались в течение следующей недели.

Теперь мы явились к военному интенданту, который сообщил нам, что накануне вечером он получил приказ подготовить 1800 коек для размещения раненых. В городе не было ни военного хирурга, ни каких-либо медицинских запасов или приспособлений, кроме наших собственных; а о гражданских врачах мы никогда не слышали, да они и не были в курсе.

Военный интендант предоставил в наше распоряжение все кровати, которые он предоставил, и предоставил нам полный контроль над их размещением и управлением.

Соответственно, мы овладели казармой Асфельд и приготовились к приему раненых. Мы также организовали наши склады таким образом, чтобы все было под рукой, когда потребуется.

Пока мы были так заняты перевозкой наших припасов и раскладыванием по местам готовых к употреблению вещей, я увидел императора Наполеона, медленно расхаживающего взад-вперед перед зданием Государственной префектуры с сигарой во рту, заложив руки за спину и опустив голову, рассеянно глядя в землю.

Все то утро мы слышали отдаленный грохот пушек, доносившийся с юга, со стороны Кариньяна и Музона. По мере приближения дня канонада приближалась и становилась все отчетливее, пока не стало казаться, что она раздается в непосредственной близости от города. С наступлением темноты стрельба прекратилась, и мы смогли разглядеть отблески далекой деревни в направлении Доузи, освещавшие темноту.

Краткий очерк обороны Седана, а также объяснение положения, в котором находился наш госпиталь по отношению к укреплениям, не будут лишними. Река Маас, на правом берегу которой расположен Седан, сообщается шлюзовыми воротами с двумя глубокими траншеями шириной около тридцати футов, отделенными друг от друга высокой насыпью. Когда открыли эти ворота, траншеи и обширное пространство лугов, простиравшееся почти до Базейля и вдоль реки за ним, были затоплены, и таким образом город был защищен двойным мокрым рвом примерно на три четверти его окружности. Все это находилось за пределами каменных валов, на которых стояли тяжелые осадные орудия, якобы для защиты города. На самом деле это были устаревшие муляжи. Снаружи, опять же, были высокие земляные валы, обнесенные прочным частоколом из шипастого дерева. На вершине северо-восточного угла укреплений, возвышаясь над плато Флоинг, возвышалась Цитадель — огромная темная масса каменных построек и поросших травой склонов, которые, казалось, хмурились над чередой крутых утесов, нависающих над городом внизу. Над ним располагался наш госпиталь Казерн Д'Асфельд, названный в честь французского маршала времен Людовика XIV. Пруссак впоследствии знали его как "Кронверк Д'Асфельд". Это была крепость с подъемным мостом и собственными оборонительными сооружениями. Из этих деталей мы можем судить, какой цитаделью был бы Седан, если бы не гряда холмов напротив, называемых Высотами Марфе. Но они господствуют над городом, и пруссакам было разрешено занять их.

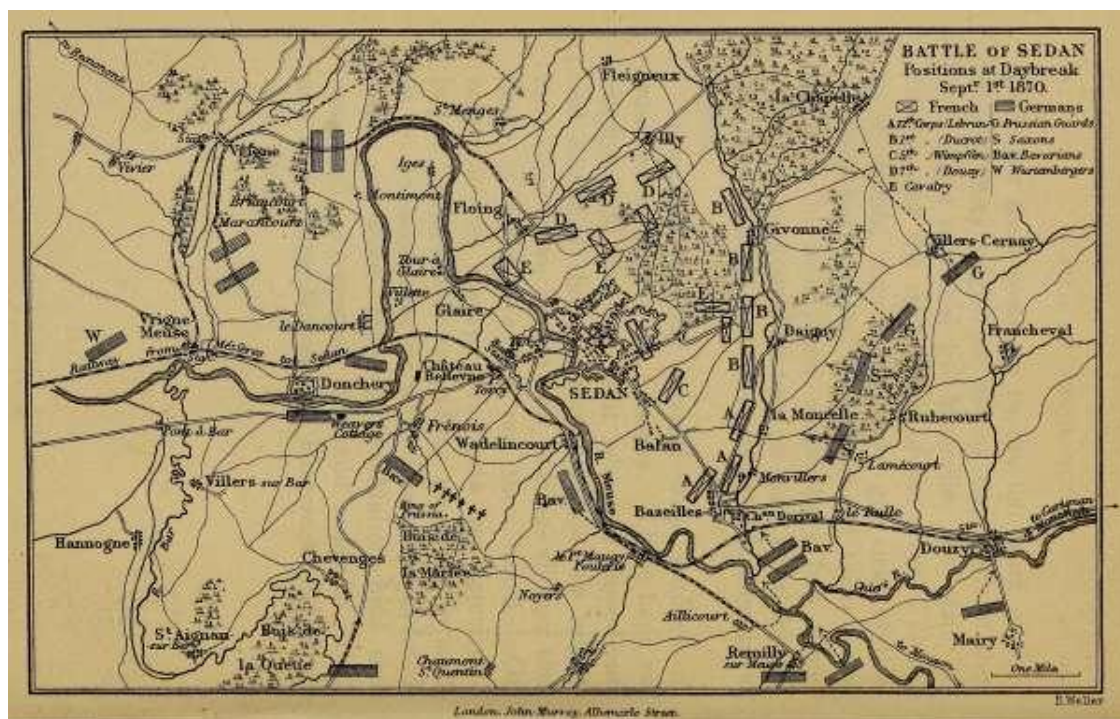
Теперь, что касается самой казармы. Расположенная на самой высокой точке укреплений, примерно в 100 футах над Маасом, она могла показаться самым подходящим местом для размещения госпиталя. Это было двухэтажное, защищенное от бомб здание с плоской крышей, длиной 240 футов, вмещавшее девять больших палат размером пятьдесят три на семнадцать футов и высотой десять футов, а также четыре маленьких, по двадцать коек в каждой. В каждой палате было по два просторных окна. Полы были бетонными. На укреплениях снаружи росли ряды великолепных деревьев, которые придавали территории живописный вид. Но впереди, лицом к городу, деревьев не было, и с этой точки нам открывался прекрасный вид на Седан и долину Мааса с холмами напротив. Были видны деревни Доншери, Френуа и Ваделенкур.

Шесть пушек располагались на внешних брустверах позади зданий, а два люка вели под укрепления, на равнины Флоинга. Мы слышали от раненых, а также из других источников, что французы отступают на Седан и что пруссаки удерживают левый берег Мааса, а также долину и холмы вокруг нее. Французы, со своей стороны, заняли высоты Или к северу от города над плато Флоан, Лесной массив Гаренн, а также восточные и юго-восточные равнины, от Дени и долины Живонн до Базейля. Следовательно, даже на столь раннем этапе было очевидно, что французская армия располагала лишь небольшой полосой местности к северу и востоку от Седана, между правым берегом Мааса и Арденнами, по которой можно было успешно отступить к Мезьеру. И из этого узкого пространства только ущелье Святого Альберта было доступно для прохода большим отрядам солдат.

Прусские аванпосты уже находились в Вендрессе и Доншери. Если бы им удалось продвинуться дальше на север до того, как двинутся французы, они могли бы отрезать отступление всей армии.

Передвижения французов в этих проливах вызвали у нас крайнее недоумение. Они должны были знать о своем положении, если не 29-го, то уж точно 30-го и 31-го. Почему же тогда они не удержались на левом берегу Мааса и не захватили единственную доступную сильную позицию, видимую на той стороне, — высоты Марфе, которые они могли бы удержать и овладение которыми прикрыло бы их отступление вдоль ущелья Сен-Альбер? Вместо этого они предпочли отступить к Седану - ловушке, из которой ни один здравомыслящий человек, военный или гражданский, не мог при сложившихся обстоятельствах ожидать, что армия освободится сама. Эти позиции были заняты пруссаками в кратчайшие возможные сроки. Но даже если бы французы не смогли подойти по левому берегу Мааса, они могли бы уже ночью 31-го отступить к Монселю, равнине Флоинг и правому берегу реки. Таким образом, во всяком случае, они убрались бы подальше от тяжелых орудий противника, которые атаковали их с холмов впереди; и у них был бы некоторый шанс встретить своих врагов на более равных условиях. Но они шли навстречу своей гибели, как люди во сне.

Поздно вечером того же дня в Казарму прибыло несколько больших партий раненых. Этим мы занимались до полуночи, когда выскользнули из дома и поднялись на укрепления, чтобы еще раз взглянуть на все еще пылающую деревню, названия которой мы тогда не слышали. Конечно, это был Доузи. И теперь по бесчисленным лагерным кострам, мерцавшим вокруг нас со всех сторон, мы поняли, что находимся недалеко от злополучной армии, которой командовал маршал Мак-Магон. Завтра она перестанет существовать, а вместе с ней придет конец и Наполеоновской империи.

БИТВА при СЕДАНЕ на

позициях на рассвете

Sept. 1^{-го}. 1870г.

Лондон, Джон Мюррей, Албемарл-стрит.

Э. Уэллер

Французские

A 12-й^{-й} корпус (Лебрен)

B 1-й^{-й} (Дюкро)

C 5-й^{-й} (Вимпффен)

D 7-го числа

вюртембергцами и кавалерией"

немцы

G прусский гвардейский

S саксонцы

Бав. Баварцы

" (Дуси)C

ГЛАВА IV.

ПЕРВОЕ СЕНТЯБРЯ 1870 г. —СОБЫТИЯ В КАЗЕРНЕ.—РАНЕННЫЕ ЛОШАДИ.—ОТСТУПЛЕНИЕ ФРАНЦУЗОВ ПРЕВРАЩАЕТСЯ В ПАНИЧЕСКОЕ БЕГСТВО.—СОЛДАТЫ В ОТЧАЯНИИ.

Полный странных предчувствий, я удалился в караульное помещение в конце здания, выходившего окнами на город, где у отца Байонна, нашего доминиканского капеллана Хьюитта и меня стояли носилки. Измученный, я спал так крепко, как будто ничего не произошло или не должно было произойти. Но примерно без четверти пять на следующее утро, в тот исторический четверг, 1 сентября, мы с папашей Байоном были разбужены странным и ужасным грохотом пушек. Мы слышали непрерывный свист снарядов и мало-помалу продолжительные раскаты митральез. Выглянув наружу, мы увидели густой туман, стелющийся по долине и облепляющий склоны холмов перед нами. Вскоре прояснилось; утро стало удивительно погожим, и солнце светило с добродушным теплом.

Прямо под нами лежал город с его двойными укреплениями и траншеями, заполненными Маасом, который казался серебряной нитью, петляющей по очаровательно лесистой и восхитительной местности. Вся гряда холмов, возвышавшихся над городом, была занята пруссаками; и мы могли видеть их артиллерию и батальоны в темно-синей форме, с их остроконечными шлемами и штыками, сверкающими на солнце.

Нам также не пришлось долго ждать, прежде чем 150 орудий, каждое в свою очередь, изрыгнули огонь и дым. В течение первых двух часов самая тяжелая часть боев велась с левой и дальней оконечности этой гряды холмов. Но когда наступило утро, орудия прямо напротив нас открыли огонь, хотя основные силы пруссаков еще не показались в долине. Равнины и холмы к северу и северо-востоку от города и непосредственно за нами были заняты французскими войсками, ближайшими были Линейный полк, полк зуавов и отряд кирасиров. Было великолепно видеть, как блестели на солнце яркие шлемы и нагрудники последних, когда они время от времени проносились вперед и занимали новые позиции. Я наблюдал, как они внезапно развернулись и пронеслись галопом с бешеной скоростью несколько сотен ярдов, затем остановились, делая второй круг, и рванули к опушке леса на возвышенности, где и остались неподвижны. Затем Линейный полк выдвинулся вперед и открыл огонь по ним, вниз, в долину под лесом; в то время как в течение двадцати минут наступающие пруссаки поддерживали ожесточенный ответный огонь, французы все еще продвигались вперед, оставляя нам много работы в своем тылу. Когда стрельба прекратилась, кирасиры, которые до этого были неподвижными зрителями этой сцены, внезапно перешли сначала на шаг, затем перешли на рысь и, наконец, миновав опушку леса, перешли на полный галоп. Они бросились вниз по долине Флоинг и быстро скрылись из виду. Это было началом, как я узнал впоследствии, одного из самых блестящих подвигов французского оружия в тот день. Это было наглядно описано доктором Расселом, военным корреспондентом *Times*. Вне всякого сомнения, до полудня, когда исчезли все шансы на успех, французы храбро сражались. Я приведу здесь пример одного из многих личных доблестных подвигов, который попал в поле нашего зрения.

Пока я помогал перевязывать раненого солдата, он рассказал мне следующую историю, которая впоследствии была подтверждена одним из его офицеров, пришедшим навестить его. Этим солдатом был Сент-Обен из Третьего полка африканских егерей, о котором мне еще

предстоит рассказать. Ему было всего двадцать три, и он был высоким, светловолосым, красивым парнем. Он провел в бою семь часов и получил удар штыком в щеку. Его лошадь была подстрелена под ним во время бегства французов к Седану. Все еще не теряя самообладания, он вооружился одним из валявшихся поблизости ружей и, присоединившись к отряду морских пехотинцев, лучших людей французской армии, вместе с этим доблестным отрядом снова встретился лицом к лицу с врагом. Многие его товарищи пали; сам он получил пулю в правый локоть. Быстро разорвав зубами носовой платок на полоски, он перевязал раны и, пристегнув запястье к поясу, схватил меч, полный решимости сражаться дальше. К несчастью, осколок снаряда снова попал в него, раздробив правое плечо. В таком положении он вскочил на отбившегося от стада коня и, как он сказал мне, держа меч в зубах, прищпорил своего скакуна и присоединился к своим товарищам в Седане, где упал из седла от полного изнеможения и потери крови.

В начале дня за пределами города, около Балана и Базейля, а также между нами и бельгийской границей шли ожесточенные бои. Уже в десять часов стало очевидно, что пруссаки расширяют линию огня с обеих сторон, имея конечной целью окружение французской армии, которая теперь медленно оттеснялась к городу. К одиннадцати часам равнины к северу и востоку от нас и бельгийской границы были заняты плотными массами французов; а в полдень прусская артиллерия на холмах впереди обратила свой огонь поверх наших голов на французские войска позади нас. С этого момента мы оказались в гуще сражения. Вокруг нас со всех сторон бушевал жестокий и кровопролитный конфликт. Прусские орудия впереди, которые с раннего утра вели прерывистый огонь, теперь, казалось, действовали согласованно, и грохот пушек и свист снарядов стали непрерывными. Это была ужасающая смесь звуков, и мы едва могли слышать слова друг друга.

Во время этого убийственного обстрела мы приняли в наш госпиталь двадцать восемь офицеров всех рангов (среди них двух полковников) и почти 400 человек всех родов войск. Время от времени один из снарядов, которые быстро пролетали над нами, не достигал цели, поражая то крышу нашего Госпиталя или каменные зубчатые стены перед ним, то земляной вал или дерево внутри форта. Один из этих снарядов разорвался у главного входа, недалеко от того места, где я работал, убив двух санитаров и ранив третьего, — первые два действительно превратились в массу обугленной плоти, зрелище невыразимого ужаса. Второй снаряд разорвался недалеко от окна палаты, в которой находился доктор Дж. Маккормак, Николл, Тилман и Мэй орудовали, откалывая фрагмент краеугольного камня; третий попал в выступающую стену укрепления, нависающего над городом, примерно в двадцати футах от окна нашей столовой; осколок вошел внутрь и проделал дыру в потолке. Бомбоубежище над нашими головами обрушило град французских митральезных пуль, которые так напугали нашего повара, что он опрокинул банку с пикантным супом из конины, который готовил для нас. Но, чтобы усугубить опасность, около половины третьего артиллерийский отряд, захвативший с собой три медных девятифунтовых орудия, ворвался в наше окружение (ибо, как я уже сказал, орудия, которые, как предполагалось, охраняли наш форт, были абсолютными муляжами) и открыл яростный огонь по врагу в тщетной попытке дать возможность отряду Дюкро присоединиться к Де Вимпффену в Балане. Это была смелая и решительная попытка, но столь же тщетная, сколь и опрометчивая, поскольку она обрушила на нас огонь пруссаков; и менее чем через полчаса французам пришлось бросить свои орудия, которые вскоре были разобраны, в то время как траншеи вокруг них были заполнены убитыми и ранеными. Однажды мы с доктором Мэй насчитали на равнине восемьдесят пять мертвых лошадей, не считая покалеченных. Страдания этих бедных животных,

которые, как правило, были ужасно изуродованы, казалось, вызывали жалость почти в такой же степени, как и страдания самих людей. Люди, если были ранены очень тяжело, лежали неподвижно, и их нуждам быстро оказывали помощь; но лошади, иногда с выпотрошенными животами и раздробленными конечностями, продолжали дико брыкаться и фыркать под снятыми с вооружения лафетами и перевернутыми фургонами с боеприпасами, пока либо дружеский револьвер, либо смерть от истощения не положили конец их мучениям.

Повсюду на этой равнине, к северу от города, царила теперь самая безнадежная неразбериха. Солдаты, совершенно деморализованные — более половины из них были без оружия — плотными массами прижимались к крепостным валам, стремясь таким образом спастись от смертоносного огня, направленного на них наступающими пруссаками. Было ясно, что удача в тот день была не на стороне французов; и если мы спросим о причине, некоторый ответ можно найти в показаниях полковника, который со всхлипами рассказал нам, что в течение шести часов он находился под огнем и не получал никаких приказов от своего генерала. Немного позже, около половины четвертого, офицер, несущий знамена своего полка, ворвался в наш госпиталь в состоянии дикого возбуждения, крича, что французы проиграли, и умоляя доктора Мэя спрятать его знамя на одной из наших кроватей, — просьба, которую последний с негодованием отказался выполнить.

Примерно без четверти четыре, хотя шум битвы все еще не утихал, мы увидели развевающийся белый флаг, и поползли слухи о перемирии. Пространство вокруг казармы Асфельд было в это время запружено войсками; и кучка их спорила о воде у нашего колодца, который, работая только с помощью лебедки и ведра, давал лишь скудный запас. События, которые последовали за этим, были описаны французами как попытка Дюкро провести свои войска через город и выйти через Баланские ворота, чтобы подкрепить генерала Вимпффена и поддержать его последнюю попытку прорваться через немецкие линии. Но на самом деле произошло вот что: французы, осознав, что битва проиграна, впали в панику, и, полностью выйдя из-под контроля своих офицеров, их отступление к Седану было, по правде говоря, паническим бегством полностью дезорганизованной и разгромленной армии. Это было странное зрелище, и его отнюдь не легко было представить. Огромная и разнообразная коллекция людей, лошадей и материалов была втиснута в сравнительно небольшое пространство, все в крайнем беспорядке. Солдаты всех родов войск — кавалерии, пехоты, артиллерии — выбрасывали свое оружие или оставляли его в разных местах штабелями высотой в четыре-пять футов. Не обращая внимания на приказ, они направились в город всеми доступными входами. И я видел, как французские офицеры проливали слезы при виде зрелища, на которое никто, не выступивший против них с оружием в руках, не мог смотреть без горя и стыда.

Полковник, который с честью пронес своих орлов через битвы при Верте и Вайсенбурге, рассказал, как он похоронил знамя своего полка вместе со своими собственными наградами и сжег свои знамена, чтобы они не попали в руки врага. У всех этих офицеров был только один крик: *"Никто нас не предаст!"*, открыто заявляющий, что потеря их страны и бесчестие ее оружия произошли из-за вероломства и некомпетентности их государственных деятелей и генералов. То, что некоторые из этих обвинений в государственной измене были вполне обоснованными, не подлежит сомнению: всеобщую некомпетентность мы видели собственными глазами.

Я наблюдал один примечательный случай во время этого всеобщего беспорядка. Полк туркоков вошел в нашу ограду со своими офицерами, в идеальном порядке, полностью вооруженный. Эти изможденные на вид парни, свирепые, загорелые и великолепного телосложения, стояли невозмутимо и молча, их плащи, капюшоны и гетры все еще оставались ослепительно белыми. Наблюдая в течение нескольких минут, я заметил движение среди них, и они начали страстную дискуссию на своем родном языке, очевидно, на тему, интересующую их всех. Через минуту вывод был очевиден. Небольшими группами подходя к парапету и размахивая ружьями, они отламывали приклад от каменной кладки и бросали обломки в ров под ней. Таким же образом они избавились от своих тяжелых пистолетов и табельного оружия. Затем, закулив сигареты, они снова впали в состояние безмолвного и мечтательного бездействия, в котором не было произнесено ни слова.

По дорогам, ведущим к воротам города, особенно по той, что под нами, текла плотная масса солдат, принадлежащих к различным полкам, с большим количеством лошадей, которыми управляли в основном офицеры, и несколькими повозками, все стремглав несущимися к воротам. Когда они проезжали по узким мостам, буквально десятками тысяч, тесно прижавшись друг к другу, несколько лошадей и несколько человек были сброшены с низкого парапета в реку, и многие из беглецов были растоптаны ногами. Наконец, между четырьмя и пятью часами вечера, стрельба постепенно ослабла. В течение некоторого времени она все еще продолжалась, но в беспорядочной манере, в направлении Балана. В половине шестого это прекратилось совсем, и чувство облегчения было неописуемым.

Территория вокруг казармы Асфельд тем временем наполнилась беглыми солдатами, чьим первым подвигом было насильно проникнуть в нашу кухню и кладовые и разграбить все, что попадется под руку. Конечно, их подтолкнула к этим действиям острота ситуации. Вину за подобные эксцессы нельзя не возложить на этот центр всей коррупции, французский комиссариат, который в тот день потерпел крах, как это происходило на каждом шагу в течение всей кампании. У нас было несколько раненых в театре на площади Тюренн в Седане; но улицы и площади были так плотно запружены людьми, что некоторые из нашего персонала с трудом могли пробиться к ним. Теперь все сгорали от нетерпения узнать, сдадутся ли французы или завтра возобновятся военные действия. Продолжение борьбы, как мы чувствовали, означало бы, что около ста двадцати тысяч солдат и мы вместе с ними должны были быть похоронены в развалинах Седана.

Однако вскоре наши опасения развеялись. Перед наступлением темноты мы узнали, что император начал переговоры с германским королем и что капитуляция неизбежна.

Наконец наступила темнота. Ночная тишина не нарушалась, если не считать музыкального жужжания, доносившегося словно из огромного пчелиного улья; это был гул голосов, исходивший от сотен тысяч человек, запертых в клетках осажденного города. Когда мы на мгновение остановились на зубчатой стене, вдыхая прохладный воздух, к которому все еще примешивался отвратительный запах поля боя, нашему взору предстало впечатляющее зрелище! Базейль горел; его пламя ярко освещало небо и четко выделяло холмы и долины на многие мили вокруг; оно даже бросало красные отблески на сам Седан; в то время как над местом горящей деревни, казалось, танцевал один огромный огненный столб, из которого вырывались языки пламени, трепещущие и устремляющиеся в атмосферу, когда дом за домом охватывало пламя.

Говорят, что число французов, раненых за те несколько часов, о которых я пишу, составило 12 500 человек. Вероятно, треть этой цифры соответствует числу прусских потерь. Что касается нашей собственной машины скорой помощи, то в течение того дня она оказала хирургическую помощь 100 офицерам и 524 солдатам. Количество убитых никогда не будет известно; все, что я могу утверждать, это то, что местами французы были скошены на наших глазах, как трава. На одиноком склоне холма, опоясывающем Гаренский лес, есть заросли, на расстоянии выстрела из ружья от Казерн д'Асф, где тридцать шесть человек пали вплотную друг к другу. Там они были похоронены в одной общей могиле, и мало кто, кроме меня, может рассказать эту историю.

Такова история Седана, какой я ее видел, и настолько достоверный отчет, насколько я могу дать на основании моего собственного опыта, о том незабываемом 1 сентября 1870 года.

ГЛАВА V. СОЖЖЕНИЕ БАЗЕЙЛЯ.—НИКЧЕМНЫЕ ФРАНЦУЗСКИЕ ОФИЦЕРЫ.—ПРОГУЛКА По СЕДАНУ.—В ДОЛИНЕ.

К нашим трудам в больницах я вскоре вернусь. 31-го числа доктор Дж. Фрэнк и Блевитт открыли филиал больницы в Балане и в течение того дня и 1 сентября оказывали помощь, как там, так и в Базейле, тем, кто был ранен в уличных боях или пострадал от огня. Доктор Блевитт сообщил мне, что однажды в доме, в котором они лечили большое количество раненых, окна и двери были настолько изрешечены пулями, что, чтобы спастись, им пришлось лечь на пол и оставаться там, пока не закончился свинцовый ливень. Французские жители также, по его словам, стреляли в баварцев; они подожгли их постельное белье и мебель и бросили их на головы немцев, которые теснились на улицах; и после первого отпора захватчиков несколько раненых пруссаков были варварски зарезаны, некоторым даже (ужасно рассказывать) перерезали горло бритвами. Сообщалось, что это была работа французских женщин. С другой стороны, несколько солдат-туземцев были найдены прислоненными к стенам в сидячей позе, с трубками и цветами во рту. После повторного захвата деревни, когда немцы обнаружили, что было сделано, они нанесли ответный удар, расстреливая и закалывая штыками всех перед собой, и в некоторых случаях женщины и дети не избежали этой жестокой участи. Действительно, немцы были настолько разъярены событиями тех двух ужасных часов 1-го числа, что не пощадили ни одной жизни, ни одного дома в этом несчастном городке.

Такова, вкратце, была история Базейля. Это не та тема, на которой можно останавливаться. Когда через день или два мне довелось проезжать через него и я увидел все еще горящие руины, свидетельствовавшие об ужасных деяниях, совершенных с обеих сторон, мое сердце упало. Все, что огонь и меч могли обрушить на любой город и его жителей, было видно здесь; и не будет преувеличением утверждать, что до тех пор, пока имя Базейля помнят, пятно будет лежать на памяти французов и немцев, которые внесли свой вклад в его разрушение.

5 сентября доктор Франк вступил во владение замком Мувиль, принадлежавшим графу де Фиенну. Он расположен между Баланом и Базейлем и был быстро заполнен ранеными из обоих мест. Но в течение некоторого времени наша "скорая помощь" не могла проехать со своими тележками по улицам, настолько им мешали обугленные останки мертвых и умирающих.

Теперь я описал то, за что могу поручиться, по свидетельству некоторых моих спутников, что произошло в этих двух местах; и я оставляю свой собственный отчет о том, что я сам видел в Базейле, до более позднего случая.

Возвращаться в Седан. С приближением ночи беженцы у казармы разожгли костры и поставили палатки. Те, у кого не было палаток, завернулись в свои плащи и улеглись именно там, где оказались. Все были измучены усталостью, долгими переходами, отсутствием еды и сна; казалось, они были только рады отдохнуть где угодно и насладиться передышкой от страданий и тягот, которые на протяжении стольких дней давили на них.

Истинная история этих несчастных солдат никогда не станет известна в деталях; а если бы и стала, общественность вряд ли поверила бы в это. Многие из них начинали, как я слышал из их собственных уст, с получением только двух третей комплекта, который был им заказан. В некоторых случаях им не хватало второй пары ботинок; а если нет, то поставляемая пара имела толстую коричневую бумажную подошву, обтянутую кожей, и часто не подходила по размеру. Людей, как мы с совершенной точностью читаем в "*La Débâcle*", маршировали и отводили без всякой цели; они получали противоречивые приказы; и я узнал из их заявлений, что ни генералы, ни младшие офицеры не знали, куда они направляются; и что один корпус постоянно ссорился с другим просто потому, что не был знаком с картой района, в котором они находились. Многие заявляли мне, что их офицеры были *салонными офицерами*; они были *канальями*, говорили солдаты, которые под огнем первыми искали укрытия и со своей безопасной позиции кричали: "*Вперед, мои храбрецы!*" На самом деле, простые солдаты чувствовали и выражали к ним самое искреннее презрение. У меня было множество доказательств этого. Этого было достаточно, чтобы увидеть, как рядовые входили в кафе и садились рядом с офицерами своего полка, как я видел, они делали, почти не обращая на них внимания или удостоивая их лишь слабым приветствием. С другой стороны, когда офицеры заходили в кафе (что они делали при каждом удобном случае), солдаты делали вид, что не замечают их. Я наблюдал, и не один раз, а десятки раз, как линейные капитаны, увешанные орденами, сидели в тавернах и пили пиво и абсент с простыми солдатами. Они были столь же отвратительны в своей фамильярности, как и в недостатке храбрости; и кого может удивить, что их люди не уважали их, или что такие лидеры не имели никакого контроля над рядовыми в бою?

Как я упоминал ранее, мы оказали помощь нескольким высокопоставленным офицерам, которые были ранены 1-го числа. Они, в свою очередь, без колебаний показали, насколько мало доверия они питали к вышестоящим классам, настаивая на том, что их продали и предали. Они не получали никаких приказов; и дивизионные генералы не смогли совершить свои различные марши в назначенное время и вызвать свой комиссариат, потому что их передвижениям препятствовали император и его штаб с их бесконечным багажом и бесполезными слугами. Подобные заявления, а также то, чему я был свидетелем сам, за очень короткое время убедили меня в том, что не солдатам Франции не хватало мужества и выносливости, но их офицеры были совершенно некомпетентны, а их комиссариат и вся военная организация прогнили насквозь.

Но в мою больницу. Когда я обходил здание, зрелище было живописным и очень человеческим: костры, освещающие всю землю, усеянную под большими деревьями измученными спящими. Войдя в одну из дверей, я наткнулся на что-то, что оказалось дремлющим Турко. Парень выкрикнул слова, совершенно непонятные для меня, и перекатился, не доставляя себе больше

никаких хлопот, с моего пути. Теперь медицинский персонал удалился и набросился на хлеб, мясо и суп, которые были спасены тем утром от грабителей нашей кладовой; после чего мы снова возобновили работу. Нас продержали за этим занятием всю ту ночь, следующий день и несколько часов после этого, без перерыва. В течение всего следующего дня мы были заняты приемом и транспортировкой раненых из коттеджей и усадеб, разбросанных по равнинам в Илли и Флоинге, все они были забиты инвалидами боевых действий. Моей обязанностью в казарме было перевязывать легкораненых и ассистировать у операционного стола до полудня, когда наш добрый и внимательный шеф попросил меня взять четырехчасовой перерыв и немного поспать.

Однако вместо того, чтобы отдохнуть, в чем, без сомнения, кто-то нуждался, я отправился в вылазку с Ф. Хейден отправился в экспедицию в город, к Золотому Кресту, где 31-го числа я оставил кое-что, что, как я думал, смогу найти. Нам было трудно выбраться из нашего собственного загона, и даже на крутой тропинке, ведущей в город, люди спали, в то время как другие бродили вокруг в поисках пищи. Но когда мы добрались до Седана, улицы были запружены солдатами. На нескольких углах мы остановились, чтобы посмотреть на мужчин, которые рубили туши лошадей, которых они только что убили. Их окружали голодные толпы, многие из которых жевали куски сырого мяса, добытые ими, не дожидаясь, пока оно приготовится; а на площади Тюренн лежали окровавленные скелеты двух лошадей, с которых были срезаны все до последней частички плоти. Здесь, как заверил меня наш повар, "черномазый Чарли", был источник моей утренней трапезы, которую я запил бренди и с большим удовольствием съел. Возможно, меня простят за то, что я быстро отвернулся от этой отвратительной сцены.

Обнаружив, что двигаться дальше невозможно, мы вернулись к Казарме и, выйдя на этот раз через один из люков, осмотрели место, по крайней мере частично, вчерашнего сражения.

Был прекрасный осенний вечер, и ярко светило солнце. Бабочки порхали туда-сюда, и мириады насекомых танцевали на свету, словно заключая пари. Как раз в тот момент, когда мы шли вдоль окопов снаружи, нас едва не постиг бесславный конец из-за ливня, но не из пуль, а из *пистолетов*, которые перелетали через зубчатые стены и продолжали падать с интервалами. Посмотрев вверх, я увидел стоящего на выступающем углу рослого Турко, который делал знаки, чтобы я держался поближе к парапету, что я и сделал. Этот дружелюбный парень убедил своих товарищей ненадолго воздержаться и таким образом позволил нам отступить.

Выбравшись за крепостные стены, мы оказались к северу от города, впереди возвышался Гаренский лес, а слева от нас раскинулась долина Флоинг. Но плато, которое вчера кишело бурлящей массой солдат, сражавшихся с врагом, и на котором мы видели, как кирасиры и африканские егеря при звуке трубы сломя голову неслись в своем безумном бегстве навстречу смерти, — теперь затихло и представляло собой поле таких ужасов, которые не поддаются описанию.

Похоронные бригады усердно работали уже несколько часов, но мертвецы все еще лежали разбросанными повсюду: здесь поодиночке, там по двое и по трое, — и снова сбитыми в кучу группами, которые были скошены на месте одним и тем же снарядом. Их черты в некоторых случаях были искажены и на них было страшно смотреть: у некоторых были снесены части черепов и лиц, в то время как то, что осталось от их черт, осталось неизменным; у других была разорвана грудная клетка и торчали внутренности; другие, опять же, искалечены и расчленены.

Большинство из них лежали либо на спине, либо на лицах, без каких-либо видимых признаков характера их смертельных ран. И некоторые из них получили первую помощь в виде хирургического вмешательства и умерли в тех позах, в которые их поместили.

Ниже по долине трупы в красном и синем, ряды мертвых лошадей, сломанные копья и сабли, погнутые ножны безмолвно, но убедительно говорили о ярости той исторической схватки. Если посмотреть вдоль равнины примерно на полмили в каждую сторону, то можно было увидеть, что теперь опустевшее поле боя, насколько хватало глаз, усеяно ружьями, боеприпасами и перевернутыми повозками. Там были экипажи и мертвые лошади рядом с ними; огнестрельное оружие всех видов, сложенное штабелями в несколько футов высотой, и бесчисленные рюкзаки; шапки, шлемы, пояса, плюмажи, кивера, шпоры и сапоги, и все мыслимые описания военного снаряжения. Кроме того, мы заметили всевозможные предметы — губки, щетки, письма, записные книжки, солдатские полковые книги, ноты для оркестра, жестяные коробки разного размера с самым разнообразным содержимым, другие пустые, а их прежнее содержимое разбросано повсюду; а также сетки для сена, седла, сбрую, хлысты, уздечки, удила, барабаны, части оркестровых инструментов и, фактически, столько описаний предметов больших и малых, что хватило бы на огромный базар.

В одном месте я нашел шассепо, перевернутый вместе со штыком, установленный в изголовье могилы французского солдата, и кавалерийскую саблю, которая лежала обнаженной рядом со своим владельцем, который, еще не похороненный, бессмысленно смотрел перед собой остекленевшим взглядом, в то время как мухи роились у его полуоткрытого рта. Единственным свидетельством того, как он встретил свою смерть, был небольшой участок окровавленной земли рядом с ним — не красной, а смолисто-черной. Под рукой также лежали, покрытые кровью, удила и уздечка, без каких-либо указаний на то, как они туда попали.

Унылое однообразие этой сцены нарушали только разбросанные тут и там небольшие холмики свежей земли, отмечавшие места захоронения тел убитых, которых было от одного до десяти в каждом месте захоронения. Похороны все еще происходили на наших глазах.

Над многими могилами были установлены деревенские кресты, сделанные из двух связанных вместе кусков дерева или, что чаще, из оружия.

Несмотря на безмолвие открывшейся перед нами перспективы, ее скорбная тишина время от времени нарушалась ржанием и топотом табунов лошадей, еще не пойманных, которые бродили в бесплодных поисках пищи и воды. Когда они дико озирались по сторонам с раздувающимися ноздрями, — на некоторых из них осталось ровно столько одежды, чтобы указать на военный статус их бывших хозяев, — можно было почти подумать, что, все еще непокоренные, они искали своих товарищей и участия в битве.

В своей прогулке я прошел через несколько садов, огибающих Гаренский лес. Жалко было смотреть на их состояние. Деревья были полностью разрушены, все их ветви переломаны; цветочные клумбы были вспаханы разрывами снарядов, а дома превратились в развалины. В некоторых из них эти ракеты пробили чистую брешь. Дальше направо находилось симпатичное маленькое кладбище, засаженное тисовыми деревьями, вечнозелеными растениями и цветами, на котором стояло множество небольших памятников из мрамора и тесаного камня; но они, по большей части, были сломаны или обезображены, а железные ограды и кустарники вокруг них были сорваны.

Проходя мимо, я на мгновение задержался, чтобы взглянуть на два кладбища: одно с многовековой историей, судя по множеству древних надгробий, — другое было построено вчера, и единственными памятниками на нем были небольшие холмики свежей земли, над которыми через несколько месяцев колышутся зеленые весенние колосья, стирая память о сегодняшней ужасной сцене.

Спеша покинуть это унылое место, я миновал несколько похоронных отрядов. Церемонии, которые они использовали, были достаточно грубыми и скудными; все, что они делали, это опускали тело в свежевырытую могилу и молча засыпали его землей.

Затем мы поднялись на поросшую деревьями высоту над плато Флоинг, где предыдущим утром видели скопление кавалерии. Сначала мы вошли в лес. Его пересекали аллеи, которые вели к обсерватории и замку в центре. Здесь, как и везде, царил беспорядок. Можно было легко предположить, что целая армия была уничтожена в процессе приведения себя в порядок: ведь все вещи, принадлежащие солдату, от его парадной формы до белья и сапог, были разбросаны во все стороны. Винтовки и всевозможное оружие были выброшены сотнями. Заросли во многих местах были очень густыми, но даже среди почти непроходимого кустарника мы в изобилии находили оружие и амуницию. Не раз мы натыкались на трупы французских солдат, которые лежали так, словно спали. Вероятно, они добрались с места резни до этого уединенного места и там скончались, никем не тронутые.

В одном месте подлесок был таким густым, что мне пришлось пригнуться, чтобы пробраться сквозь него. Мое внимание привлекли признаки того, что в том направлении была проложена тропинка. Немного дальше я обнаружил открытое пространство площадью в несколько квадратных ярдов, которое теперь было занято могилой. На нем не было никакого герба, кроме креста, нацарапанного на красной глине. Рядом с ним я нашел осколок раковины, религиозную картинку, молитвенник и фрагменты униформы, которые до сих пор хранятся у меня. Я полагаю, что какой-то добрый товарищ отдал своему другу последнюю дань уважения, устроив ему, так сказать, особые похороны в специально отведенном для него месте.

Чтобы добраться до здания в центре леса, мне пришлось пройти через небольшой сад, единственными цветами в котором, казалось, были ряды георгин всех цветов и описаний. Среди них снаряды произвели опустошение. На одной грядке я заметил глубокую яму, куда упал снаряд, а некоторые растения были отодвинуты на несколько футов. В других местах дробью и снарядами были оставлены борозды длиной в несколько ярдов, как будто то тут, то там с перерывами работал плуг. Некоторые были глубокими, другие просто скользили по поверхности и двигались зигзагообразно, как будто гигантское животное рыло землю мордой. Здание, в которое я направился, казалось обсерваторией или павильоном, принадлежащим Замку, стоявшему на некотором расстоянии позади. Его двери и деревянная обшивка были изрешечены пулями, а крышу снесло ветром. Как ни странно, там было разбросано большое количество музыкальных произведений. Под прикрытием этого леса, Гаренского леса, мы видели, как французы собирали свои войска; и они, очевидно, лежали здесь в засаде, когда пруссаки обнаружили и обстреляли их, перед окончательным бегством, во время которого они бросили свое оружие и боеприпасы. Ниже по склону холма и на дне долины, обращенной к Маасу, мертвые люди и лошади с группами наспех вырытых могил, многие из которых были немецкими, сломанные копья и множество обнаженных кавалерийских сабель рассказывали одну и ту же историю смертельной схватки, в которой, должно быть, погибли сотни людей.

Дальше по долине, рядом с одинокой чащей, был большой курган с вбитым в него колом и надписью немецкими буквами, сделанной каким-то материалом, похожим на черную краску: "Здесь покоятся тридцать шесть человек из 5-го корпуса". Кто подсчитает количество французских трупов в многочисленных соседних могилах?

Поскольку мое время истекло, я поспешил обратно на свой пост, чувствуя себя как человек, пробудившийся от ужасного кошмара. И все же эта экспедиция, столь печальная по своим обстоятельствам, придала мне сил, и я принялся за работу с удвоенной энергией.

Вечером 3-го числа нам сообщили, что некоторые раненые находятся в тяжелом состоянии в коттедже за пределами Балана. Доктор Маккормак в сопровождении доктора Хьюитта и меня сразу же проследовали через город и по большой дороге, по которой мы ехали совсем недолго. Затем мы двинулись влево, пока не достигли небольшого леса, где некоторые французские войска все еще стояли лагерем, но в качестве пленных.

Ночь была прекрасной и была бы непроглядно темной, если бы вокруг не горело множество ярких лагерных костров. Когда мы приехали в указанный дом, доктор Маккормак произвел несколько ампутаций, при которых мы с Хьюиттом ассистировали. Через пару часов мы снова отправились домой, но, испытывая голод и жажду, свернули в маленький коттедж, где сказали бедной женщине-оккупанту, что ухаживали за ранеными и весь день ничего не ели. Мы были готовы заплатить за все, что она могла нам дать. Сначала она строго посмотрела на нас, но когда мы сказали ей, на чьей стороне мы были, она растаяла и приняла нас с радушием, которое, если и не было бурным, то, учитывая обстоятельства, было сердечным.

Она достала из своей кладовой хлеб и, как она сообщила, некоторое количество говядины. Мы не могли быть привередливыми; и не без удовольствия приготовили наш сомнительный, но столь необходимый ужин из ее яств. Больше никаких происшествий не задерживало нашего возвращения в Казерн Д'Асфельд.

ГЛАВА VI. РАБОТА В БОЛЬНИЦЕ.—ОСТРОВ ИГЕС.—МОЯ АРАБСКАЯ ЛОШАДЬ.—ЗАКЛЮЧЕННЫХ ОТПРАВЛЯЮТ В ГЕРМАНИЮ.

Я не собираюсь здесь вдаваться во все подробности нашей работы в этот насыщенный событиями период. Но, чтобы дать непрофессиональным читателям некоторое представление о его природе и масштабах, я могу заявить, что после сражений 31 августа и 1 сентября у нас было 72 ампутации верхних и нижних конечностей, подавляющее большинство из которых были выполнены доктором Маккормаком. Помимо этого, было множество операций равной важности — перевязка артерий шеи, руки и бедра — и множество операций, которые для сравнения обычно называют второстепенными, большинство из которых, особенно когда они были очень серьезными, были выполнены одной и той же умелой рукой. После спешки первых нескольких дней мы приняли общий распорядок работы и разделили количество раненых поровну между хирургами и ассистентами. Всем нам было по восемнадцать. Доктор Мэрион Симс была нашим руководителем, доктор Маккормак - нашим главным оператором, доктор Уэбб - нашим

бухгалтером, а мистер Гарри Симс - нашим кладовщиком. Как я уже говорил ранее, доктор Дж. Фрэнк и Блевитт руководили филиалом больницы в замке Мувиль, где они оказывали жертвам огня, сабли, дробы и снаряда, пули и штыка самую необходимую помощь, подвергая их жизни неминуемой опасности.

Таким образом, на наши триста восемьдесят раненых в Казерн Д'Асфельд у нас было всего двенадцать человек, шестеро из которых были хирургами, а также шесть ассистентов *ис-адъютантов*; таким образом, число раненых, выпавших на долю каждого хирурга и его ассистента, составило шестьдесят три. Почти каждый случай, лежавший на больничной койке, носил серьезный характер, например, требовал много времени и тщательности при ежедневной перевязке. Но, кроме того, мы должны были перевязывать легкораненых, которые приходили в наш госпиталь для осмотра и которые были расквартированы в городе везде, где только могли найти место. Работа была просто огромной. Мы вставляли в шесть и в половине восьмого завтракали супом из конины или кофе со сгущенным молоком (сорт Мальвы) с заплесневелым хлебом, поскольку наш особый запас провизии был исчерпан, а ни хлеба, ни говядины нельзя было достать ни за какие деньги. Обязанности, к которым мы тогда приступили, легко себе представить; они включали вправление переломов, извлечение пуль, перевязку артерий, резекцию костей и суставов и ассистирование у операционного стола. Последнее часто было моей обязанностью. Я работал под руководством доктора Мэя, опытного американского хирурга, который, как я упоминал ранее, служил в армии Конфедерации. Никто не мог быть более внимательным. Нам было очень приятно работать вместе, и вскоре мы стали лучшими друзьями.

В течение первых нескольких дней нам, младшим, приходилось извлекать множество пуль и делать множество мелких операций; потому что, хотя нам не полагалось выполнять никаких операций, все же под давлением необходимости мы не могли не пренебрегать этим полезным в остальном мероприятием. Каждый день делались бесчисленные операции, на которых мы ассистировали по очереди; и таким образом, было то, что мы иногда считали более чем достаточным для практической хирургии. Я избавляю читателя от подробностей, но, возможно, только такими ужасающими штрихами, которые здесь опущены, можно по-настоящему описать природу и разрушительные последствия войны.

В час дня еда, которую мы ели, напоминала наш завтрак, с добавлением небольшого количества бренди; затем мы снова принимались за работу, иногда не прекращая ее до шести, когда ужинали, что было повторением наших других приемов пищи, — кофе или суп из конины, а иногда и конины с черным хлебом и бренди. Затем каждый по очереди заступал на ночное дежурство. Было очень важно строго следить за лазаретами, всеми солдатами под руководством сержанта, который оставался в караульном помещении во время дежурства. Мы все еще были верны французам и номинально подчинялись военному интенданту месье Билотту. Этот джентльмен наносил нам ежедневные визиты и реквизировал всю провизию, которую мог достать по соседству, что было не так уж много, учитывая, что присутствие 200 000 человек потребило все продукты в городе и окрестных деревнях.

Будучи младшим сотрудником скорой помощи, я первым пришел на ночное дежурство и занял свое место на носилках в караульном помещении, где это было все, что я мог сделать, чтобы не заснуть. Мои глаза закрывались, несмотря на принятое решение, и иногда я просыпался как раз вовремя, чтобы избежать выговора, когда доктор Марион Симс приходила в полночь для

осмотра. Как ветеран Американской войны, он соблюдал строжайшую дисциплину и иногда заставлял нашу кровь стыть в жилах, описывая наказания, налагавшиеся в то оживленное время за малейшее нарушение служебных обязанностей. Однако, за исключением того, что дюжине или около того несчастных страдальцев потребовался морфий для успокоения, ничего не произошло до раннего утра, когда мне пришло в голову, что некоторые *излазаретчиков*, возможно, как и я, склонны ко сну. Соответственно, я обошел их и просмотрел.

Все зашевелились, кроме санитаров палат 2 и 5, которые крепко спали, растянувшись один на скамейке, другой на земле. Я поднял их по стойке смирно и оставил, конечно, скорее напуганными, чем обиженными. После того как я сообщил о случившемся, как и был обязан, на следующее утро сонных преступников поместили в камеры на двадцать четыре часа.

Позже один из них получил вдвое большее наказание за тот же проступок. Бедняги, я действительно не мог их винить.

Источником беспокойства в течение ночи были стада распущенных лошадей, в основном арабских, которые продолжали ржать и бить копытами тротуар перед зданием, пытаясь добраться до воды, которая хранилась в ведрах возле открытых окон. Каждую ночь, по мере того как их жажда усиливалась, они становились все более неистовыми; а днем они приходили десятками, привлеченные запахом воды, и все это время яростно пинали друг друга. У некоторых были уздечки, у некоторых — просто фрагменты их сбруи, а остальные избавились от всей своей мебели. Было непривычно видеть этих чарджеров, разгуливающих в демисезонных костюмах. Однако через несколько дней все раненые животные, ставшие теперь бесполезными, были застрелены; остальных собрали вместе — главным образом по звуку трубы, на который они быстро откликнулись, — и расставили пикеты в долине за Маасом и выше Дончери.

Однажды утром мы с Хейденом отправились в экспедицию и захватили двоих из них. У меня был прекрасный араб каштанового цвета, которого я держал привязанным к дереву в нашем загоне, в то время как один из моих санитаров умудрялся добывать для него корм за пределами крепостного вала в дополнение к тому, что я мог раздобыть сам на складах скорой помощи. Смонтированные на наших пленках, мы с Хейденом время от времени отправлялись исследовать страну в свободное от дежурства время. Впоследствии, покидая Седан, мы снова выгнали их на равнины, где, несомненно, они наслаждались недолгой свободой. Часть нездоровых лошадей, которые пруссакам не требовались, они продали за бесценок местным жителям. Я видел замечательную пару лошадей, по-видимому, здоровых и в хорошем состоянии, которые были проданы с аукциона на площади Тюренн за двенадцать франков, то есть по десять шиллингов за пару. Но мы должны иметь в виду, что при некоторой бдительности и уклонении от прусских пикетов на равнинах можно было бы раздобыть лошадей, чтобы потом их ловить.

Что же стало, тем временем, с разбитой и попавшей в ловушку армией пленных? После долгих хлопот их офицеры собрали все, что осталось от полков, и отправили пруссакам в ответ их силы. В течение трех дней наше окружение не было очищено от них. Однажды днем, когда заключенных заперли в их островном "Парке" Иль д'Эж, мы с Хейденом нанесли им визит. Это было печальное зрелище. Эта внушительная армия, в которую входили лучшие солдаты

Франции, хотя и численностью в 85 000 человек, была с позором изгнана из Седана и загнана, как овцы, на этот остров, образованный излучиной Мааса. Там за ними следили прусские часовые и выставленные пикеты. Мы без труда миновали охрану, поскольку не существовало запрета на вход в лагерь медиков Красного Креста. В дополнение к рядовым французам на острове были заключены те офицеры, которые отказались от условно-досрочного освобождения. Мы видели, что они были в жалком положении, грязь доходила им до щиколоток, а их одежда была скудной и рваной. Многие потеряли все и остались совсем без аптекчек. Дождь, сменивший ослепительное солнце 1-го числа, теперь лил проливными потоками в течение двенадцати часов и промочил их до нитки, так как места в палатках было совершенно недостаточно и они не могли укрыться. Солдаты и офицеры выглядели одинаково несчастными.

Я уже говорил, что эта тюрьма под открытым небом была образована частично излучиной Мааса, а частично широким, глубоким и непроходимым каналом. В таких узких пределах мы наблюдали за пленниками, которые группами расхаживали взад и вперед, пытаясь хоть немного согреться. Некоторые пытались разжечь костер — нелегкая задача с мокрыми палками, — другие варили кофе или рубили дрова, чтобы подбросить в них дымящихся веток. Их пища состояла из скудного запаса хлеба и кофе, которые выдавались каждые два дня; и из-за этого возникла настоящая драка, которая закончилась тем, что многим не удалось раздобыть более чем достаточно для одного приема пищи. Таким образом, они были обречены на голодную смерть до тех пор, пока не будут доставлены следующие припасы. Мы вполне можем спросить, как такое множество людей могло существовать в те изнурительные дни, во власти погоды и в море грязи. Но многие умерли, а страдания остальных были прискорбны. Эти бедняги рассказали нам, что сотни из них стали жертвами дизентерии, и умоляли нас дать им столько опиатов или вяжущих средств, сколько у нас есть. К сожалению, в сложившихся обстоятельствах мы мало что могли сделать.

Пока я разговаривал с группой солдат, мой друг разговорился с линейным капитаном, господином маркизом де... из 4-го Африканского егерского полка. Он тоже страдал от воздействия влаги и переохлаждения. Хейден, с той щедростью, которой он отличался, пообещал прийти на следующий день и привезти все необходимые лекарства. Взамен капитан навязал ему прекрасного серого араба с уздечкой и седлом, которое Хейден принял, но не смог забрать, потому что охранник не выдал бы его. Однако, когда он приехал на следующий день с обильным запасом медикаментов и бренди, он ехал на старом сером *гарроне*, который он где-то раздобыл, и, уезжая, уехал на прекрасном скакуне капитана - смена скакунов, которую пруссак не потрудился заметить.

Каждый день мы видели, как из наших казарм полк за полком уводили (другого слова для этого нет) в Германию. Когда мы смотрели, как вся французская армия, ссутулившись, удаляется под звуки прусской музыки, я признаюсь, что у некоторых из нас были крепкие выражения на устах и еще более сильные чувства в наших сердцах при виде этого позорного зрелища. Мы предали анафеме врага, который теперь, казалось, так неумолимо добивался своего преимущества.

Однако искренность заставляет меня добавить, что когда я смотрел на прусских часовых, охраняющих наши ворота и расхаживающих по нашим крепостным валам, я не мог не восхищаться их суровыми, но в то же время откровенными и честными лицами и их крепким телосложением. Действительно, они представляли заметный контраст с низкорослыми, нервно

выглядающими и измотанными французскими солдатами, которые, однако, справедливо будет добавить, страдали от последствий длительного пребывания на открытом воздухе и лишений и которых мы видели в их худшем проявлении. Тем не менее, в самих мужчинах была разница, которую не мог не заметить ни один человек с таким зрением, как у него. Каково было этому объяснение? Тот, кто сможет ответить на этот вопрос так, как того требует истина, и только он один, объяснит, почему французские кампании 1870 и 1871 годов были такой мрачной чередой неудач. Развал комиссариата, казнокрадство в высших кругах, запутанные планы и военный беспорядок должны быть отнесены к причинам, которые действовали задолго до того, как французы вступили в борьбу с Отечеством. Я убежден, что эти причины были моральными и интеллектуальными; и что они все еще существуют. Будущее Франции будет зависеть от того, как нация справится с ними.

ГЛАВА VII.

ЕЩЕ РАНЕННЫЕ. —ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТИ ПОСЛЕ БИТВЫ.— Прогулка ПО СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ.—ТЯЖЕЛАЯ РАБОТА В ГОСПИТАЛЕ.—ЗУАВСКОЕ ЛОЖЕ.

С каждым днем Седан становился все более и более переполненным ранеными солдатами; и 12-го числа нам стало так не хватать места, что нам пришлось поставить тридцать шесть вспомогательных палаток, которые для этой гуманной цели мы украли у французов.

Первый контингент прибыл из окрестностей Базейля. Когда они вошли, мы увидели, что бедняги были в плохом состоянии, многие все еще стонали от боли в своих ранах, которая значительно усилилась из-за того, что их трясло в повозках, а под ними был лишь скудный запас соломы. У некоторых были переломы конечностей; другие подверглись серьезному хирургическому лечению, такому как ампутации; и эти последние подверглись невыразимым пыткам.

Все жаждали еды и воды, которых им не давали в течение многих часов. Некоторые, совершенно истощенные, умерли в ночь своего прибытия. Одно отделение страдальцев было выделено доктору Мэю и мне; и я слышал от солдата, что ему и нескольким его товарищам, некоторые из которых потеряли ноги, было разрешено целыми днями лежать на спине на соломе на заброшенной ферме недалеко от Живонна. Повязки с них не снимали и не меняли; они выпили только воды и съели немного заплесневелого черного хлеба.

Другой страдал от ужасной пролежневой боли, возникшей таким же образом.

Но каково же было наше удивление, когда на следующий день немцы отправили нам из города 130 раненых французов, чтобы освободить место для своих в Седане! Их перенесли на носилках; и, поскольку день выдался проливной, несчастные прибыли в свои новые помещения промокшими до нитки и дрожащими от холода, поскольку у многих из них не было ничего, кроме легкого дрянного американского одеяла, чтобы укрыться, или брезента.

Эти вновь прибывшие, жертвы пренебрежения, незащищенности и перенаселенности, вскоре также стали жертвами лихорадки, вторичных кровотечений, дизентерии, пиемии и

госпитальной гангрены. Неудивительно, что каждый день они умирали дюжинами. В частности, я вспоминаю одно утро, когда за ночь умерло четырнадцать человек.

Было ли это из—за того, что у немцев было больше своих раненых, чем они могли удобно обработать, — что, я полагаю, имело место, - и поэтому они не могли ухаживать за французскими ранеными, или из-за того, что они не желали этого делать, я не могу сказать, но я знаю по личным наблюдениям, что большое количество французских солдат погибло из-за пренебрежения, которому они подвергались до поступления в наши госпитали.

Я знаю, что немцев неоднократно обвиняли в ужасающем запущенном состоянии французских раненых в оккупированных ими районах. Но я думаю, что истинное объяснение можно найти, прежде всего, в большом желании крестьян переоборудовать свои дома в машины скорой помощи, снаружи которых они могли бы вывесить флаг Красного Креста. Таким образом, они освободили себя от размещения на них захватчиков. Но также это было вызвано нежеланием, которое те же самые крестьяне испытывали, расставаясь со своими ранеными, что положило бы конец их собственной неприкосновенности. Более того, мы должны принять во внимание тот несомненный факт, что пруссаки сами стремились оставить их у местных жителей и таким образом избавиться от хлопот, связанных с их транспортировкой и хирургическим лечением. Кроме того, так велик был страх, который французские раненые испытывали перед тем, как их обрабатывали немецкие врачи и доставляли в немецкие госпитали, что во многих случаях они убеждали своих людей скрывать свое присутствие как можно дольше. И все это время мы не можем не помнить ужасающую дезорганизацию и некомпетентность французских добровольных машин скорой помощи, которые никогда не появлялись, когда в них нуждались, а когда они появлялись, то приносили с собой мало или вообще ничего из того, что было необходимо для использования санитарной машины на поле боя. У них не было запасов; у них было мало готовых рук или холодных голов, и дисциплина была им незнакома.

Я считаю правильным добавить, что, как только французов переводили в немецкий госпиталь, они неизменно (как я могу засвидетельствовать по собственному опыту) встречали величайшую доброту со стороны военных хирургов и получали все, что могли сделать для них наука и хороший порядок.

Все это время мы были фактически пленниками в руках пруссаков, и они постоянно охраняли наши помещения, в то время как многочисленные часовые расхаживали взад и вперед по крепостному валу рядом с нами, пока мы ходили взад и вперед. Тем не менее, далекие от того, чтобы каким-либо образом вмешиваться, они оказывали нам всяческую помощь и проявляли самое заметное уважение. Но часовые, которые с наступлением темноты были расставлены через каждые пятьдесят ярдов на улицах, поначалу постоянно бросали нам вызов, пока не узнали нашу форму и не поняли, кто мы такие.

Инцидент, который я не должен упускать из виду, произошел однажды вечером, когда мы с Хейденом выехали проветриться. Мы ехали по дороге, которая вела через прусский артиллерийский лагерь близ Дончери, и встретили карету или ландо, сопровождаемое сильной охраной уланов, в которой находился французский офицер, очевидно раненый, так как он лежал на спине, опираясь на подушки. Рядом с ним сидел еще один высокопоставленный офицер. Нам сообщили, что раненым пленным был маршал Мак-Магон и что он направлялся в Германию через Бельгию; но впоследствии я выяснил, что этого не могло быть, поскольку маршала Мак-Магона увезли рано утром в день взятия Седана. Затем мы направились к

коттеджу во Френуа, где несколькими днями ранее император встречался с графом Бисмарком. Затем мы поехали в замок Бельвю, где Наполеон имел беседу с королем Пруссии и была подписана капитуляция. Здесь мне показали стул, на котором сидел павший император, и я сел на него. Нам также показали перо и чернила, которыми, как утверждалось, были написаны статьи. Но я отнюдь не был уверен в этом и сказал об этом своему спутнику. Было забавно видеть его негодование и то, с какой яростью он отвергал мой скептицизм, как умаляющий интерес к нашему паломничеству.

Нашим следующим шагом было осмотреть некоторые позиции противника на высотах Марфе. Здесь мы не могли проследить никаких обломков любого рода — достаточно разительный контраст с тем, что мы наблюдали на другой стороне, где можно было предположить, что мириады французов сошлись для смертельной схватки. Над многими прусскими могилами были установлены небольшие импровизированные кресты с номерами погибших, отмеченными черной краской. Впоследствии многие из этих могил были вскрыты, и тела погребены поглубже, потому что они лежали так близко к поверхности, что запах стал очень неприятным. Пруссаки мудро убрали своих убитых с глаз долой и поспешно похоронили их, не заботясь о том, насколько несовершенно была выполнена работа в то время. Они сделали это из опасения, что вид мертвых может оказать деморализующее воздействие на живых. Двигаясь зигзагообразным курсом к дому, мы прошли недалеко от железнодорожной станции и увидели, что она полна раненых. Торговый зал, все офисы и подвижной состав были переоборудованы в машины скорой помощи. Во многих вагонах перегородки были сняты, так что теперь они напоминали больницу на колесах.

Это зрелище показалось мне интересным, потому что я был одним из последних, кто путешествовал в этих вагонах и вышел на этой платформе. Проходя дальше, мы обогнули французский лагерь и внимательно осмотрели оставшихся оккупантов — теперь от них осталась лишь горстка — в этом чумном месте. И прежде чем вернуться, мы осмотрели понтонный мост, который пруссаки перебросили через Маас вечером 31-го. Я никогда не видел такого моста и, естественно, был поражен этим замечательным результатом часового труда. Мало-помалу судьба предоставила мне возможность увидеть еще более удивительный мост из лодок, построенный и разрушенный на Луаре в Орлеане.

На следующий день, когда я закончил свою работу, которая состояла, как обычно, в перевязке ран всех мыслимых типов, доктор Симс отправил меня к доктору Франку в Базейль, чтобы выяснить, какой дополнительный хирургический материал требуется для работы в его больнице в этом месте. Проезжая через город, я заметил, что улицы Седана больше не были переполнены французскими солдатами. Они были заполнены пруссаками с тем серьезным или бесстрастным выражением лица, которое так четко отличало их от их противников. Все ставни были подняты, двери закрыты, и не было видно ни одного жителя. Можно было предположить, что город был полностью обезлюдившим до того, как в него вошли вражеские войска.

Однако это было ни в коем случае не так. Жители заперлись в знак молчаливого протеста, чтобы отвлечь свои глаза от зрелища захватчика, радующегося своей победе. Ибо верно то, что для француза быть с глаз долой - значит быть вне ума. Несколько дней спустя вышел указ немецкого коменданта, обязывающий граждан открыть свои двери и магазины и возобновить обычное движение транспорта.

Я выехал из города через баланские ворота, сошел с большой дороги, которая была забита транспортом и повозками комиссариата, и направился через поля. В этом коротком путешествии длиной менее мили я невольно перешагнул через множество могил, и иногда мне было неприятно осознавать близость их обитателя к поверхности. Я прибыл к месту назначения, которое было легко найти, поскольку замок представлял собой старинный особняк, стоявший посреди прекрасных лесов и садов, и к нему вела аллея, ведущая из деревни через красивый подъезд.—Я выполнил свои распоряжения, а затем осмотрел больницу. Она была просторной, чистой и просторной, очевидно, работала по системе и не была переполнена. Во внимании к этому последнему моменту заключается секрет успеха в полевом госпитале.

Мне в частном порядке стало известно об интересном факте, что приятный пожилой человек, который ходил в деревенском костюме, синей блузе, свободных брюках и грубых башмаках и был вообще полезен, был владельцем этого симпатичного заведения. Он принял этот маскировочный костюм для защиты от пруссаков и для того, чтобы присматривать за своей собственностью. Время от времени он доставал из своих тайных запасов вино старого урожая и солонину — желанные деликатесы в те дни, когда подавали суп из конины и черный хлеб.

Выполнив свое поручение, я прошел через плантацию, которая через калитку сообщалась с дорогой, ведущей в деревню. Прошло больше недели с тех пор, как наше внимание было привлечено в направлении Базейля непрекращающимися ружейными залпами и страшным пожаром, который был так заметен в темноте. И все же, когда я проходил мимо, некоторые дома уже тлели. Один из наших врачей Скорой помощи, присутствовавший при уличных боях, дал яркое описание сцен, разыгравшихся там под его собственным наблюдением; но я уже упоминал о них и расскажу только то, что видел сам. Здесь мертвецы лежали такими кучами, что их пришлось убрать, прежде чем смогла пройти кавалерия. Теперь все были прилично похоронены, за исключением тех, что лежали под горящими руинами, а таких, как говорили люди, было великое множество. Поскольку погода снова была очень плохой, запах в некоторых местах был наиболее неприятным. Повсюду были разбросаны всевозможные обломки: оружие, амуниция, сломанная мебель и предметы домашнего обихода, обрывки постельных принадлежностей и обрывки женской и детской одежды. Я потянул за один кусок одежды, который был виден сквозь обломки разрушенного дома, и мне показалось, что его владелец лежит всего в нескольких дюймах под ним. Это был ребенок, насколько я могла судить по платью. Эта мысль заставила меня поспешить прочь от этого места с чувством тошноты. До своего падения Базейль был милым маленьким городком, у каждого дома были свои деревья и сад; но теперь, за исключением нескольких цветов и кустарников в мэрии, все было уничтожено. Статуи и вазы все еще стояли на своих местах, но ничего такого, что могло бы навести на мысль, что несколько дней назад эта груда руин была процветающей деревней, вдоль улиц которой стояли комфортабельные дома, а жители процветали.

Деревенская церковь, стоявшая в центре площади, была полностью разрушена. Войдя, я увидел, что и здесь снаряды эффективно выполнили свою работу; ибо алтарь выглядел так, словно по нему ударили могучим молотом и разнесли на куски. Каменная купель, установленная в стене, была разбита вдребезги, стекла в окнах свисали в виде конусов. Некоторые из них я сохранил в качестве памятников и по сей день. Среди обломков алтаря и дарохранительницы я наткнулся на обломок раковины — без сомнения, той самой, что разрушила святилище. Это я тоже сохранил.

Некоторое время я бродил по пустынным улицам, любясь печальным зрелищем. Пожар был настолько сильным, что деревья сгорели дотла до голых стволов. Завернув за угол, я заметил в конце улицы мужчину с портфолио и мольбертом перед собой, который усердно зарисовывал руины. Когда я приблизился, он испытующе посмотрел на меня и возобновил свою работу. Позже он пришел в больницу, и я узнал, что он был художником из штата *Illustrated London News*. Впоследствии я увидел в той газете набросок, который он делал, и, по-моему, очень превосходный.

Возвращаясь в свои покои, я увидел толпу детей у дверей монастыря, со ступенек которого две монахини раздавали хлеб из большой корзины. Мне сообщили, что эти дети были одними из невинных, бежавших со своими матерями из горящей деревни. У меня защемило сердце, когда я увидел, с каким рвением эти полуголодные маленькие создания набросились на хлеб и начали его пожирать. И теперь, медленно поднимаясь по крутой тропинке, ведущей к нашему Госпиталю, я не мог не размышлять о том, каким ужасным проклятием является война, и какое слабое представление о ней будет иметь тот, кто не видел эту отвратительную вещь лицом к лицу.

Наша больничная работа, до сих пор действительно очень тяжелая, теперь была увеличена за счет наших тридцати шести палаток. Все они были полны раненых, и мы вскоре истощили бы наши силы, если бы не своевременная помощь, оказанная нам Английским обществом. Примерно 11 сентября прибыли доктора А. О. Маккеллар, Шеруэлл, Бек и Уоррен и два санитары в сопровождении двух английских медсестер — мисс Пирсон и мисс Маклафлин, первая из Меца, вторая из Лондона. Они принесли с собой сгущенное молоко с мальвой и тушеную говядину — желанное дополнение к черному кофе и супу из конины. До этого мы совершенно забыли о внешнем мире и мало что знали о великих событиях, которые произошли и продолжают происходить за пределами нашего собственного ограниченного опыта.

За несколько дней до получения такого подкрепления на нескольких из нас напали кишечные расстройства, от которых я, в числе прочих, серьезно страдал. Через несколько дней было установлено происхождение этого недуга. Тело зуава в состоянии полуразложения было извлечено из колодца, который единственный снабжал больницу.

Его присутствие там было обнаружено по удару ведра обо что-то мягкое, когда опустили железный захват и подняли мертвое тело.... Мы предположили, что этот бедняга был слегка ранен 1-го числа; и в течение той или следующей ночи он дополз до края колодца и упал в него, вероятно, из-за своих попыток хоть как-то утолить жажду. Не было другого способа объяснить его присутствие. Доктор Маккормак окрестил этот колодец "Зуавское озеро". Я решил никогда больше не жаловаться на грубую и скудную пищу, которой мы питались; но кровь моя стыла в жилах при мысли о том, что этот отвратительный и смертоносный напиток в виде холодного настоя зуавы и бренди вот уже несколько дней был моим любимым напитком. Такова война!

Погода, которая была прекрасной и теплой с тех пор, как мы покинули Париж, теперь стала сырой и ненастной. Несмотря на все, что мы могли сделать, страдания раненых под брезентом не поддавались описанию. Дождь проникал сквозь палатки и пропитывал их скудные постельные принадлежности. Я занимал маленькую палатку посреди других; и чтобы дать некоторое представление о погоде, я могу упомянуть, что однажды ночью, когда я снял почти всю свою одежду (что ни в коем случае не было обычным или всегда возможным действием) и забрался под одеяла, растянувшись на соломенном матрасе, я проснулся и обнаружил, что

нахожусь под открытым небом, а дождь и ветер яростно хлещут по мне. Палатку унесло порывом ветра. Я вскочил с кровати и, стоя в темноте, по щиколотку в грязи, промокший и полуодетый, позвал больничного охранника. Один из них принес фонарь и проводил меня в главное здание неподалеку, где я нашел сухую одежду и соорудил постель из нескольких скамеек в столовой. С помощью стакана бренди, горячей воды и дозы хлородина я отлично выпался ночью в своем новом жилище.

Но плохая погода, холод и перенаселенность — все это находилось вне нашего контроля — привели к катастрофе в нашем лагере. Пиемия и вторичные кровотечения проявлялись повсюду. Все наши второстепенные подразделения погибли, и я с сожалением должен сказать, что их места были немедленно заняты немцами, которые выгнали всех французских раненых, каких только смогли, из главных зданий города и отправили их к нам, чтобы освободить место для своих. Хотя расположение палаток было изменено и, насколько это было возможно, использовались дезинфицирующие средства, многие из этих новых инвалидов пробыли у нас всего пару дней, когда их охватила та же инфекция. Больница превратилась в очаг чумы и грозила стать смертельной ловушкой для всех, кого следовало отправить туда.

ГЛАВА VIII.

ДВЕ ТЫСЯЧИ ПАЦИЕНТОВ.—НИГГЕР ЧАРЛИ.—ЛУИС СЕНТ. ОБЕН, АФРИКАНСКИЙ ЕГЕРЬ. —МАЛЬЧИК ПЕЙЕН.—ОРУЖИЕ, ЗАХВАЧЕННОЕ В ГОРОДЕ.

Количество раненых, находившихся на попечении нашей Скорой помощи, составляло в это время, грубо говоря, около 500 человек. В казарме находилось 218 человек; в каждой из тридцати трех палаток находилось по 4 пациента, а в больнице доктора Франка находилось 150 баварцев. Это дает довольно точную оценку приведенного выше общего числа. Во время и после сражений 31 августа и 1 сентября количество бойцов, чьи раны мы перевязали и оказали им помощь, не доставляя их в госпиталь, по нашим подсчетам, составило около 2000 человек. Это также нельзя считать чрезмерным, когда в пределах досягаемости ружей вокруг нас было ранено только из французов, более 12 500 человек.

Дальнейшее представление о масштабах нашего труда можно получить из того факта, что в нашем госпитале в Седане мы провели в общей сложности 436 первичных операций, из них 152 - при травмах верхних и 284 - при травмах нижних конечностей. Еще один интересный факт, заслуживающий упоминания, заключается в том, что во время боев за Седан ни один из наших сотрудников не был ранен митральезной пулей.

Доктор Марион Симс заверил нас, что трудности, которые мы пережили, и объем работы, которую мы действительно проделали, выходят за рамки его разнообразного опыта. Вдаваться подробно в детали было бы, помимо того, что это включало бы неясные технические детали, утомительно для обычного читателя. Я ограничусь кратким отчетом о нашем персонале и общем руководстве и выберу из своих наблюдений несколько интересных случаев. Я назвал

первоначальных сотрудников нашей скорой помощи и тех, кто недавно присоединился к нам. Я также не должен забывать отца Байонна, монаха-доминиканца, который был всеобщим любимцем и неутомим в своих усилиях удовлетворить религиозные потребности умирающих солдат — нелегкая задача для французов. Я также не должен упускать из виду мсье Моно, нашего протестантского капеллана, тихого, воспитанного человека, который бесшумно передвигался и по пути подкладывал пациентам в кровати маленькие брошюры с историями обычного типа и листки бумаги с напечатанными на них библейскими текстами.

Но я еще не упомянул так подробно, как он того заслуживает, одного из самых заметных персонажей нашей "Скорой помощи", нашего *шеф-повара* и конюха конезавода, "Ниггера Чарли". Он был угольно-черным, и он и его предки были виргинскими рабами в семье доктора Пратта. Когда рабам были предоставлены избирательные права и рабство отменено, Чарли приехал в Париж со своим хозяином, семья которого была разорена эмансипацией, поскольку все их богатство состояло из рабов. В Париже Чарли верой и правдой служил доктору Пратту в течение многих лет; более того, он часто говорил мне, что любит своего хозяина больше жизни. Доктор Пратт, с другой стороны, знал и говорил, что, несмотря на свою несомненную преданность, Чарли иногда крал его деньги и закладывал в ломбард его тарелку, после чего убегал, возвращаясь только тогда, когда все, что он заработал таким несправедливым образом, было потрачено. Но, хотя его и наказывали не слишком мягко кнутом, ничто не могло заставить его убежать навсегда. Избавиться от него было, по сути, невозможно.

Поэтому, когда негр услышал, что его хозяин поступил на службу в "Скорую помощь", хотя у него было хорошее жалованье курьера в американском банке в Париже, он собрал свои пожитки и, не говоря ни слова, сел в поезд, которым мы прибыли в Седан. Он был прекрасным поваром и знал, как подать суп из конины и стейки так, чтобы их никто не заметил. Он также был незаурядным острословом, отличным наездником и знатоком лошадей, а как лжец побил все рекорды. Но самыми решительными чертами его характера были ненависть к янки, презрение к черным мужчинам и рыцарская преданность белым женщинам. У меня было много приятных бесед с ним. Его описания жизни рабов в Виргинии, как, по его словам, это происходило в девяти случаях из десяти, а также счастья их домашней обстановки и окружения были чрезвычайно яркими и даже трогательными. Я предполагаю, что он, во всяком случае, был истинным свидетелем в свою пользу.

Теперь о точном характере нашей работы в Больнице и ее результатах. Я постоянно сожалею о том, что наши знания об антисептической обработке и дренировании ран тогда были только в самом начале. Хотя использовались перевязочные материалы из ворса *ишарпи*, пропитанные карболовым раствором, но при этом покрытые промасленным шелком и бинтом, эффект был испорчен. Также не было предпринято никаких серьезных попыток обеспечить асептичность инструментов, операционного стола и обстановки, в которой находились пациенты. Отсюда и последовавший за этим высокий уровень смертности. На самом деле, каким бы поразительным ни казалось это заявление, я убежден, что если бы мы воздержались от выполнения одной вторичной операции в Седане, наши результаты оказались бы намного лучше.

С каждым человеком в этом огромном сонме пациентов была связана интересная история— как, когда и где они получили свои раны? И среди этого числа некоторые случаи не могли не быть исключительно романтичными или трогательными. Приведенный мною уже очерк приключений Луи Сент-Обена, этого храброго африканского егеря, который был трижды ранен

1—го числа, может быть взят в качестве примера; а теперь я добавлю, что произошло в дальнейшем.

Сент-Обен поступил в больницу под присмотром доктора Мэй и моим. Через два дня доктор Маккормак произвел резекцию обоих его суставов. Но Луи так боялся, что его искусственным сном могут воспользоваться для ампутации руки (увечье, на которое бедняга ни в коем случае не согласился бы), что наотрез отказался подвергаться воздействию хлороформа. На протяжении всей операции, которая по необходимости была затяжной, он держался с удивительным мужеством. Когда кости нужно было перепиливать, он вцепился зубами в складку простыни и, если не считать нескольких сдавленных стонов, не дрогнул и не пошевелил ни единым мускулом. Его выносливость была поразительной. День за днем я находился у постели этого храброго парня, и мы с ним сильно привязались друг к другу. Я приносила ему маленькие деликатесы, когда удавалось их раздобыть, и была полна решимости не дать ему умереть, если это было в моих силах. Доктор Маккормак навещал его очень часто; но он очень ревниво относился к тому, что позволял кому-либо, кроме доктора Мэй или меня, перевязывать его раны.

Некоторое время он продолжал благосклонно относиться ко мне — прогресс, который я наблюдал с удовольствием; но затем отступил настолько, что мы почти отчаялись. В то время его страдания были очень сильны, и мне приходилось много делать, чтобы удержать его в постели. Однажды он умолял меня совсем избавить его от боли; я увещевал его так твердо, как только мог, и указал на то, как не по-мужски было использовать такие выражения, что бы он ни перенес; когда он сказал с мучительной серьезностью: "Скажите мне, доктор, возможно ли, что Христос страдал так же сильно, как я страдаю сейчас?" Я ответил: "Твоя боль ничто по сравнению с Его", - и он успокоился и молча пережил свою агонию.

К счастью, прошло совсем немного времени, прежде чем ему стало лучше; и когда со временем мне пришлось уехать на машине скорой помощи и отправиться на фронт, он быстро поправлялся. Наше расставание было печальным, ибо я чтил и любил благородный дух этого бесстрашного солдата. Он просил дать ему мой адрес в Ирландии, чтобы он мог написать мне; и он делал это несколько раз. Я привожу перевод одного из его писем, отправленных мне, когда он был в больнице после того, как я покинул Седан.

Седан, 10 октября 1870 года.

"Monsieur le Docteur,

"Я не хочу больше откладывать, прежде чем рассказать вам о себе и еще раз выразить свою благодарность за проявленный вами интерес и заботу, которую вы проявили ко мне. Что мне сказать тебе о моей ране? Заживление идет медленно, и после вашего отъезда мне пришлось пройти курс лечения, сильно отличающийся от вашего; но я не теряю надежды на полное выздоровление, хотя сильно страдаю и вынужден оставаться в постели.

"Я был бы очень счастлив, если бы мог видеть вас у своей постели, мсье доктор. Несмотря на все страдания, которые мне пришлось пережить, я чувствую, что ты уходишь; ты был таким добрым и терпеливым. Увижу ли я тебя когда-нибудь снова и поблагодарю тебя своими устами? Я надеюсь на это всем сердцем. Я никогда тебя не забуду.

"Пожалуйста, примите с выражением моей глубочайшей благодарности мою полную преданность.

"Луи Сент-Обен.

"Я беру на себя смелость послать вам свой адрес и надеюсь, что вы окажете мне честь и дадите мне весточку от вас. Благодаря доброте господина де Монтаньяка я немедленно получу ваше письмо".

Указанный адрес принадлежал этому джентльмену в Бульоне.

Я вставляю это трогательное примечание не столько из-за щедрой благодарности, которую Луи Сент-Обен высказывает своему врачу, сколько для того, чтобы показать, какие прекрасные качества были в нем, и как изящно его французская вежливость позволяла ему выражать свои мысли. Действительно, когда его полковник пришел навестить юношу, он заявил, что Людовик был лучшим и храбрейшим солдатом в его отряде и что он не знает, что такое страх.

Другой молодой человек, совсем мальчишка, Пейен из 50-го линейного полка, был ранен в запястье, и доктор Мэй счел, что необходима ампутация. Это был смелый молодой человек с сияющим лицом и огоньком в глазах; и когда я пришел сообщить ему о нашем решении и отвести его в операционную, я обнаружил, что он курит сигару. Ничуть не встревоженный, он встал с кровати, натянул брюки и бодро зашагал по галерее, все время покуривая сигару, пока не взобрался на операционный стол. Ему ампутировали руку; но когда он оправился от воздействия хлороформа, он отказался возвращаться в постель, пока не увидел, что его товарищу отрезали ногу. "Я хочу, - сказал Пейен, - рассказать ему, как это было сделано". Это может быть инцидент в деле ММ . Эркманн-Чатриан.

Он спокойно выкурил еще одну сигару, которую я раздобыл для него, и внимательно наблюдал за каждым этапом операции; после чего он и его спутница вместе вернулись в свою палату.

Пейен написал мне письмо, которое до сих пор хранится у меня и которое я привожу здесь, чтобы показать, как хорошо он умел писать левой рукой. Ничто, кроме факсимиле, не могло бы отдать должное причудливой и смелой каллиграфии этого письма, которую, к сожалению, я не могу воспроизвести в оригинале. Оно гласило примерно следующее:—

"В Седане, 18 сентября 1870 года.

"4 августа с 9 утра до 9 вечера состоялось сражение при Биксембурге (*так в оригинале*).

Дивизия Дуэ численностью около 8000 человек, слишком слабая, чтобы противостоять врагу, в шесть раз превосходящему их числом, была вынуждена отступить к Хагенау. В этом печальном сражении генерал Дуэ был убит во главе своей дивизии. Сражение выиграли пруссаки, это правда, но честь остается за Францией, дивизия весь тот день противостояла 60 000 человек и даже в течение пяти часов не давала им подняться по склону Биксембурга.

(Подпись) "Пейен, Луи,

"Всегда ваш преданный слуга.

"Господину доктору из палаты № 5".

Этот отважный молодой человек выздоровел без единого плохого симптома. Но, увы! с огромным количеством других наших пациентов дело обстояло иначе; примерно 14-го числа многим из них стало плохо, и почти весь наш персонал жаловался на плохое самочувствие.

Доктор Симс однажды заметил, что работа сказывается на мне, и освободил меня от дежурства, отправив на прогулку.

Соответственно, я отправился в город и увидел французские пушки, которые теперь хранились в парке, или на полигоне для учений войск в мирное время. Я никогда не забуду это зрелище. Там было 400 артиллерийских орудий всех размеров, включая 70 митральез, уложенных вплотную друг к другу. Напрашивался вопрос, согласится ли армия из 100 000 англичан с таким количеством оружия и боеприпасов сложить оружие и скрыться в Германии? Может ли какое-либо сочетание обстоятельств сделать такое возможным? Я в это не верю. Дежурный офицер любезно провел меня по парку и показал, как работает митральеза, а также несколько тяжелых пушек. Он предостерег меня от того, чтобы я брал в руки несгоревшие гильзы, поскольку было известно, что они взрываются в течение семнадцати дней после выстрела — утверждение, которое я счел маловероятным.

Рядом с этим плато стояло большое здание, принадлежавшее монахиням Успения Пресвятой Богородицы, в котором до недавнего времени жила моя сестра, принадлежащая к этому Ордену. Я нанесла им визит, и мать-настоятельница радушно приняла меня, рассказав об их трудах по оказанию помощи раненым и указав, где снаряд пробил одну из дверей, ведущих всад. В другой двери тоже было круглое отверстие, проделанное пулей так чисто, словно ее пробили кулаком.

Трапезная этих добрых Сестер теперь была превращена в операционную; и многие легкораненые, прихрамывая, ходили на костылях назад и вперед по галереям, их лица сияли довольством, как только могли, поскольку монахини были неутомимы в удовлетворении их потребностей. Попрощавшись с любезным Настоятелем, я направился к площади Тюренн. Здесь церковь, театр, государственные школы и обширные здания суконной и шелковой фабрик на улице Марква были переполнены инвалидами, как и каждый второй дом в городе. На всех них был изображен флаг Красного Креста — под управлением Пруссии, и я осмотрел некоторые из них, думая, что Церковь, особенно превращенная в госпиталь и полная раненых, представляла собой жуткое зрелище.

Теперь я проехал через город, вышел через Торси-гейт и, таким образом, снова вернулся домой. Прошло четыре дня, прежде чем мне разрешили еще одну прогулку, так как у доктора Мэя случился небольшой приступ заражения крови, и его работу поручили мне. Большинство наших *глазаретчиков* были привлечены пруссаками. Те, кто остался, были французами-санитарами; и, если не считать нас троих, это были совершенно невежественные, ленивые и ни на что не годные люди. Они не получили никакой технической подготовки, и поэтому задача, которая была возложена на меня, потребовала энергии ума и тела.

Некоторые из наших пациентов были ранены в трех, четырех, пяти, а в одном случае и в шести местах, что делало перевязку их ран утомительным делом. Мне также пришлось перевязывать десять или дюжину ампутированных конечностей. Когда-то на моем попечении было восемнадцать таких, пара резекций, бесконечные раны от пуль и осколков, многочисленные переломы — в большинстве своем сложные — и всевозможные рваные раны и ушибы. Примерно в это же время было проведено около сорока вторичных операций, во всех из которых была опробована консервативная хирургия; но из-за переполненности и испорченной атмосферы больницы почти все эти пациенты скончались. С самого начала наших легкораненых вывезли при возможности и отправили в какой-нибудь французский или

бельгийский военный госпиталь. Результатом было то, что через несколько дней у нас на попечении не осталось никого, кроме тяжелораненых. В заключение я не могу не упомянуть о том, с какой добротой относилась ко мне доктор Мэрион Симс. Я никогда не перестану с благодарностью вспоминать его неизменное внимание к человеку, который намного моложе его и совершенно не имеет опыта.

ГЛАВА IX.

ПОДОЗРИТЕЛЬНЫЕ ПРУССАКИ. — ПРОСЛАВЛЕННЫЙ СТРОМЕЙЕР. ЛЕЧЕНИЕ НА ОТКРЫТОМ ВОЗДУХЕ.—НЕЙТРАЛИТЕТ СТАНОВИТСЯ ЗАТРУДНИТЕЛЬНЫМ.—ДОКТОР СИМС ПОКИДАЕТ НАС.—ПОД АРЕСТОМ. ПРОЩАЙ СЕДАН.

Я забыл упомянуть любопытную историю, рассказанную мне французским солдатом, у которого было пулевое ранение в руку. Чтобы объяснить это, он сказал, что оно было получено из пистолета прусского всадника, которому он в тот момент передавал кусок хлеба, который у него попросил этот парень. Могло ли это быть правдой? Это кажется мне невероятным, и, ради чести нашей общей человечности, я надеюсь, что это было ложью.

Странная встреча одного из наших вновь прибывших, доктора Уоррена, с двумя прусскими часовыми вызвала некоторое волнение и немалое развлечение среди остальных из нас. Доктор Уоррен возвращался после наступления темноты с оружием, которое он захватил в качестве трофеев и спрятал несколько дней назад. Когда он проходил под крепостным валом, часовой сверху остановил его и попросил сказать слово. доктор Уоррен, который тогда не мог ни говорить, ни понимать ни по-французски, ни по-немецки, кричал и давал такие объяснения, какие только мог, по-английски, которые, как нет необходимости замечать, часовой не понимал. В том, насколько неудовлетворительными они были для него, наш друг быстро убедился, когда часовой поднял винтовку и выстрелил ему в голову. Он услышал, как пуля ударилась о берег совсем рядом с ним, и, когда наступили сумерки, вспышка осветила двух других часовых, дежуривших неподалеку, один из которых последовал их примеру, но, к счастью, без особого успеха.

К еще более необычному способу нападения теперь прибегнул третий, который, без сомнения, сознавая свою некомпетентность как стрелка, начал швырять большие камни с крепостного вала в нашего незнакомца. До сих пор доктор Уоррен стоял, окаменев от изумления, но теперь, осознав свое положение, он решил бежать, что и сделал на предельной скорости, так как каждую секунду ожидал, что в него вонзится пуля, и единственное сомнение заключалось в том, куда он попадет. Он сбежал, и обо всем случившемся было доложено прусскому коменданту. Этот офицер сделал двум часовым мягкий выговор за их чрезмерное рвение, а метателя наказал за то, что он применил неподобающий солдату метод нападения. Доктор Скотт предположил мне, что этот последний человек, должно быть, происходил из Типперэри.

Как раз тогда в воздухе витали слухи о злоключениях, потому что утром или двумя позже доктора Паркер и Маркус Бек случайно подожгли несколько патронов, которые лежали на земле возле

больницы, и тем самым вызвали взрыв. Явилась охрана, арестовала двух наших героев и доставила их к коменданту, который, получив от них объяснения, отпустил их на свободу. Со временем наши отношения с германцами становились все более и более дружескими. Сначала они смотрели на нас с недоверием; но когда они обнаружили, что наша организация была полностью интернациональной, что мы были независимы от французов, а наш персонал и управление настолько полными и эффективными, насколько они доказали, захватчики, казалось, проявили к нам необычный интерес. Их хирурги толпами приходили в Больницу, где, конечно, их встречали со всей вежливостью; и нам, со своей стороны, не на что было жаловаться.

Не только это. Их главный хирург, великий Стромейер, снизошел до осмотра нашей больницы и, похвалив шефа за детали и управление, пригласил его посетить его собственную машину скорой помощи во Флоинге. Доктор Маккормак так и сделал и остался в высшей степени доволен всем, что увидел. Успех прусских хирургических операций был поразительным. Это наиболее благоприятно контрастировало с нашими результатами; но это в значительной степени зависело от того, что Плавучий госпиталь представлял собой временное сооружение, состоящее из импровизированных лачуг, обшитых со всех сторон досками таким образом, что стенки можно было открывать по желанию на манер жалюзи, так что, если позволяла погода, пациентов лечили практически на открытом воздухе, при этом не подвергая их переохлаждению или переохлаждению. Я полагаю, что именно этим объяснялся их низкий уровень смертности, поскольку хирургические методы лечения были идентичны нашим. И я могу предвосхитить здесь замечание, которое впоследствии подтвердил мой опыт в Орлеане, *а именно*, что такое лечение на открытом воздухе является единственной эффективной защитой от заражения крови.

Это был первый вводный шаг к нашему переходу с французской стороны на немецкую, но изменение было медленным и постепенным. Действительно, постоянно раздавались намеки на то, что наши услуги были бы хорошо приняты, если бы мы продолжили движение по следам их армии. Сначала мы твердо отстаивали свой нейтралитет. Но нам дали понять, что позиция, которую мы заняли, невыполнима; мы должны принять решение быть на той или иной стороне. Эти предупреждения во многом определили линию действий, на которую мы в конце концов решились. На наши действия также повлиял тот факт, что, хотя, по мнению большинства нашего персонала, наши симпатии, несомненно, были французскими, все же позже, когда мы вступили в контакт с пруссаками и досконально узнали их, восхищение, с которым мы начинали относиться к другой стороне, сильно остыло. Мы смотрели на воюющие стороны менее предвзятыми глазами и, в конечном счете, не придерживались определенной позиции в ту или иную сторону.

Через несколько дней после того, как я упомянул выше, доктор Мэй почувствовала себя достаточно хорошо, чтобы возобновить работу. В нашем штате появилось новое пополнение в лице доктора Шеруэлла, и наши обязанности стали менее трудоемкими, позволив нам наконец вздохнуть свободно. Теперь мы могли часто спускаться вечером на часок либо в отель "Золотой Крест", либо в первоклассное кафе на улице Наполеон, где можно было покурить или выпить, а также сыграть в бильярд на столе без лузов. Это было отличное развлечение, и я обнаружил, что оно пошло на пользу после дневных трудов. Там мы встретили французских офицеров, освобожденных условно-досрочно, и были немало удивлены, увидев, что они курят, пьют и отпускают шуточки, как будто капитуляция Седана была древней историей. Там же мы

познакомились с хирургами и ассистентами прусских военных госпиталей, многие из которых довольно хорошо знали французский, и немало было тех, кто говорил по-английски. Нам, однако, пришлось вернуться обратно к девяти часам, прежде чем был поднят наш подъемный мост, поскольку был издан постоянный приказ о том, что любой, кого обнаружат на улицах после этого часа, подлежит расстрелу.

Однажды случилось так, что я возвращался с приятелем по "Чипу", который после дневных трудов чересчур щедро отведал "бока" и "кофейного коньяка". С немалым трудом я уговорил его тронуться в путь, и мы обнаружили, что улицы усеяны часовыми, несущими ночное дежурство. Поэтому каждые несколько минут нас останавливали и заставляли наступать до тех пор, пока их штыки почти не касались наших рубашек. Это не заставило бы меня нервничать, если бы мой друг, который стал гораздо более шумным с тех пор, как попробовал свежий воздух, не возразил против того, чтобы его так грубо остановили часовые. Короче говоря, он отказался отвечать за себя. Опасаясь неприятных последствий, я выходил вперед при приближении каждого часового и называл название нашего корпуса, указывая наше расквартирование и мягко добавляя: "Mein Freund hat zu viel bock getrunken". Они неизменно встречали наш разговор смехом и пропускали нас дальше, потому что некоторые из них знали, кто мы такие. Один парень, то ли более любопытный, чем остальные, то ли не узнавший нашу форму, подвергнул нас обычному допросу, после чего мой спутник начал грубо разговаривать и даже схватился за свою винтовку. К счастью, часовой понял, в чем дело, и был готов пропустить его; но мой человек не сдвинулся ни на дюйм. Вот было затруднительное положение! Поскольку он немного говорил по-немецки, он использовал свои знания, чтобы оскорбить добродушного часового, а когда его словарный запас иссяк, снова заговорил по-французски (этим языком он владел в совершенстве) и, наконец, перешел на английский. Солдат протянул мне свою винтовку, осмелюсь предположить, с намерением напугать моего товарища; и я подумал, что пришло время схватить его за шиворот и потащить за собой силой. Таким образом, мы оказались на предписанном расстоянии от ворот Цитадели.

Мосты были подняты, и дежурный часовой отказался пропускать нас дальше. К этому времени мой друг успокоился и начал осознавать свое положение; потому что здесь нам пришлось ждать целых полчаса, пока часовой окликал остальных, которые, в свою очередь, окликнули еще кого-то, и так далее, пока на сцену не вышел вахтенный офицер. Его обязанностью было вызвать стражу, когда после долгих криков, шарканья и перебрасывания оружия через плечо подъемный мост был опущен и нас впустили. Я был достаточно рад, что мой буйный друг благополучно приземлился внутри. Это было ужасное происшествие, хотя моя подруга юмор и остроумные *вполголоса* замечания, ибо он был не совсем одолевает "боку" в той степени опьянения—часто заставлял меня смеяться от души так.

Таким образом, я подвел моих читателей к середине третьей недели нашего пребывания в Седане; и с чувством искреннего сожаления мы попрощались с доктором Мэрион Симс, которая за столь короткий промежуток времени завоевала уважение каждого члена нашего персонала. Он назначил на свое место докторов. Фрэнк и Маккормак в качестве главных хирургов—Dr. Фрэнк из отделения "Балан" и "Базейль" нашей скорой помощи, доктор Маккормак из Седана.

Поскольку нашей работы постепенно становилось все меньше, теперь у нас было время кататься верхом почти каждый день. Был один, который мне особенно понравился, и я часто брал его с собой в компанию с моим другом Хайденом. Это было из Седана в Бульон, доставляя почту обратно. Это был единственный канал, по которому мы могли получать письма из дома. Бульон, как хорошо известно, очень живописный городок, расположенный примерно в шести милях от границы и в двенадцати от Седана. Дорога туда проходит через Балан, Живе и Живонну, по холмам и долинам, а также по покрытой густым лесом местности, частично лежащей в Арденнском лесу, от которого на двадцать или тридцать миль тянется обширная полоса лесов. По мере приближения к месту назначения дорога петляет и, наконец, сворачивает в Бульонскую долину. Когда я увидел ее, осенние краски были повсюду, и никакая перспектива не могла быть более очаровательной. Там, под нами, уютно устроившись среди густой и золотистой листвы, покрывавшей его холмы, лежал в лучах полуденного солнца древний город Бульон, через который по каменистому руслу протекала быстрая и бурлящая река Сомма, прыгающая и танцующая вокруг огромного валуна, над которым возвышались увитые плющом башенки некогда могущественной крепости Годфри. Крутые, поросшие травой склоны, казалось, отвесно спускались к кромке воды. Это было солнечное место, тихое и безопасное, и на первый взгляд можно было подумать, что оно недоступно.

Могу упомянуть, что именно во время этой небольшой экспедиции, проезжая мимо Живонна, я заметил лежащую на боку и греющуюся во весь рост на солнце красивую черно-подпалую гончую, внешне идентичную старой породе Керри биглз. Моего спутника позабавило, что я могу испытывать восторг от Керри биглз. Но у меня были на то свои причины, и я спросил владельца дома, кому может принадлежать собака. Он ответил, что это собственность маркиза в Арденнах, который держал свору для охоты на оленей и диких кабанов, и добавил, что, вероятно, такая собака не была бы продана дешевле 500 франков. "Блэк энд Тэнс" - давняя стая в моем районе, с которой у меня долгое время были очень тесные связи; и у меня быстрее забурила кровь, когда я вспомнил о них в окрестностях Арденнского леса, который для всего мира хранит другие воспоминания, менее личные, хотя и более поэтические..

Прибыв в пункт назначения, доставив и получив наши письма, мы хорошо поужинали и покурили. Никто из моих читателей не сможет познать удовольствия от хорошего обеда, если они не жили в ситуации, подобной той, которая тогда выпала на нашу долю. Мы отправились посмотреть на старый замок с его коридорами, вырубленными в цельной скале, и люком в парапете, нависающем над рекой, из которого разбойники с большой дороги — если не менее виновные — сбрасывались в воду вниз. Задержавшись на этом месте на несколько часов после того, как мы должны были отправиться в путь, вечер наступил так быстро, что мы уклонились от долгого путешествия в темноте. Мы подумали, что лучше переночевать в Бульоне и воспользоваться шансом отделаться выговором благодаря этому объяснению.

На следующее утро с первыми лучами солнца мы отправились в путь, но по прибытии в больницу доктор Мэй, не спрашивая, почему мы пришли так поздно, сообщила нам от шефа, что мы должны считать себя арестованными до дальнейшего уведомления. Это было не совсем приятно. Но у нас была своя работа, и не может быть сомнений в том, что строгая дисциплина, поддерживаемая в нашей машине скорой помощи, сделала ее такой успешной.

Многие сотрудники французского госпиталя, с которыми я встречался здесь и в других местах, уверяли меня, что ревность и отсутствие дисциплины среди них были сильными причинами их неудач; их снабжение материалами, которое, как правило, было очень коротким, в некоторых случаях переживало окончательный перебой.

У меня была еще одна очень интересная экспедиция - в замок Бельвю и вдоль холмов, где пруссаки установили свои тяжелые орудия на Первом. Он господствовал над всей долиной, и когда мы смотрели вниз на плато Флоинг, Гаренский лес, склоны Живонны и наш госпиталь, стоящий на огромной насыпи над крепостными валами Седана между ними и нами, единственным чудом было то, что хоть один человек из нас остался жив.

Теперь пришло время подумать о новом поле для наших трудов. Доктору Паркеру и мне было поручено посетить Арлон, город в Бельгии, расположенный примерно в тридцати пяти милях отсюда, чтобы проконсультироваться с капитаном Х. Брэкенбери, который был секретарем Английского общества помощи на Континенте. Мы проделали это путешествие в открытом экипаже, запряженном парой лошадей, через Бульон примерно за десять часов; и при таком очаровательном пейзаже и в приятной компании путешествие не могло не оказаться восхитительным.

На следующий день, в воскресенье, у нас была беседа с секретарем Брэкенбери, поскольку его самого не оказалось дома; а затем мы снова отправились в Седан, пока на улицах не было ни души, так что мои воспоминания об Арлоне немногочисленны.

По нашем возвращении персонал провел собрание, на котором доктор Маккормак подал в отставку с поста руководителя в пользу доктора Пратта (зятя Мэрион Симс), который сменил его. Доктор Маккормак, как мы знали, должен был выступить с инаугурационной речью в Королевском колледже в Белфасте примерно в середине октября; и его ученик Скотт сопровождал его в отъезде. Поскольку доктор Николл тоже хотел вернуться в Америку, было решено, что Уайман и Хьюитт останутся с доктором Фрэнком еще некоторое время, прежде чем мы расформируемся, поскольку госпиталь в Бейзейле должен был быть объединен с нашим собственным. Затем были отобраны следующие сотрудники, которые отправились на фронт, — наш новый шеф, доктор Пратт, и доктора Дж. Мэй, Тилман, Маккеллар, Паркер, Уоррен, Хейден, Шеруэлл, Уоллес, Уомбвелл, Адамс и я. Они составили штат. С нами, конечно, поехали негр Чарли и турко по имени Жан. Этот Турко получил пулю в спину в Меце во время попытки (оказавшейся успешной) набрать воды из колодца, который охранялся прусским пикетом, который уже уложил четверых или пятерых других, намеревавшихся совершить то же самое предприятие.

Наступило 4 октября, день, назначенный для начала работы. Мы попрощались с несколькими оставшимися пациентами, которых должен был принять доктор Фрэнк. Среди них был мой друг Луи Сент-Обен. Бедняга, прощаясь со мной, в своем слабом состоянии рыдал, как ребенок, и я чувствовал себя не менее опечаленным разлукой с ним. Мы с большим сожалением попрощались с доктором Маккормаком; а затем подъемный мост был опущен, доктор Пратт дал команду трогаться, и англо-американская санитарная машина выехала из Казерны, медленно двинувшись по неровной тропинке, направляясь в Париж.

Первая глава моего знакомства с военным госпиталем и полем боя была закрыта.

ГЛАВА X.

РИСКОВАННОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ.—В БРЮССЕЛЕ.—ФРАНЦУЗСКАЯ СКОРАЯ ПОМОЩЬ ПОЛНОСТЬЮ ЛОМАЕТСЯ.—МЫ СНОВА ОТПРАВЛЯЕМСЯ В ПАРИЖ.

Доктор Пратт придерживался мнения, что, если немцам не понадобятся наши услуги, они, возможно, позволят нам добраться до Парижа, где, по слухам, не хватало врачей. Имея в виду эту цель, мы решили обогнуть Бельгию и теперь направлялись в Буйон, ближайший приграничный город. Когда мы прибыли, был прекрасный вечер. Когда мы приближались к таможене - "*ла Дуан*", значение которой я теперь понял, — мы были в состоянии трепета, опасаясь, что при осмотре фургонов наши седанские трофеи будут обнаружены и у нас их отберут. Что касается меня, то я надежно спрятал свой шассепоп, пистолет, шпагу и наконечник копья с Равнины Флоинг под несколькими мешками с зерном. Но офицеры пропустили нас только с формальным досмотром. Поскольку было уже поздно, мы остановились в ту ночь в отеле "*Бульон*". Весь наш багаж, повозки, лошади и медперсонал были размещены во дворе старого замка; и, отдав свою лошадь конюху для привязи (поскольку я снова выпустил своего серого араба на волю на равнинах Седана), я присоединился к Хейдену и отправился в город искать жилье. Когда мы раздобыли их, то очень уютно поужинали в нашем отеле вместе с остальным персоналом. Это была первая трапеза, которой мы наслаждались за много недель в районе, свободном от военных тревог, и она показалась нам приятной.

После крепкого ночного отдыха мы поднялись в три часа и собрали наших лошадей и людей в назначенное время, то есть часом позже. Но прошло еще больше времени, прежде чем все было готово, и было ровно пять, когда был отдан приказ выступать. Мы достигли Либрамона после приятного пятичасового путешествия по красивой и очень интересной стране. Здесь все наши сотрудники, за исключением Хейдена и меня, сели на скорый поезд до Брюсселя.

Нам двоим было приказано остаться приглядывать за *лазаретами*, повозками, лошадьми и припасами, которые мы должны были вечером доставить в Брюссель багажным поездом. Это была тяжелая задача, и она заняла почти всю вторую половину дня. Более того, нам нужно было накормить, напоить, почистить и загнать в бокс десять наших лошадей, что было далеко не просто, учитывая, что мало кто из *лазаретчиков* что-либо знал об обращении с лошадьми, в то время как их загон и перевозка поездом были им совершенно не по силам. Здесь мой опыт боксирования лошадей для всемирно известной выставки в Каирми, недалеко от Баттевана, сослужил мне хорошую службу. Три наших фургона были тяжело нагружены припасами и зерном, и каждому из них требовался грузовик для себя. Четвертым был легкий крытый фургон, в котором находился наш личный багаж, и в нем мы решили отправиться в Брюссель.

Пообедав бараниной и фруктами в чистенькой маленькой гостинице недалеко от вокзала, в 7.30 вечера мы отправились в путь, удобно растянувшись на дне нашего фургона и закутавшись в пледы и куртки. Ночь продолжалась, и мы внезапно пробудились ото сна, почувствовав движение нашей повозки по грузовику, который был всего лишь поездом с песком. По мере того как мы продвигались вперед, очередь становилась все более и более неровной; наш фургон

несколько раз перекачивался взад и вперед, а также был достаточно любезен, чтобы раскачиваться из стороны в сторону самым неудобным образом. Я выполз наружу и обнаружил, что его швартовы ослабли. Ночь была темной и туманной, и у нас не было ни света, ни средств его добыть; и, поскольку колеса фургона были высокими, а борта грузовика низкими, в то время как движение поезда было очень неровным, мы подумали, что было бы опасно пробовать свои силы в исправлении ситуации. Мы обсудили наши шансы быть выброшенными за борт, но пришли к выводу, что риск был невелик, хотя тряска и раскачивание время от времени немало досаждали нам. Однако в час ночи мы оказались в Намюре, и нам сказали, что нам придется пробыть там четыре часа.

Соответственно, оставив людей, лошадей и повозки на станции, мы с моим другом отправились в город. Стояла прекрасная лунная ночь. Немного побродив, мы заметили свет в одном из ресторанов и разбудили хозяйку, которая любезно угостила нас горячим кофе и тушеной бараниной. Подкрепившись таким образом, мы устроились в двух креслах и проспали несколько часов. В половине пятого мы снова заняли свои места в фургоне, но только после того, как убедились, что он надежно закреплен.

Мы прибыли в Брюссель в 10 часов утра, пробыв в *пути* более четырнадцати часов. Когда мы вышли, то были в печальном состоянии — сонные, голодные, с непрезентабельным видом, несущие на себе все следы лишений, через которые нам пришлось пройти с тех пор, как мы вступили в кампанию. Через несколько минут после нашего прибытия подошел доктор Пратт и выразил свое удовлетворение тем, что распоряжения были выполнены точно. Он сказал, что нас ждет экипаж, который отвезет нас в отель "Де Франс", и там мы найдем готовый завтрак и комфортабельные апартаменты.

После изнурительных событий последних двух месяцев можно представить нашу радость по поводу этого внезапного возвращения к удобствам и даже роскоши цивилизованной жизни. Больше не слышно шума вооруженных людей на марше или на учениях; больше нет часовых на каждом шагу; больше нет улиц, запруженных военными! И все же случайный вид французского офицера, прихрамывающего на костылях или с рукой на перевязи, напоминал нам, что очаг войны был недалеко. Когда с завтраком было покончено, мы легли спать и проспали до вечера. Затем, вместе с некоторыми другими сотрудниками и некоторыми друзьями доктора Мэя, бежавшими из Парижа, мы заняли ложу в Цирке и отлично повеселились.

На следующий день нашим делом было явиться к капитану Брэкенбери. После заполнения формуляров, ответов на вопросы и прохождения ряда бюрократических проволочек нам выдали зарплату в актуальном состоянии и за месяц вперед.

Здесь мы узнали, что Французское общество, под покровительством которого мы отправились в путь из Парижа, теперь дезорганизовано и прекратило поставки. Его средства были не только исчерпаны, но и машины скорой помощи не смогли эффективно обслуживать поле боя. Хотя теперь мы присоединились к Английскому обществу и, как следствие, были связаны также с пруссаками, со стороны вице-президента Французской ассоциации было благородным поступком выразить свою признательность за помощь, которую мы оказали его соотечественникам в наших больницах в окрестностях Седана.

В полдень 8 октября мы получили приказ держать себя в готовности; и поднялось большое волнение, когда за границей разнесся слух, что пруссаки перерезали линию между Лиллем и

Брюсселем. Таким образом, нам, возможно, придется объезжать Лондон, чтобы добраться до Парижа. Однако мы убедились, что линия фронта еще не повреждена, хотя противник подошел к ней в непосредственной близости, недалеко от города Лилль.

Поэтому вечером мы покинули Брюссель поездом, взяв с собой припасы, повозки и лошадей. Поездка в Лилль была короткой, а оттуда мы проехали через Дуэ и Аррас в Амьен, где остановились на несколько часов, чтобы поесть и поспать до отправления следующего поезда в Руан. На рассвете мы возобновили нашу экспедицию, и когда мы вступили в Нормандию, весь облик страны, которая до сих пор была плоской и однообразной, изменился к лучшему. Дома из красного кирпича, некоторые с черепичными, некоторые с соломенными крышами, немного напомнили мне деревни, которые я видел во время своего путешествия из Лондона в Холихед; но здесь большинство домов были деревянными, что делало их более причудливыми и живописными.

ГЛАВА XI. В РУАНЕ.—ПО ДОРОГЕ В ПАРИЖ.—В ЛЕСАХ СРЕДИ ФРАНКОВ- ТИРЕРОВ.—ПРИНЯТ ЗА ШПИОНОВ.—Фенийский БЕЖЕНЕЦ.—В МАНТ.

Мы прибыли в Руан в четыре часа пополудни 9-го числа и обнаружили, что город полон мобильных гвардейцев, которые маршировали в гражданской одежде, но были вооружены до зубов.

Наши несколько часов осмотра достопримечательностей на следующий день не заставили себя долго ждать; но, подойдя к железнодорожной станции, мы услышали, что только что была получена телеграмма, в которой говорилось, что пруссаки перерезали линию на Париж и мы не можем ехать дальше.

Однако через пару часов нам удалось зафрахтовать паровоз — четыре фургона и повозку, — на которых мы решили проехать как можно дальше. Наше продвижение, когда мы тронулись, было настолько медленным и обдуманным, что мы были уверены, что наши проводники только и ждут, чтобы остановиться при первой возможности и спрыгнуть с поезда, как только увидят впереди опасность. Проехав часа два или около того не быстрее, чем могла бы скакать лошадь рысью, мы остановились в маленькой деревушке под названием Сен-Пьер. После этого пункта наш охранник и кучер наотрез отказались везти нас; и, поскольку было уже поздно, мы сочли за благо остаться там на ночь. Мы заняли деревенскую гостиницу и частный дом неподалеку. Поскольку у нас был приказ выступить на рассвете, на следующее утро мы встали вовремя. Я вышел, как только рассвело, и прогулялся по деревне, в которой многие дома, казалось, были заброшены. Наведя справки, я выяснил, что с тех пор, как несколько дней назад поступили первые сведения о приближении пруссаков, владельцы этих домов собрали свое движимое имущество и уехали на север, предоставив свои жилища самим заботиться о себе. Расположение Сен-Пьера с видом на Сену было достаточно красивым. На возвышенности возвышалась его причудливая маленькая церковь, построенная из кремневого камня и черная,

как уголь, на вид. Я вошел внутрь и увидел, что там нет никаких украшений, но безупречно чисто.

Еще через час мы снова были в пути, на этот раз по дороге. Мы отправились по *Имперской дороге* через долину у реки, и было бы трудно должным образом описать разнообразные и живописные пейзажи, которые неоднократно попадались нам на глаза на протяжении многих миль, которые мы проехали по ее извилистому руслу.

Около полудня мы достигли Гайона, где остановились, чтобы освежить наших лошадей и самих себя. Гайон - большая деревня, в которой царит освежающая атмосфера уюта и чистоты, с широкой центральной улицей, обсаженной по обе стороны красивыми деревьями. Отдохнув пару часов, мы двинулись дальше, к Вернону, до которого было, наверное, около десяти миль, — долгое путешествие, во время которого нам приходилось приспосабливаться к темпу измученных лошадей с их тяжело груженными повозками. Наш путь пролегал через обширные фруктовые сады, и с возвышенности на одном из участков дороги мы не могли видеть ничего на многие мили вокруг, кроме фруктовых деревьев. Но поскольку мы теперь находились в постоянном ожидании встречи с прусскими аванпостами, наш начальник выбрал Хейдена и меня, как самых легких и ловких наездников в отряде, и послал нас вперед, моего друга на разведку по одной стороне дороги, а меня - по другой.

Долгое время мы не встречали ни души, и доктор Пратт пришел к выводу, что Вернон не занят ни французами, ни пруссаками, как это было в Сен-Пьере. Полагая, что это так, Хейден и я получили приказ продвигаться туда и сообщить о нашем приближении в Мэрию, где мы должны обеспечить необходимое размещение на ночь для всего нашего отряда.

С этими командами мы тронулись в путь: я на кобыле доктора Пратта, которую мы получили от пруссаков при Седане, а Хейден на вороном, принадлежащем доктору Мэй. С наступлением вечера стало так темно, что мы едва могли видеть в нескольких ярдах перед собой. Мы весело проехали несколько миль, беззаботно болтая на разные темы, пока наша дорога не привела в густой и мрачный лес, по обе стороны которого возвышались высокие деревья. Теперь было так темно, что мы не могли видеть друг друга. Пришлось ослабить поводья и пустить наших лошадей медленным шагом, чтобы они не свернули с дороги и не втянули нас в неожиданные неприятности.

Мой друг весело заметил мне, в каком беспомощном положении мы окажемся, если с нами случится какой-нибудь несчастный случай или предположим, что мы наткнемся на французские аванпосты. Слова, эхом разнесшиеся по лесу (ибо он говорил во весь голос, а ночь была тихая), едва сорвались с его губ, как вдруг мы услышали сначала шорох, а затем звуки голосов; крики раздавались со всех сторон от нас; и сквозь заросли со всех сторон мы могли слышать, как люди сломя голову несутся к тому месту, где мы стояли в ловушке.

Мы оставались на месте, потому что попытка к бегству означала верную смерть. Мы должны были получить залп, прежде чем отошли на несколько ярдов.

Теперь нам со всех сторон бросали вызов на французском: "*Живы?*" We replied, "*Deux officiers de l'Ambulance Anglo-Américaine*".

Они, казалось, были недовольны и дважды окликнули нас, наконец крикнув, как будто мы были в полумиле, хотя и всего в нескольких коротких шагах от них: "Подойдите, два офицера англо-американской санитарной службы, на двадцать шагов и стойте!"

У нас не было времени подчиниться, потому что через мгновение нас окружили вооруженные люди. Один схватил меня за запястья, а другой - за поводья моей лошади. Через мгновение они достали фонарь, с помощью которого, осмотрев нас и убедившись, что мы безоружны, они отпустили нас, но грубо вытолкнули из седел.

Мы наблюдали за этими людьми, которых по их форме мы узнали как франкотиреров, пока они внимательно осматривали наших лошадей при свете своих фонарей. Все это время нас с Хейденом держали порознь, и, когда я попытался заговорить с ним, мне сказали, что, если я это сделаю, меня тут же пристрелят.

При тусклом свете, который кто-то держал у меня за спиной, я обнаружил, что стою в кругу этих иррегулярных войск с примкнутыми штыками. Это было тем менее убедительно, что мы много слышали об их беззаконии и о том, как они расправлялись с теми, кто попадал к ним в руки. Я уже потянулся к нагрудному карману мундира, чтобы достать официальные документы, когда на меня наставили мушкет и приказали не двигаться. Устроив военный совет из-за лошадей, несколько человек подошли и сообщили своим товарищам, что они наконец поймали двух прусских шпионов. Потому что они обнаружили на боку моей кобылы прусское клеймо, и, более того, мы говорили по-французски с немецким акцентом, хотя наша форма тоже была не французской, а прусской. Когда они пришли к такому выводу, вряд ли нужно говорить, что обращение с нами было не самым вежливым. Они проклинали нас и размахивали своими штыками, как будто это были трости. Они вели нас поодиночке, часто угрожая, что, если мы пошевелимся или заговорим, кроме как по их указанию, они пристрелят нас. Двое из этих разбойников (ибо они были никем иным) маршировали позади меня, двое впереди и столько же с каждой стороны с примкнутыми штыками, как будто я мог одолеть их, если бы меня не охраняла вся восьмерка. Даже когда я сунул руки в карманы брюк, взмах штыка возле моего живота (от парня, который, как я обнаружил, был более чем наполовину пьян) заставил меня вынуть их снова.

Какое расстояние мы прошли до прибытия в Вернон, мы даже не могли предположить, настолько сильно были расстроены и, должен признать, настолько обескуражены возможной участью, уготованной нам. Мы слишком хорошо знали, что эти негодяи в любой момент могли повесить нас на ближайшем дереве. Действительно, еще до того, как мы вошли в город, я пришел к выводу, что некоторые из группы были под воздействием алкоголя. Я полагаю, что риск быть застреленными случайно был не меньше, чем преднамеренно. Среди них, похоже, не было ни одного офицера; и никто из них, как я подозреваю, не умел даже читать или писать. Следовательно, все они были бы замечательными судьями в том, что касается разницы в разговоре по-французски между прусским и любым другим иностранным акцентом!

Мы, должно быть, прошли пешком около трех или четырех миль, когда добрались до города; и там было преимуществом иметь в качестве эскорта даже этих пьяных хулиганов, потому что на улицах собирались толпы, когда мы проходили мимо, и, принимая нас за прусских шпионов, они свирепо палились и хмурились — некоторые даже угрожали нам сжатыми кулаками. Если

бы наши похитители ревниво не охраняли свою добычу, я уверен, что население жестоко обошлось бы с нами.

Когда нас отвели в главный барак, я предположил, что нам следует разрешить увидеться с офицером охраны, которому мы могли бы показать наши документы, а затем выйти. Но ничего подобного; офицера стражи нигде не было видно. Он отправился в город обедать с комендантом этого места. Нас посадили в камеру в задней части караульного помещения под присмотром двух часовых. Теперь к нам вернулось мужество, и мы открыли огонь по парням, стоявшим на страже. Хейден, бегло говоривший по-французски, высказал им свое мнение о франко-австрийцах в отдельности и обо всей французской армии в целом в таких резких выражениях, что они, должно быть, приняли нас за пруссаков. Я, не будучи столь легковозбудимым, как мой друг, дал им понять, что подобная демонстрация военного невежества и *бестактности*, свидетелями которой мы стали той ночью, была бы невозможна нигде, кроме Франции; и я думаю, на то были веские причины.

Мы пробыли в камере около часа, когда появился офицер охраны и просмотрел наши документы. Он передал их военному коменданту, который осмотрел их еще раз и немедленно приказал нас освободить.

Комендант сам спустился вниз, чтобы извиниться за то, как с нами обошлись, и добавил информацию о том, что франки-тиреры были *каналъцами*, у которых не было ни военного статуса, ни какой-либо организации. Но он заверил нас, поскольку нам не нужно было ничего объяснять, что это счастье, что они не застрелили нас.

До сих пор у нас никогда не было настоящей страсти. Мой спутник повторил свои крепкие выражения и погрозил этому джентльмену кулаком; но он, оценив ситуацию как истинный француз, стал очень вежливым и отказался от состязания. После этого я попросил его не обращать внимания на все невежливые слова, сказанные в пылу провокации; и наша беседа закончилась тем, что он приказал двум жандармам сопровождать нас в мэрию. У нас как раз было время занять необходимые помещения, когда прибыл наш корпус.

Вряд ли мне нужно говорить, насколько наши друзья были обеспокоены этим безобразным инцидентом или насколько велико было их удовлетворение от того, что мы избежали участи, которая постигла других от рук этого недисциплинированного, но вооруженного сброда. Из истории известно, что франки-тиреры не проявляли уважения даже к собственности своих соотечественников; и мы не должны удивляться, если они были безжалостны к любому из захватчиков, которым не повезло попасть в их отряды. Они во многом напомнили мне то, что я читал об итальянских разбойниках, на которых они, несомненно, были похожи. И само их существование в такой провинции, как Нормандия, было поразительным доказательством того, что Франция погрузилась в глубочайший беспорядок. Империя погибла; Республика, основанная 4 сентября, слабо боролась за свою жизнь.

Другой инцидент иного характера, но представляющий для меня значительный интерес, произошел на следующее утро, как раз когда мы собирались продолжить наше путешествие.

Я стоял возле своей квартиры, готовый выступить, когда заметил подтянутого, хорошо одетого молодого человека, больше похожего на американца, чем на француза, который наблюдал за мной на небольшом расстоянии.

В нем было что-то такое, что возбуждало мое любопытство. Когда он довольно робко приблизился, я улыбнулся и сказал, чтобы развеять его смущение: "Вы, я полагаю, не француз?" после чего его колебания исчезли, и с безошибочно узнаваемым типперэрийским акцентом он воскликнул: "Нет, в самом деле, мистер Райан. Я бы изобразил странного француза, родившегося и выросшего, как и я, в приходе Каллен и получившего образование недалеко от дома твоего отца на улице Килтили, у мистера Уильяма Ландона."

Поскольку говоривший произнес все это на одном дыхании, мое изумление было велико. Внезапно и при таких обстоятельствах встреча в Верноне с человеком, который приехал из деревни Килтили и был знаком со мной, повергла меня, так сказать, в шок; и я несколько секунд молча смотрел на него. Вновь прибывший сообщил мне, что его зовут Тимоти Найхил; что он был вынужденным изгнанником со своей родины; и что во время восстания фениев в 1867 году он был лидером той партии, которая напала на полицейские казармы Гленбейна недалеко от Каллена и обстреляла их. В результате он был вынужден бежать из страны. Он приехал сюда и, будучи человеком образованным и интеллигентным, нашел место профессора английского языка в пансионе Вернона; это назначение, по его словам, стоило ему почти 100 фунтов стерлингов в год.

Тимоти Найхил воспитывался в Национальной школе и, действительно, изучал классику, как он сказал, под руководством мистера Уильяма Ландона, учителя с большими способностями в своей области. Возможно, именно ему я был обязан тем, что у моего фенианца было очень изысканное обращение. Бедняга! его лицо озарилось удовольствием, когда он заговорил о "Старой Родине"; и когда в ответ на его расспросы о разных друзьях я рассказал ему все, что знал, он просиял от восторга. Каким бы мятежником он ни был, он все же был моим соотечественником; и как таковой я протянул ему руку дружбы и не мог не посочувствовать ему в его изгнании. Со слезами на глазах он повторил, что никогда больше не сможет вернуться в Ирландию.

Он особенно подробно расспрашивал о моем брате Джоне, к которому питал теплую привязанность с самой ранней юности; не забыл он и о черно-подпалых домашних собаках, к которым я уже проявлял свой интерес. Когда он прошел со мной пару миль за город, мы расстались после серьезной просьбы, чтобы я сообщил его людям новости о нем по возвращении, что я с большой радостью и сделал. Во время нашего разговора немалое веселье среди собравшихся вызвал английский офицер, капитан Ф., из карабинеров, который, услышав, что мой новый знакомый был фенианцем, пришел в сильное возбуждение и с трудом удержался от того, чтобы поднять руку на Нихила. Однако я объяснил, при каких обстоятельствах он разговаривал со мной, и Капитан остыл. Его сильное чувство против этих людей само по себе было небезосновательным, поскольку зимой 1867 года он находился на действительной службе в Ирландии и командовал там летучей эскадрильей.

В течение этих четырех дней нашего путешествия в Париж погода оставалась очень хорошей, и наша пешеходная экскурсия по такой приятной стране была очень приятной. Иногда мы болтали с крестьянами, которые попадались нам на пути; и я должен сказать, что в этих районах многие из тех, с кем мы разговаривали, громко восхваляли как Императора, так и Империю. "Посмотрите, — часто говорили они, — на наши прекрасные дороги, — на *Имперский* маршрут, например, между Руаном и Парижем, — посмотрите на наши города и деревни с их

великолепными лесистыми улицами, общественными зданиями и памятниками; посмотрите на прекрасные мосты и акведуки, которые вы видите повсюду! Кого мы должны благодарить за все это, кроме императора? Кто дал работу миллионам трудящихся по всей Франции? Кто сделал Париж одним из красивейших городов мира и столицей Европы? Кто правил Францией, когда она была самой богатой и процветающей из наций, с торговлей, более обширной, чем когда-либо прежде?" Таковы были факты, на которых эти скромные люди стали красноречивыми. Были ли они полностью неправы? Пусть решают другие.

Местность между Верноном и Мантом очень холмистая, и некоторые участки дороги стали почти непроходимыми из-за глубоких траншей, которые французы прорыли поперек них, чтобы помешать продвижению немцев. Как ни странно, хотя они приложили столько усилий, чтобы разрушить дорогу, они все же оставили узкую дамбу, по которой могла бы проехать повозка, с запасом в несколько дюймов. Впоследствии, в окрестностях Орлеана, я стал свидетелем гораздо более хитроумной попытки затруднить врагу дороги, о чем я расскажу в своем месте.

ГЛАВА XII. ГОРОД, ЗАХВАЧЕННЫЙ ПЯТЬЮ УЛАНАМИ.—МАНТЫ ОТПРАВЛЯЮТСЯ В ВЕРСАЛЬ.—МЫ ЗАХВАЧЕНЫ НЕМЦАМИ.— ГЕНЕРАЛ ШЕРИДАН И НИГГЕР ЧАРЛИ.—ИЗГНАННИКИ С ЮГА.

Наши лошади устали от долгих переездов и тяжелых дорог, и мы продвигались вперед очень медленно. По прибытии в Мант мы остановились на ночь в отеле "Отель де Франс". Этот знаменитый город - чудо чистоты, с улицами, такими же опрятными, как в Голландии, и нигде нет ни одного неприятного уголка. Большой переполох был вызван накануне тем, что пять уланов прибыли на рыночную площадь с вереницей повозок и увезли все зерно и фураж, которые им требовались для войск в окрестностях Версаля. Удовлетворив эти требования, уланы подожгли здание вокзала, а также спилили телеграфные столбы и перерезали провода. "Какое мужество, должно быть, было у этих пятерых!" - воскликнет читатель. "Представьте себе, что такая сила проезжает через густонаселенный город и уносит с собой половину продуктов с рынка, в то время как люди смотрят на это и даже не помышляют о том, чтобы приставать к ним!"

Но, в конце концов, этот подвиг был не таким уж дерзким. Все знали, что, если бы жители вмешались в дела этих уланов, это место было бы посещено на следующий день и превращено в пепелище. Таково было наказание, которому подвергались целые деревни с невинными и миролюбивыми жителями, иногда в отместку за то, что было сделано несколькими людьми. Постепенно я приведу прокламацию, которая была вывешена на стенах Орлеана, описывающую подобную казнь и угрожающую повторить подобное при аналогичных обстоятельствах.

Именно здесь Пратт, которому не терпелось раздобыть транспортное средство, в котором могла бы передвигаться большая часть медицинского персонала, предъявил приказ, который он получил от прусских властей в Седане, требующий от мэрии любого французского города,

через который он проезжал, предоставить ему любых лошадей и транспортные средства, которые могут понадобиться для использования его корпусом. Нас с Хейденом послали выполнить это неприятное задание. Вооружившись нашим императивным документом, мы совершили обзорную экскурсию по Манту и, бросив пару франков парню, узнали о большом частном четырехколесном омнибусе — как раз том, что нам было нужно, — и лихой, крепко сбитой паре серых лошадей, которые могли бы его запрячь. Ворота двора были открыты, так что мы вошли с дерзостью разбойников и попросили разрешения встретиться с хозяином. По лицу слуги я понял, что он догадался, о чем идет речь. Он ретировался, не произнеся ни звука, но вскоре вернулся в сопровождении своего хозяина — мужчины средних лет с джентльменской внешностью. Он казался очень встревоженным, но когда мы показали ему наше требование и сказали, что приехали, чтобы на время освободить его от кареты и пары лошадей, на его лице отразилось глубочайшее смятение.

Мы, однако, подали знак нашим собственным конюхам за воротами и велели им запрягать лошадей и укладываться, что они и сделали с такой готовностью, словно были пруссаками, а хозяин наблюдал за ними в угрюмом молчании. Но каковы были его чувства, когда двадцать минут спустя он увидел, как мы везем его команду через ворота и выезжаем из города, я не смею догадываться. Этим экипажем и парой, которую я могу здесь дополнить, мы пользовались до конца войны, когда их вернули мэру Версаля с просьбой вернуть их первоначальному владельцу в Манте, за вычетом, однако, одной из лошадей, которая умерла от переутомления и лишений.

Таким образом, во время войны нарушаются священные права собственности, и систематический грабеж считается оправданным теми, кто может успешно им заниматься. В данном случае собственность была в конечном счете возвращена ее законному владельцу; но в скольких случаях этого так и не было сделано? Конечно, предполагается, что правительство возместит ущерб любому человеку, который сможет предъявить корешок заявки: и все же было бы интересно услышать от таких пострадавших рассказ о том, как много они просили и как мало получили.

Мы быстро продвигались к Сен-Жермену, так как доктор Пратт спешил попасть туда как можно скорее. Любопытно отметить, что до сих пор мы не наткнулись ни на один немецкий аванпост; не наткнулись и мы, пока не вошли в Сен-Жерменский лес, когда нам бросили вызов и пришлось сдать наши документы для проверки. В нескольких милях от этого города мы проехали через деревню Мезьер, которая была сожжена дотла несколько дней назад и теперь представляла собой дымящуюся грудку руин. Одна сожженная деревня похожа на другую, и я мог бы представить себя в Базейле. Целые улицы в предместьях Сен-Жермена, по которым мы проезжали, были разграблены, и в некоторых случаях солдаты переходили от дома к дому с помощью дыр, которые они проделали в перегородках. Я бродил по груде таких зданий, и, конечно, бессмысленные разрушения внутри них были поразительны. Я должен сказать, что немцы, когда за ними не наблюдают, на редкость умелые грабители; но их сдерживала такая жесткая дисциплина и так сурово наказывали за каждый проступок, каким бы тривиальным он ни был, что они были и остаются, я полагаю (хотя и не благодаря их доброй воле), лучшими солдатами на действительной службе в Европе. В вопросе дисциплины, похоже, ничего не изменилось, по крайней мере, в плане расслабления прусских рядовых со старых добрых времен Фридриха Великого и его эксцентричного и жестокого отца.

Вскоре после отъезда из Сен-Жермена мы добрались до высот Марли, прямо под акведуком. С этой позиции мы открывали тот исторический вид, который слишком хорошо известен для меня, чтобы думать о его описании, даже если бы я мог. Внизу мы увидели дворец Сен-Клу, которому через несколько коротких часов суждено было превратиться в руины, а за ним мрачно возвышался форт Мон-Валерьен. Гарнизон последнего также не бездействовал, поскольку он продолжал вести оживленную канонаду в нашем направлении, даже когда мы смотрели в его сторону.

Вскоре мы заметили несколько человек, спускающихся под его орудиями. Очевидно, должно было произойти что-то необычное. В этом факте мы вскоре убедились, когда снаряды упали гораздо ближе к нам, некоторые разорвались на другой стороне дороги внизу; что на мгновение заставило нас вообразить, что форт принял нас за обоз с боеприпасами. Снаряды разрывались очень близко, и дамы, которые были с нами, почувствовали, что было вполне разумно, сильную тревогу.

Как раз в это время два отряда баварской кавалерии и полк пехоты в спешке миновали нас, спускаясь с холма по проселочной дороге, чтобы присоединиться к другим линейным войскам, которые были скрыты в лесу под нами, и под прикрытием них продвигались вперед. Прямо слева от нас и под нами прусские батареи открыли огонь со своих позиций, которые прикрывали их кавалерию и пехоту на правом и левом фланге. Некоторое время грохот и дребезжание продолжались энергично, напоминая нам о 31 августа и 1 сентября в небольшом масштабе. Но примерно через час все снова стихло, и французы отступили в свой большой форт.

Это была лишь одна из бесчисленных мелких стычек, которые постоянно происходили между осаждающими и осажденными, в зависимости от того, кто из них совершал экскурсии по окрестностям в поисках провизии, фуража или топлива.

Вскоре после полудня мы вошли в Версаль и немедленно явились к прусскому главному коменданту этого города. Мы разместили нашу штаб-квартиру в отеле "Сервуар", на одноименной улице. Там доктор Пратт и еще один или двое других сняли апартаменты, что было делом хлопотным, поскольку каждый номер в отеле, казалось, был занят бароном, принцем, герцогом или каким-нибудь высокопоставленным чиновником из свиты короля Вильгельма. Я слышал, что только в отеле "Резервуар" было четыре или пять таких магнатов, среди них принц Плесс и тот принц Гогенцоллерн, чья кандидатура на корону Испании была предложением, под которым Луи Наполеон объявил войну. Этого последнего я постоянно видел в Консьержери отеля — джентльменского, веселого и красивого юношу, одетого в форму Белых гусар, и, конечно, последнего человека в мире, которого можно было бы представить себе зачинщиком этого грандиозного конфликта.

В одном отеле остановились два великих, но непохожих на знаменитость американских генерала — Шеридан, знаменитый герой кавалерии, и Бернсайд, проигравший битву при Фредериксберге. Они делали самые дружеские заигрывания с американцами из нашего штаба; но их знаки внимания были приняты последними с крайним равнодушием, как они и могли ожидать; ибо наши люди, за исключением Хейдена, были южанами и ненавидели землю, по которой ступали эти янки. Негр Чарли, которого их усилия сделали свободным человеком, заскрежетал зубами на Шеридана, когда тот снизошел до того, чтобы обратить на него внимание. Это была честь, которой негр отнюдь не гордился. Здесь я могу заявить, что никто,

кто не жил некоторое время среди южан, не может понять, насколько горькой была их ненависть в те годы к Северу. Действительно, это было так велико, что, когда они могли избежать этого, они даже не ели за одним столом и не вступали с ними в какие-либо социальные отношения. Я должен добавить свое подозрение, что это было строго справедливо только в случае таких людей, как мои *собратья*, которые были крупными рабовладельцами и землевладельцами; и которые, будучи полностью разорены войной, ушли в добровольное изгнание. В отношении таких, как они, снисходительная политика правительства Соединенных Штатов после краха дела южан не имела силы стереть память о том, что они потеряли. Куда бы вы ни путешествовали по Европе двадцать лет назад, вы все еще находили изгнанников с Юга, столь глубоко проникнутых ненавистью к янки, как будто их порабощение произошло всего лишь накануне. Но это чувство вряд ли могло их пережить. И мне сказали, что джентльмены Вирджинии и Южной Каролины теперь молчаливо согласились с отменой рабства, против которого они боролись так яростно и с такой незначительной целью, хотя мы только что стали свидетелями возобновления их усилий по лишению избирательных прав цветных избирателей и восстановлению местного самоуправления и власти штата в руках их собственного класса.

Но я отклоняюсь от своей темы. Как я уже говорил, личным желанием нашего шефа было, если возможно, попасть в Париж; и с этой целью доктор Пратт провел длительную консультацию с полковником Ллойдом Линдсеем, вице-президентом Английского общества, от которого мы теперь ожидали наших распоряжений. Он объявил этот проект невозможным и предоставил наш контингент в распоряжение принца Плесса, генерального инспектора германского санитарного корпуса, который сказал нам, что мы действительно очень нужны в Орлеане, где несколько дней шли ожесточенные бои с большими потерями с обеих сторон. Город был полон раненых, а медицинского персонала совершенно не хватало, чтобы позаботиться о них.

Таким образом, якобы под руководством полковника Ллойда Линдсея и Английского общества, но, на самом деле, по приказу Германии, мы должны были отныне выполнять нашу миссию. Эта смена контроля была нам неприятна, но ничего не поделаешь. Сначала мы состояли исключительно на службе у французов, но всегда были интернациональны; и мы не могли, по чести или совести, отказаться поступить на службу к немцам. Поскольку по Версалью ходили слухи, что мы хотим войти в Париж, возникло определенное подозрение относительно нашего нейтралитета; и колебание в этот момент было бы фатальным для нашей полезности в предстоящих кампаниях. Мы приготовились отправиться в путь как можно скорее. Полковник Ллойд Линдси возражал против нашей нынешней формы скорой помощи, считая ее слишком французской. Франки-тиреры, захватившие нас в плен, этого не забудут, приняли их за пруссаков. По его предложению мы должны были носить парадную форму Королевской артиллерии, пока служили в немецком полевом госпитале; из Лондона немедленно был заказан запас. Мы получили ее и носили до тех пор, пока не покинули Орлеан. Таковы были обстоятельства, при которых был осуществлен наш переход от французов к немцам.

ГЛАВА XIII.

ПРУССКАЯ ШТАБ-КВАРТИРА В ВЕРСАЛЕ.—ПОЛЬСКАЯ ДАМА.- СОЖЖЕНИЕ СЕН-КЛУ.—НЕМЕЦКИЕ ПРИНЦЫ.—ОТ ЭТАМПА И ПОЛЯ БИТВЫ При ШЕВИЛЛИ до ОРЛЕАНА.

Поскольку доктору Пратту нужно было позаботиться о нашем переезде и заложить припасы, а нашим лошадям крайне требовался отдых, наш отъезд был отложен на два дня, в течение которых у меня было достаточно возможностей увидеть все, что стоило посетить в Версале. Мои покои были удобными, и я не должен был упускать из виду обстоятельства, которые позволили мне попасть в них.

Польская дама с большим состоянием, мадам Урбоновски, жившая на улице Сервуар, услышав, что наш корпус скорой помощи вступил в Версаль, лично вышла и обратилась к доктору Маккеллару, сказав ему, что ей будет очень приятно, если он и еще двое его спутников воспользуются ее домом и гостеприимством за ее столом, пока они находятся в городе. От столь щедрого предложения нельзя было отказаться. Маккеллар, Хейден и я были только рады принять такое приятное жилье. Наши апартаменты были изысканно меблированы и снабжены всевозможными предметами роскоши, к которым плачевное положение, в которое мы попали из Руана, едва ли позволяло нам относиться должным образом. Ничто не могло сравниться с добрым вниманием мадам Урбоновски в течение тех двух дней, что мы провели под ее крышей. Провизия была скудной и дорогой, но это не помешало ей угостить нас самой лучшей едой и отборнейшими винами за ужином. Перед моим отъездом моя хозяйка, понимая, что я ирландец, и будучи хорошо осведомленной о симпатиях, которые существовали между ее собственной нацией и Ирландией (страны схожи своей религиозной историей и долгими бедствиями), настояла на том, чтобы, если я когда-нибудь вернусь в Версаль, я снова посетил улицу Резервуар. Я обещал и должен был радоваться, что сдержал свое слово. Но я не видел мадам Урбоновски во второй раз и не знаю, жива ли она еще.

На следующий день после нашего приезда все только и говорили о сожжении Сен-Клу, которое произошло накануне вечером. Это был печальный результат того боя, свидетелями которого мы были, и, благодаря снарядам с Мон-Валерьяна, 13-го числа мы почти разделили его участь. На следующее утро мы посетили Версальский замок, осмотрели картинные галереи и Королевскую часовню. Здесь тоже знаки войны бросались в глаза в другом месте, кроме закопченных боевых фигур, которые смотрели на нас со стен. Все галереи на первом этаже были превращены в госпиталь и были заполнены ранеными немцами. И они создали первоклассный госпиталь — просторный, с максимально совершенным расположением и общей организацией. Но на ухоженных лужайках перед дворцом я видел, как тренировались королевские лошади, где совсем недавно ступать было почти преступлением.

Я не должен говорить о Большом и Малом Трианоне, изящных аллеях или фонтане, который я видел играющим в бассейне Нептуна. Все это было ново и восхитительно для неопытного юноши, чье чтение французской истории не было ни обширным, ни глубоким. Мы с Маккелларом прокатились по парку за пределами Версаля и насладились далеким видом Парижа с определенных высот, откуда время от времени доносился грохот пушек, выпущенных фортами. По пути домой мы встретили старого короля, который ехал в открытом ландо. Его сопровождал канцлер Германии. Когда я увидел его в другой раз, в экипаже был генерал фон

Молитке. Таким образом, теперь я увидел в Седане человека, потерявшего одну Империю, и тех, кому было суждено в чертогах Людовика XIV основать другую, прежде чем должно было пройти шесть месяцев.

Но, действительно, казалось бы, половина жителей Версаля состояла из принцев, герцогов, баронов и военачальников. Я насчитал девять таких знаменитостей в отеле "Резервуар"; однако некоторые из них были настолько убого выглядящими представителями своего класса, что на какое-то время они погасили во мне уважение, которое, как я предполагал, я питал к Королевской семье и ее окружению. Принц, герцог или генерал, которые разгуливают по улицам, попеременно жуя кусок сырой ветчины или колбасы в одной руке и ломтик хлеба в другой, не совсем соответствовали чьему-либо представлению о феодальном или даже немецком достоинстве и современной цивилизации. И все же таковы были манеры многих из тех, чьи громкие имена хорошо читались в "Газетт".

Мне предложили разделить эту грубую трапезу, и, как бы я ни был голоден в то время, мое самоуважение, нет, даже мой аппетит возмутились; и мне не без труда удалось вежливо отказаться. Пословица гласит: "A la guerre comme à la guerre". Я не хочу сказать, что в военной кампании всегда можно соблюдать приличия, но есть такая вещь, как джентльменская осанка, и из этого огромного собрания, в жилах которого текла древнейшая немецкая кровь, я видел немногих, кто соответствовал стандартам, которым, как ожидается, должны соответствовать английские офицеры, что они и делают, за редчайшим исключением.

Я должен признаться, что, когда я смотрел на нескольких наших *атташе* при немецком дворе и сравнивал их с их, возможно, более интеллектуальными и, безусловно, более грубыми и дородными кузенами из-за Рейна и Бранденбургской марки, я не мог не испытывать гордости за эту братскую страну, которая дала им жизнь. Но, увы! когда мы сравниваем не офицеров и рядовых в отдельности, а английскую армию с немецкой, мы больше не можем похвастаться: наши методы обучения до недавнего времени были старомодными; наша военная наука отстает; и наше пренебрежение к обучению, которому с наибольшей пользой могли бы подвергнуться все молодые люди в городах и деревнях, является, я осмеливаюсь думать, не менее близоруким, чем слабоумным.

Вечером 15-го я видел, как 12 000 человек прошли маршем по Версалью. Это были новые рекруты из Германии, прибывшие на усиление инвестиционной армии вокруг Парижа; и выглядели они великолепно. Общей темой разговоров теперь были бои за Орлеан, взятие этого города и разгром Луарской армии, известие о котором только что дошло до нас. Ожидались новые бои по соседству, и доктор Пратт приготовил все к началу завтрашнего дня. В Версале, казалось, было общее мнение, что Париж долго не продержится; и с его капитуляцией война должна закончиться.

В ту же ночь мы получили приказ явиться на следующее утро в штаб и быть готовыми выступить в любой момент.

16 октября было воскресенье. Я проснулся к началу петушиного пения, отслужил мессу в Гранд-Эглиз и попрощался с моей любезной хозяйкой. Наш штаб был собран в штаб-квартире

среди принцев, баронов, герцогов и остальных, о ком я уже упоминал. Когда все было готово и фургоны и припасы выстроились в линию, те, у кого были лошади, выехали вперед, в то время как мы, остальные, поехали в комфортабельном частном омнибусе, который мы взяли — одолжили, я полагаю, это подходящее слово — в Манте. Наш отъезд вызвал небольшой переполох в городе. Что касается принца Плесса, то он был любезен со всеми нами и даже был настолько заботлив, что снабдил нас запасом сигар.

Двигаясь в процессии, мы представляли собой своего рода демонстрацию. На переднем из наших фургонов скорой помощи развевались на ветру флаги Англии и Америки. Как раз в тот момент, когда мы добрались до широкой улицы перед мэрией, которая ведет из города, мимо нас прошел прусский полк в полном походном порядке. Когда они приблизились, мы услышали, как офицеры и младшие офицеры громкими резкими голосами передают приказы, в результате чего, проходя мимо, каждая рота предъявляла оружие, а наш командир и те, кто ехал с ним, отдавали честь в ответ.

Вскоре мы выехали из Версаля и были на пути в Лонгюмо, куда после приятного путешествия прибыли ближе к вечеру и устроились на ночлег. Не успели мы пробыть в городе очень долго, как оказалось, что наше прибытие вызвало переполох среди прусских властей, которые ничего не знали о том, кто мы такие и куда направляемся. Немецкие офицеры неоднократно допрашивали некоторых из нас по этим вопросам. Так оно и было. Наш начальник, найдя Лонгюмо такой незначительной деревушкой, не счел нужным явиться к коменданту. То, что таково было не мнение этого высокопоставленного лица, мы вскоре обнаружили, когда он спустился в отель, где мы остановились, и обрушился на всех в самом громогласном и непарламентском тоне, но особенно на доктора Пратта, за то, что тот не доложил ему, как только мы оказались в его юрисдикции.

Однако дело было улажено предъявлением удостоверения Врача, подписанного властями Версаля, после чего наш шумный маленький друг, одетый в униформу с ржаво-золотыми галунами, погрузился в угрюмое молчание. Пока не стемнело, я вышел с доктором Мэй, чтобы купить всякой всячины, которой хватило бы на ужин. Мы зашли в магазин, который был битком набит немецкими солдатами. Пока я ждал, когда меня обслужат, я наблюдал за различными покупками, которые были сделаны. Один из наших тевтонов покупал сливочное масло, старое и протухшее, еще сало, еще свечи, еще жирную свинину или бекон. Все вкладывали свои гроши и мелочь во что-нибудь жирное. Один из этих парней взял в руки кусок масла весом около полфунта и затем спросил о его цене; но пока бедный французский лавочник смотрел в другую сторону, герой выскользнул и скрылся в своей квартире. Я почувствовал желание последовать за ним, но решил, что разумнее сдержать свое негодование, как мне приходилось делать много раз до и после. В течение часа после нашего прибытия горожане узнали, с каким поручением мы направляемся, и, как следствие, стали максимально вежливыми и общительными. Один из самых респектабельных буржуа зашел так далеко, что пригласил нас к себе на чай и ужин.

Кое-кто из нас вчетвером принял приглашение. Когда стемнело, мы проскользнули через улицу в дом нашего хорошего друга и провели приятный вечер за чашечкой превосходного кофе с хлебом с маслом. Никто, кто не служил во время кампании, не может себе представить, насколько невозможно получить что-либо похожее на комфортную еду или раздобыть хороший и съедобный хлеб, не говоря уже о хорошем масле, которое действительно было редкостью. И я

боюсь, что то же самое следует сказать о говядине и баранине — фактически, обо всех обычных предметах потребления.

На следующее утро мы отправились в путь пораньше. Наша дорога по-прежнему пролегла по густо поросшей лесом местности, по обе стороны которой росли вишни, яблони и груши, плодами которых мы угощались в изобилии. Погода оставалась хорошей. И, как и прежде, нам приходилось зорко следить за франками-тирерами, слухи о чьих распутных деяниях распространялись среди крестьян, которые питали к ним искреннюю ненависть.

Около полудня мы прибыли в маленький городок Арпажон, где устроили себе ленч. Что поразило нас, когда мы проезжали через деревни на нашем пути, так это совершенно пустынный и заброшенный вид их домов, улиц и общественных мест. С точки зрения жителей, страна, казалось, превратилась в дикую местность.

Вскоре после полудня мы добрались до Этампа, чистенького городка с широкими бульварами и красиво озелененной площадью. Любопытно отметить, что мы не нашли ни одного оккупированного немца и без труда получили жилье. Я прогулялся по городу с Маккелларом и Уорреном. Первым зданием, которое привлекло наше внимание, была приходская церковь, стоявшая на главной улице и не лишенная изящества. Мы вошли, ожидая увидеть все в том состоянии кричащей опрятности, которое характерно для французских деревенских церквей; но каков же был наш ужас, когда мы обнаружили, что воздух пропитан отвратительным запахом, а полы приделов и трансепта завалены соломой! Было очевидно, что здесь был расквартирован отряд кавалерийских лошадей, некоторые из которых были привязаны к скамейкам, служившим вместо яслей, а другие - к перилам боковой часовни.

Было также очевидно, что скамейки в Святилище использовались аналогичным образом, судя по количеству обломков конюшни, которые валялись со всех сторон; многие скамейки тоже были сломаны, и от них в разных частях церкви горели костры. Ступени и алтарь имели признаки того, что на них ели и спали. У подножия алтаря, который был ярким и роскошным, на соломе лежала начисто обглоданная ветчинная кость. Все это было очень отвратительно. До сих пор мы действительно видели, как церкви в Седане и Версале и их окрестностях превращались в больницы; но никто не назовет это неправильным использованием их. И совсем другое - превратить Святилище в зловонную берлогу.

Выйдя из оскверненной церкви, мы перешли железную дорогу и направились к старому замку, который стоит на холме над Этамп. Это место вызывает исторические ассоциации, но пруссаки разграбили его, и внутри царил полный беспорядок. Когда мы вернулись, нашему начальнику доложили, что мэр высказал некоторые возражения по поводу выдачи корма нашим лошадям; так что моему другу Хейдену было немедленно поручено навестить его и уладить этот вопрос. Мэр резко повторил ему свое возражение, плохо зная характер человека, с которым ему приходилось иметь дело. Хейден прибегнул к своему запасу сильных выражений и предупредил его с дерзостью янки, что, если провизия не будет доставлена до наступления ночи, он прикажет публично повесить своего почитателя на одном из деревьев в его собственном саду на следующее утро. Охваченный паникой от энергии, с которой Хейден объявил о своей завтрашней гибели, бедняга, не мудрствуя лукаво, приказал немедленно доставить фураж и кукурузу, что и было сделано.

В этой процедуре Хейдена было что-то не на шутку дерзкое, хотя, возможно, ничего по-настоящему смелого; ведь у месье Мэра не было солдат, и даже жандарма в городе под его командованием было немного. Отсюда его мгновенная капитуляция. Мы от души посмеялись над всем этим делом.

На следующее утро мы возобновили наш марш и быстро двинулись дальше, потому что теперь мы слышали от двух курьеров Скорой помощи, которые выехали против нас, что около Орлеана идут бои и что в этом городе очень нужны наши услуги.

По мере приближения дня мы отчетливо слышали непрерывный грохот пушек за много миль впереди. Ближе к вечеру, когда мы проезжали Артенэ, мы обнаружили, что дорога и равнина с обеих сторон покрыты обломками сражения. Множество порванных мундиров, ранцев, оружия, амуниции, мертвых лошадей и свежевырытых могил - все это свидетельствовало о том, что в окрестностях недавно шли ожесточенные бои. У дороги лежал неразорвавшийся снаряд, но мы старались к нему не прикасаться. Многие деревья были обрублены до середины стволов, и почти у всех тут и там были сломаны небольшие ветки, свидетельствующие о том, что боевые действия велись не только артиллерией. На некоторых стволах деревьев были странные борозды, очевидно, от снаряда или дробы.

В течение всего этого дня, 18 октября, мы продвигались вперед так быстро, как только могли, и поздно прибыли в деревню Шевилли. Мы узнали от мэра, который любезно предоставил нам кров на ночь, что на прошлой неделе в деревне и ее окрестностях велись ожесточенные и кровопролитные бои. Его маленький цветник был ареной атаки пехоты; и я отметил по растоптанному и вырванному с корнем растению и разбросанной земле то самое место, где произошло несколько смертельных схваток. Земля была изрыта, а ветви деревьев сломаны разрывами бомб. Наша хозяйка, которая во время боев укрылась со своим мужем в подвале, живо описала мне это событие. Вся деревня превратилась в груды развалин. Но я буду помнить бедную леди и ее доброго мужа, которые оказали нам такой гостеприимный прием, несмотря на волнение, вызванное недавним происшествием и разорением их жилища.

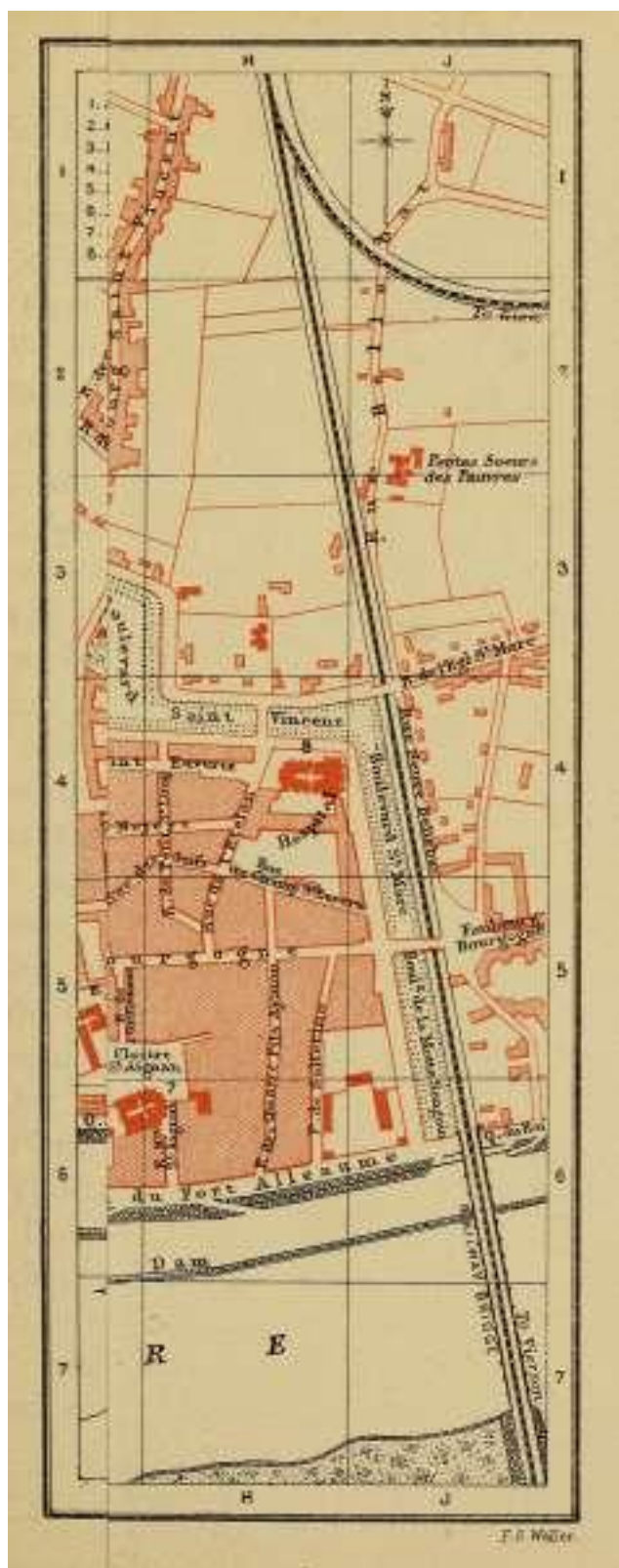
Было проблемой, что станет с жителями этих сельских районов, где пруссаки (как сообщили мне мои хозяин и хозяйка) съели их мясо, хлеб и овощи, угнали их скот, сено, солому и кукурузу и во многих случаях заканчивали тем, что, когда они думали, что люди лишили их припасов, сжигали дома над головами французов. Такие вещи, как нас уверяли, происходили в окрестностях Орлеана. Несколько раз с тех пор, как мы покинули Лонгюмо, мы встречали фургоны с женщинами и детьми, которые рассказывали нам жалостливые истории о том, как их дома были разрушены, а им самим пришлось спасаться бегством; и, возможно, самой печальной частью их истории было то, что, когда мы спрашивали, куда они направляются, они, казалось, в некоторых случаях не имели ни малейшего представления. Они были странниками по лицу земли и ошеломлены бедствиями, которые обрушились на них так неожиданно.

Мы выехали из Шевилли в Орлеан утром 19-го. Наш путь по-прежнему лежал через сердце поля боя; и бесчисленные лошади, ранцы, сломанные мушкеты и всевозможное военное снаряжение валялись повсюду. Частые могилы рассказывали свою монотонную историю. Это было странное и мучительное путешествие; но наши приключения еще не закончились.

ГЛАВА XIV.

ВХОДИМ ПОД ЗВУКИ ПУШЕК.— ЗА НАМИ ЗАКРЕПЛЕНА НАБЕРЕЖНАЯ ШАТЛЕ, 66, А ТАКЖЕ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНАЯ СТАНЦИЯ.-ОПИСАНИЕ НАШЕГО НОВОГО ЖИЛЬЯ.

Около полудня мы въехали в Орлеан через предместье Банье. Все это время на другом конце города, в направлении Шатодена, активно стреляли пушки, и, проезжая мимо, мы встретили несколько рот немецких полков, маршировавших по каким-то проселочным дорогам в направлении квартала, откуда доносились звуки стрельбы, несомненно, с намерением присоединиться к сражению. Орлеан попал в руки баварцев; но в настоящее время гарнизон был невелик, так как все имевшиеся в наличии войска были отправлены на фронт, где они теперь преследовали луарскую армию, отступавшую к Туру. Проезжая по предместью Банье, мы увидели убедительные доказательства серьезного и совсем недавнего конфликта. Целые ряды домов были сожжены дотла, в то время как другие были частично разрушены снарядами или их двери и окна были изрешечены. На многих дверях виднелись следы взлома ломом или саперным топориком. На улицах были разбросаны останки кровавого сражения, которое произошло на прошлой неделе; и, судя по внешнему виду, уличные бои, должно быть, были действительно очень жаркими.

Ф.С. Веллер.

ОРЛЕАН.

Лондон; Джон Мюррей, Албемарл-стрит.
Ф. С. Уэллер.

ССЫЛКА.

1. St. Патерн.	C.2.
2. Кафедральный собор.	F.4.
3. Отель де Вилль.	E.4.
4. Музей.	E.5.
5. Отель Cabul & Hist. Mus ^m .	D.5.
6. Notre Dame de Recouvrance.	C.5.
7. С. ^m . Эньян.	X.6.
8. С. ^m . Эверт.	X.4.
9. С. ^m . Пьер.	Э.4.
10. Дом Агнес Сорель.	D.5.
11. Дом Франсуа I.	C.5.

12. С.^м. Поль.

С.5.

Дома.

а. Орлеанский.

Д.2.

б. д'Эньян.

С.1.

с. дю Луаре.

Д.3.

Мы немедленно доложили о себе коменданту; вряд ли мне нужно говорить, что во время войны это первое, что должен делать каждый человек, входящий в город, будь то Полк, Санитарный корпус, курьеры или кто бы то ни было еще. Даже незнакомец, чье дело не очень хорошо известно, немедленно доставляется Военной полицией к главному коменданту и требует дать полный отчет о себе; что, если он не может сделать к удовлетворению этого офицера, он помещается под надзор полиции и вынужден каждое утро являться в штаб. Я упоминаю об этом постановлении, потому что некий вспомогательный сотрудник нашего штаба был вынужден поступить подобным образом из-за того, что он неосторожно рассказал о положении войск некоторым горожанам.

Наш санитарный поезд остановился на площади Банье, пока доктор Пратт составлял свой отчет и добивался, чтобы нам выделили жилье. В центре этого места стоял большой питьевой фонтан, вокруг которого собрался табун лошадей, толкающих друг друга в стремлении добраться до воды. Они выглядели такими усталыми, что я решил, что они, должно быть, совсем недавно вернулись с поля боя. Пока наша машина скорой помощи ожидала возвращения доктора Пратта, мы с Маккелларом неторопливо прогуливались по окрестностям. Возбуждение людей в этот период было поразительным, ибо они воображали, что, несмотря на все их недавние неудачи, Луарская армия, которая все еще вела бои на небольшом расстоянии от города, отбросит немцев и снова займет это место.

Сотни мужчин, женщин и детей столпились у моста через Луару и неотрывно смотрели вниз по реке, в направлении сражения. Но выражение их лиц было как у испуганных овец; и когда мы отважились спросить одного молодого человека интеллигентного вида, почему он не сражается и не изгоняет захватчиков из своей страны, он ответил: "Сэр, у нас нет оружия и нет лидеров". Было очевидно, что они и не думали, как это делали другие в подобных обстоятельствах, импровизировать.

Прекрасная статуя Жанны д'Арк, которая, казалось, наблюдала за битвой издали, была увита венками и гирляндами, возложенными туда горожанами, желавшими таким образом заручиться ее молитвами об успехе своей армии.

Вскоре после этого нам сообщили, что дома № 66 и 68 по набережной Шатле на берегу Луары были отведены нам в качестве жилья. Прибыв туда, мы обнаружили два очень просторных и элегантных дома, из которых открывается прекрасный вид на город напротив, а также на реку и два знаменитых моста, которые являются одними из лучших памятников имперского правления. До этого момента больший из двух домов, № 66, был незанят; и владелец, вероятно, не зная, что

у нас есть квартира от коменданта, сначала не хотел позволять нам занимать весь дом. У него было угрюмое выражение лица, и он собирался запереть свои лучшие апартаменты, когда наш шеф спокойно сообщил ему, что, если он будет продолжать доставлять неприятности и немедленно не отдаст ключи от всех дверей в доме, он, доктор Пратт, превратит весь свой очаровательный особняк в больницу, а свою гостиную превратит в операционный зал. Это было суровое, но необходимое предупреждение, которое прояснило ситуацию. Месье уступил таким энергичным угрозам *форс-мажорных обстоятельств* и с тех пор вел себя по отношению к нам с той вежливостью, которая присуща французской природе и которой, можно сказать, требует наша миссия в Орлеане.

В течение двух дней, последовавших за нашим прибытием, у нашего шефа было много бесед с властями. Вопрос заключался в том, должны ли мы взять на себя только обязанности стационарного госпиталя или пойти по пути армии. Был выбран средний путь. У нас должна была быть больница в городе, и, когда потребуются, мы должны были выступить на поле боя вместе с немецким корпусом скорой помощи. Главный хирург с радостью принял наши услуги, и нам сразу же были переданы два больших госпиталя; первый - госпиталь для больных лихорадкой — вмещал 150 человек; второй, состоящий из железнодорожной станции с ее залами ожидания и подкрепления, складами и офисами, в которых лежали 65 раненых; и там были кровати для размещения еще 150 человек. Вместе с этим мы получили госпитальное оборудование и штат подготовленных военных лазаретчиков. Нам также был предоставлен обильный запас провизии, которая была роздана нам и нашим раненым по реквизиции. Утром 21-го числа главный хирург доктор фон Нуссбаум присутствовал в Орлеанской аптеке, чтобы познакомить нас с бывшими сотрудниками, которые теперь передавали нам свои обязанности. Наша установка была очень формальной процедурой. Немецкий охранник обернулся и отдал честь, когда мы проходили внутрь.

Это было началом наших трудов в Орлеане. Как я уже говорил, это было на железнодорожной станции, которая была превращена пруссаками в госпиталь на следующий день после того, как они овладели городом.

Войдя с площади перед вокзалом в главный зал ожидания, мы прошли через две шеренги солдат, вытянувшихся по стойке "смирно", и вышли на платформу. На территории конечной станции не было вагонов, но на запасных путях можно было увидеть несколько унылого вида грузовиков, и, за исключением нескольких охранников угольного склада, в пределах видимости не было ни одного человека.

Конечная станция была крытой, и большой по площади. Все здания, связанные с ней, были просторными и оборудованы обычным образом. Мы сразу же почувствовали себя как дома в зале ожидания первого класса. В центре были расставлены спинка к спинке диваны, а по бокам стояли ряды кроватей, и на каждой лежало по раненому. *Салли д'аттенге* второго и третьего класса были расположены аналогичным образом и настолько заполнены, насколько могли вместиться.

Следующая комната была Инспекторским бюро, или офисом директоров железных дорог. Здесь также был один ряд раненых.

В буфете было два ряда, и, поскольку он был очень просторным, количество мест в нем было пропорционально большим. В кассе хранились все медицинские и хирургические

принадлежности. В телеграфном отделении находился операционный зал, а в личном бюро начальника станции хранились инструменты для его обслуживания; там хирург, дежуривший ночью, оставался во время своего дежурства. В этой комнате всегда горел хороший огонь, а за дверью расхаживал взад-вперед немецкий часовой на страже.

На другой стороне платформы, к которой вел железнодорожный переезд, мы обнаружили товарный отдел, а также вагонное, вагонное и паровозное депо, которое по своему общему виду представляло собой не что иное, как огромный сарай с открытыми арочными проходами по обоим концам. В этом самом просторном помещении лежало также множество раненых.

Когда мы указали на несколько больших отверстий в крыше (которые были проделаны падающими снарядами несколькими днями ранее), а затем на открытые арочные проходы, предположив нашим друзьям, что они, возможно, слишком воздушные, чтобы приносить пользу, проф. Нуссбаум сообщил нам, что раненые в этом месте поправлялись быстрее, чем в Салле, где их держали в тепле и полностью защищали от непогоды.

Мы оставались там почти два часа, наблюдая, как одеваются наиболее интересные пациенты, а затем посмотрели на операцию Нуссбаума. Поскольку несколько отделений для посылок и ламп также были заняты ранеными, можно предположить, что вся масса зданий вокруг платформ представляла собой очень обширный госпиталь. Это было любопытное и непривычное зрелище, и долгое время после этого я ни разу не заходил на подобный крупный терминал, не поразмыслив о количестве раненых, которых он мог бы принять.

Наши немецкие друзья приняли нас очень любезно, и еще до наступления вечера мы были в ведении всего заведения, имея квалифицированный штат медсестер, которые помогали нам и заботились о нуждах наших инвалидов.

Поскольку мы теперь имели значительный опыт работы в военно-полевом госпитале, нам потребовалось всего несколько часов, чтобы освоиться с рутинной; и немцы, очевидно, были довольны, видя, как быстро мы пристроились в строй и переняли у них все руководство.

Что касается барака за рекой, который был полон больных и больных лихорадкой, то, повторяю, он был закреплен за нами; но на самом деле мы так и не захватили его. Немецкие хирурги, которые были ответственны за это, должны были присоединиться к своему полевому госпиталю, который вот-вот должен был двинуться по следам армии. В то время у баварцев также не было никакого медицинского резерва в Орлеане, так что мы пришли к ним на помощь в тот момент, когда в нас сильно нуждались; и они проявили себя чрезвычайно благодарными. Однако, когда они были готовы передать нам второй госпиталь, их приказ о переезде был отменен; и тем самым мы были избавлены от большого количества труда и ответственности, с которыми наш ограниченный штат был бы совершенно не в состоянии справиться.

ГЛАВА XV.

АССИСТЕНТ ХИРУРГА.—ВПЕЧАТЛЕНИЯ О НЕМЕЦКОМ ХАРАКТЕРЕ.—АРМИЯ И ЕЕ ДИСЦИПЛИНА.—ОСАДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ.—ПРОКЛАМАЦИЯ ФОН ДЕР ТАННА.—ЛЕОПОЛЬД ШРЕНК.

Теперь наш шеф повысил меня до помощника хирурга, и мне поручили вести семнадцать пациентов под руководством доктора Маккеллара. Поскольку большая часть времени врача была занята регистрацией и ведением записей о пациентах в больнице, за исключением тех случаев, когда он проводил операции, я фактически единолично руководил своим отделением, хотя и находился под его наблюдением.

Мы завтракали в 7.30, обедали в 12.30 и ужинали в 6.30; все наши блюда были в изобилии приготовлены в наших апартаментах на набережной Шатле.

При такой тяжелой работе нам, безусловно, требовалась сытная еда, иначе мы бы никогда с этим не справились. Каждый день приносил нам новые партии раненых, а с ними и известия о новых столкновениях и перестрелках на поле боя.

23 октября мне пришлось выполнить свою первую ампутацию. Это было удаление части стопы, которая была раздавлена колесом фургона. Я должен пояснить, что пациент лежал в частном доме, в задней части набережной Шатле. Доктор Макеллар, который любезно сделал мне операцию, и Жан Турко ассистировали мне. Но когда я сделал первый надрез, Джин выбежала из комнаты, а затем в обмороке скатилась вниз по лестнице.

Я продолжал выполнять свою задачу; но не успел я ее выполнить, как мы оба были застигнуты врасплох, обнаружив, что моему испытуемому дали передозировку хлороформа: его лицо было мертвенно-бледным, и казалось, что он уже перестал дышать. Через мгновение мы распахнули окна и дверь, обтерли его холодными мокрыми полотенцами и сделали искусственное дыхание.

К моему великому облегчению, через несколько секунд бедняга снова задышал свободно и вскоре пришел в себя. Он очень быстро поправился; через две недели он был в состоянии передвигаться на костылях, и у него все еще была полезная конечность.

Число моих пациентов увеличивалось с каждым днем, пока с семнадцати их число не увеличилось вдвое. И в то время моей обязанностью было не ложиться спать каждую пятую ночь.

Три или четыре дня прошли в постоянной напряженной работе, часть которой заключалась в перестройке и уборке всей Больницы, которую наши предшественники оставили далеко не в упорядоченном состоянии.

Позже, когда у меня было время выйти, я увидел несколько баварских солдат, возвращавшихся с недавних боев, — грязных, с натертыми ногами и измученных; на самом деле они напомнили мне скорее французских, чем немецких солдат. Кампания, казалось, принимала неблагоприятный для них оборот. Иногда по вечерам оркестры играли на площади Мартрой, где обычно собирались немецкие офицеры и солдаты, чтобы покурить и поболтать. Это был один из их домашних обычаев, который они завезли во Францию, и ни в коем случае нельзя сказать, что

он был неприятным. Я от души наслаждался музыкальным угощением, которое они мне устроили; но еще больше мне нравилось слушать, как целые компании в совершенной гармонии распевали хоровые песни, расположившись бивуаком под деревьями на бульварах. Там мы увидели, как они с невозмутимым терпением ожидали назначения своих квартир и готовили еду в котлах на дровяных кострах, и все это под восхитительный аккомпанемент, который показал их с лучшей стороны.

Все немецкие солдаты разбирались в музыке, и более половины были довольно хорошо обучены пению. Почти все пехотные полки в Орлеане в то время были баварскими; но несколько отрядов прусских кавалерийских полков также были расквартированы в городе. Я никогда не мог себе представить такого разнообразия мундиров и расцветок, какое я видел среди войск императора Вильгельма. Позвольте мне вспомнить некоторые из них.

Там были кирасиры Бисмарка в алой с золотом форме; великолепная униформа, цвет которой (чисто белый), я думаю, не менее к лицу. Затем были Черные брансуикеры, чья форма похожа на ту, что носит Королевская ирландская полиция, но которые носят на киверах эмблему, изображающую мертвую голову и скрещенные кости. Опять же, помимо темно-синих с красными околышами прусской пехоты и баварских светло-синих с зелеными околышами, я мог насчитать гусар всех цветов: красных, черных и белых, светло-синих, темно-синих с золотым и вюртембургских зеленых. Немецкие солдаты, безусловно, великолепные люди; и, хотя в глубине души мои симпатии и привязанности полностью на стороне французов, несмотря на их недостатки, я обязан заявить о превосходстве их противников как людей прекрасного телосложения, мужественной осанки и хладнокровной неустрашимой отваги; и мне нет нужды повторять, насколько замечательна дисциплина, в условиях которой они были доведены до такого совершенства.

В 1870 году французы не понимали, что им приходится иметь дело с армией, рядовой состав которой состоял не только из мускулов и сухожилий немецкого народа, но и включал в себя их лучшие умы. Возможно, более наблюдательные французские писатели, такие как покойный М. Ренан или Жорж Санд, могли бы охарактеризовать войну как состязание науки с цивилизацией. Несомненно, что высокоразвитый интеллект захватчиков был силой, с которой напрасно боролись как Республика, так и Империя. Основная масса солдат из-за Рейна была хорошо образована, и лишь немногие, действительно, не умели читать и писать. Таких немногих можно было найти среди баварцев — на мой взгляд, медлительной, унылой расы, но привыкшей сражаться упорно, которая не вступала в бой со стремительностью и пылом и не убегала с готовностью французов. Их движения были системными и соответствовали правилам: они сражались, потому что им приказали сражаться, и косили врагов не из ненависти к ним, а потому, что таков был их приказ; и если они не обращались в бегство, то в том же духе пассивного повиновения.

Поэтому результат моих впечатлений я бы сформулировал примерно следующим образом: не обращайтесь внимания на немецкого солдата, не приставайте к нему и не вмешивайтесь, особенно когда он выполняет приказы своего начальства, и он будет таким же безобидным, как ребенок, и таким же приятным. Но если, с другой стороны, вы все-таки вмешаетесь в его дела и под любым предлогом вызовете его гнев, его месть будет не менее быстрой, чем ужасной. На

поле боя, когда он придет в возбуждение, он воспользуется своим штыком и мушкетом, как зулус своим assegai или индеец своим томагавком.

Что касается его манер, то они и в лучшие времена были неотесанными, если не сказать отвратительными, а за едой - отвратительными. Он большой любитель поесть, заботящийся не столько о качестве того, что он съедает, сколько о количестве; и хотя он выпивает такое количество пива, от которого любой другой европеец беспомощно опьянел бы, он редко бывает пьян. Ничто так не раздражает его, как голод и жажда; в этих обстоятельствах он представляет собой самый неприятный контраст с французским солдатом, всегда терпеливым и обычно жизнерадостным при таких лишениях. Страдая таким образом физически (что редко случалось при замечательной организации немецкого комиссариата), он грабил все перед собой, чтобы добыть еду или пиво. За подобные грабежи, когда его ловили, он был безжалостно наказан. И немецкий солдат бесстрастно подчиняется такому обращению со стороны своего офицера, как если бы он был собакой, и, по-видимому, не возмущается этим. Я видел, как офицеры и их младшие офицеры на набережных Орлеана то и дело били своих солдат, а на строевых учениях заставляли новобранцев одеваться в шеренгу плашмя от своих палашей — позорная процедура, которой не подчинился бы ни английский, ни французский юноша. Все эти черты немецкой системы, столь же жестокие, сколь и доказавшие свою эффективность, я заметил еще долго после того, как увидел их в Орлеане, на живых и искрометных страницах *Барри Линдона*. Как мало изменился мир за сто тридцать лет!

В течение нескольких дней на улицах не появлялся никто, кроме военных. Все витрины магазинов в городе были закрыты, все дела приостановлены, и в этих обстоятельствах это место имело какой угодно, только не оживленный вид. Комендант, однако, издал приказ всем лавочникам, обязывающий их под страхом сурового наказания снять ставни и открыть свои заведения. В соответствии с этим правилом, в определенный день, до назначенного часа, опускались все ставни; но выставленные на витринах товары меня очень позабавили. В одном из них, занимавшем фасад футов в двадцать или больше, где обычно были разложены шелка, атлас и самые дорогие ткани, теперь были со вкусом расставлены несколько лоскутков глазированного ситца, которые, казалось, были единственным товаром, который можно было приобрести в этом заведении. Другой не менее крупный магазин на Рю Рояль, скобяная лавка, выставил на продажу около дюжины ржавых чайников, сотейников и сковородок. Точно так же поступали почти все остальные владельцы магазинов.

Кондитерские, однако, вели бурную торговлю; их прилавки в любое время дня были переполнены героями-победителями, поскольку немцы едят сладости и кондитерские изделия так же, как корова жует молодой клевер в мае месяце. Но владельцы этих заведений вовсе не были разборчивы в качестве товаров, которые они предлагали. Однажды я зашел в такое заведение и собирался съесть что-нибудь аппетитное на вид, похожее на тарталетки, когда продавец за прилавком узнал меня, потому что мы были знакомы, и прошептал, что сейчас подаст мне что-нибудь более вкусное вместо этих жирных блюд, указывая на то, что стояло перед ним, и которые готовились только для пруссаков. Я должен отметить характерную манеру, с которой французы, самые невежественные люди в мире в отношении иностранцев и их языков, называли каждого незнакомца пруссаком, независимо от того, какой нации он был.

Тем временем Орлеан продолжал находиться на осадном положении, и за каждым, кто передвигался в дневное время, велось строгое наблюдение. С наступлением темноты никто не мог выйти на улицу, не рискуя быть застреленным часовыми, которые были расставлены через каждые сто ярдов вдоль улиц, если только у него не было зажженного фонаря. Я получил огромное удовольствие, слушая, как горны возвещают гражданам приказ разойтись по домам в девять часов. Стоя по четыре человека в ряд в начале каждой улицы, музыканты издавали свой клич, который представлял собой самую жалобную и мелодичную мелодию.

Прежде чем продолжить свое повествование, я не должен упускать из виду любопытное воззвание, все еще висящее на стенах Орлеана, которое баварский генерал Фон дер Танн опубликовал после взятия города 13 октября. Оно гласило следующее:—

"Граждане Франции!

"Поскольку я желаю, насколько это в моих силах, облегчить бремя населения, страдающего сейчас от бедствий войны, я взываю к вашему здравому смыслу и верю, что искренность, с которой я обращаюсь к вам, откроет вам глаза на реальное положение дел; и убедит вас встать на сторону партии разума и мира.

"Ваше покойное правительство объявило войну Германии. Никогда не было заявления более легкомысленного. Немецкие армии также не могли поступить иначе, как ответить переходом границы.

"Они одерживали победу за победой; и ваша собственная армия, введенная в заблуждение системой и деморализованная, была практически уничтожена.

"Возникло другое правительство. Мы надеялись, что оно заключит мир. Оно ничего подобного не сделало. И почему? Потому что она боялась за свое собственное существование; и, делая вид, что условия Германии были невыполнимы, она предпочла продолжать войну, результатом которой не могло не стать крушение Франции.

- Итак, каковы условия, которые они называют невыполнимыми?

"Это восстановление тех провинций, которые принадлежали Германии и в которых немецкий язык все еще преобладает в городах и деревнях; другими словами, Эльзаса и немецкой Лотарингии.

"Не слишком ли велико это предложение?

- Каких условий потребовала бы победоносная Франция?

"Вам сказали, что цель немецких армий - унижить Францию. Это просто ложь, придуманная для того, чтобы взбудоражить массы.

Напротив, именно ваше правительство своим поведением насильно втягивает немецкие батальоны в сердце страны и ведет к разорению, которого оно достигнет, если будет упорствовать в унижении прекрасной Франции, которая могла бы оказаться самым горячим другом нации, которую оно втянуло в военные действия.

"Орлеан, 13 октября 1870 года.

- Барон де Танн,
генерал пехоты.

Оливковая ветвь этого славного генерала пехоты, протянутая острием меча народу, более обидчивому, чем он, не существует, вряд ли была предназначена для того, чтобы произвести эффект. Орлеан с нетерпением ждал весь этот месяц и вплоть до 10 ноября влихорадочном ожидании помощи извне, которая избавила бы его от г-на де Танна и его прокламаций.

Но день проходил за днем, пока монотонность нашей рутины не была нарушена ошеломляющими новостями, давно ожидавшимися, но, когда они пришли, ошеломляющими, о капитуляции Меца с Базеном, 3 маршалами, 66 генералами, 3000 орудий и 173 000 человек. Это была величайшая капитуляция в истории — возможно, самый вопиющий акт государственной измены.

Отчеты отставших раненых, которых мы ежедневно получали в наш госпиталь, говорили нам, что между противоборствующими армиями на нашем фронте велись беспорядочные, но не регулярные боевые действия. Однажды, примерно 3 ноября, были госпитализированы двое баварцев, довольно тяжело раненных. Они рассказали, что в направлении Блуа отряд стрелков, в котором они служили, наткнулся врасплох на отряд французов, из которых после отчаянной схватки они взяли в плен только двоих, но оставили на поле боя сорок убитых. Это, по их словам, произошло в восьми часах езды (*т.е.*, 24 милях) от Орлеана. Несколько дней спустя я принял еще троих, участвовавших в аналогичной небольшой стычке с арьергардом противника. Все трое, по странному совпадению, были ранены в верхнюю конечность. Один гусар получил удар штыком в верхнюю и мясистую часть руки; но с лучезарной улыбкой он рассказал, как разрубил голову француза надвое, пока его противник наносил свой удар. У двоих других были пулевые ранения в руки, очевидно, полученные с близкого расстояния.

На другой день привели двух мужчин, которых застрелила пара франкотиреров. Эти последние не носили формы и хладнокровно подстрелили их из-за живой изгороди. Тем не менее, как гласило следующее уведомление от генерала Виттича, — и это был образец других, размещенных по всей стране, — все такие гражданские агрессоры подлежали высшей мере наказания. "Я заявляю жителям, - так гласил этот документ, - что все лица, не являющиеся солдатами, которые будут захвачены с оружием в руках против немецких войск или совершающими другие акты вражды или государственной измены, будут безвозвратно преданы смерти. Военными будут считаться только те, кто носит форму или кого можно узнать на расстоянии выстрела по знакам различия, неотделимым от одежды, которая на них надета".

В общем обустройстве нашего госпиталя, и особенно в сестринском отделении, нам оказал огромную помощь самый щедрый и добросердечный маленький баварец по имени Леопольд Шренк, капитан Линейного полка. Раньше он приходил каждый день в свободное от дежурства время и работал в нашей больнице, готовый помочь во всем, но особую помощь оказывал, следя за рационом пациентов. Я видел, как он стелил постели моим раненым и умывал им лица. Эта преданность своим страдающим и израненным соотечественникам была достойна восхищения; но он проявлял ненависть ко всем французам и римским католикам, и он ненавидел священников, что я никогда не мог объяснить, поскольку это было очень необычно среди южных немцев. Однако он вел себя как убежденный патриот и был всеобщим любимцем. Когда я расставался с ним, он дал мне свой адрес и фотографию.

Несколько дам из Орлеана также пришли и раздали суп раненым; среди них была одна уроженка Ирландии, мадам О'Хэнлон. Руководствуясь исключительно побуждениями милосердия, они одинаково служили пруссакам и французам, с одинаковой добротой и вниманием.

ГЛАВА XVI.

СЛУЧАИ И ПАЦИЕНТЫ.—МАРТИН ДИЛГЕР.—ТЯЖЕЛЫЕ ПОТЕРИ.— ФРАНЦУЗСКОЕ БЕЗБОЖИЕ КОНТРАСТИРУЕТ С НЕМЕЦКИМ БЛАГОЧЕСТИЕМ.

Поскольку моей целью является исключить, насколько это возможно, профессиональные подробности моих трудов у постели больного, описание ранений и тому подобное, я снова просто упомяну подробности нескольких случаев, чтобы дать моему читателю общее представление о характере ран, полученных солдатами в бою.

Возьмем, к примеру, номер 6, который я нахожу в своих записях. Это был очень тяжелый случай. Немецкий линейный солдат получил пулевое ранение сзади и ниже икры ноги, которое прошло вверх, не задев кости, за коленным суставом, под мышцами бедра к тазобедренному суставу. После этого самого необычного действия пуля вошла так глубоко под мышцы, что ни немецкие врачи, ни мы, которым был передан случай, не смогли определить точное положение пули; тем не менее я вскрыл ее след в четырех или пяти местах. Несмотря на все лечение, в конце концов он умер от заражения крови. Проводя посмертное исследование, я проследил, что пуля действительно попала в брюшную полость, и все равно не смог ее найти, хотя и был уверен в ее общем положении. Эти подробности я привожу, чтобы показать, какой непредсказуемый путь может пройти пуля после попадания в конечность. Были десятки подобных любопытных случаев, для которых этого может быть достаточно в качестве примера.

В другом случае пуля, войдя в правое бедро и раздробив кость, унесла с собой осколок этой кости, застрявший в ее центре, и куски туники и подкладки, а также брюк и рубашки. Затем он вошел в левое бедро, расположившись близко к коже с внешней стороны, из которой я извлек различные фрагменты в только что описанном порядке.

К этому времени мы эвакуировали большой сарай, в котором теперь жили только те, кто страдал пиемией, или заражением крови. У всех остальных были удобные помещения в разных частях здания, но эти несчастные были обречены оставаться в сарае, хотя и подвергались воздействию пронизывающего мороза и пронизывающих ноябрьских ветров. Простая причина заключалась в том, что их присутствие под одной крышей со своими товарищами означало бы верную смерть для всех. Когда они заразились этой ужасной болезнью, которую они вызывали главным образом путем заражения, их единственным шансом — и, как оказалось, слабым — было оказаться на притоке свежего воздуха. Следовательно, их переселение в этот сарай обычно было лишь первым шагом к мертвому дому.

Эта эпидемия в Полевом госпитале произвела большой опустошительный эффект среди наших людей в ноябре месяце в Орлеане, как это было в сентябре под Седаном. Единственным случаем выздоровления после этого, который привлек мое внимание за всю кампанию, был случай с баварцем по имени Мартин Дилгер; и он был очень плохого типа. Ему ампутировали бедро, и когда появились симптомы, я отправил его в сарай, где ему быстро стало так же плохо, как и его товарищам. Я навещал его по нескольку раз в день, но ему быстро становилось хуже, пока, наконец, его случай не стал казаться более отчаянным, чем у всех остальных. Мягкие части тела отслоились, оставив торчащую бедренную кость; в то время как пациент находился почти в коматозном состоянии и страдал от той сильной икоты, которая обычно в таких случаях является предвестником смерти. Несколько моих коллег-хирургов, движимые чувствами гуманности, посоветовали мне не причинять ему бесполезной боли и раздражения при перевязке культи, поскольку у него было *омертвление сустава*, и его выздоровление было за гранью возможного. Однако я решил, что, пока он жив, я сделаю для него как можно больше; и я продолжал перевязывать его раны.

У Дилджера были длительные и повторяющиеся приступы окоченения, сопровождавшиеся обильным потоотделением, и обычно он был синюшно—багрового цвета - все симптомы самого смертоносного предзнаменования. Я давал ему столько бренди, сколько он мог принять, и хлорал каждые два часа от икоты, которая была такой сильной, что сотрясала не только все его тело, но и кровать, на которой он лежал. Тем не менее, через несколько дней эти оцепенения прошли; он открыл глаза и пришел в сознание. Перед лицом такого решительного улучшения я рискнул высказать мнение, что он выздоровеет. Теперь он употреблял огромное количество бренди, которое доставлялось из магазинов, и бульон, который я приготовила для него в городе. Благодаря этому лечению его раны зажили, пульс и температура снизились, а разумная речь вернулась вместо тихих бормотаний в бреду; теперь мои коллеги признали, что его выздоровление возможно. Я позволил ему остаться в сарае, поскольку чувствовал, что от его присутствия там зависит его безопасность. Некоторые предлагали перевести его в теплую удобную комнату в городе. Действительно, мне с трудом удалось остаться глух к этим советам и побороть свои собственные наклонности, когда, отправившись к нему в гости холодной ноябрьской ночью, я услышал, как ветер самым меланхоличным образом завывает в той лавке, а дождь барабанит по дырам в крыше. Тем не менее в этой пещере Эола он пережил всех остальных и, наконец, оказался ее единственным обитателем.

Это был мой первый случай пиемии в Орлеане, но за ним вскоре последовали многие другие. У Чернокожего гусара, находившегося в зале ожидания первого класса, болезнь приняла самую заразную форму, и он умер через двадцать четыре часа. Это меня очень напугало, и я дрожал за безопасность остальных. Поэтому я немедленно приказал промыть свои обереги сильным раствором карболовой кислоты. Что заставляло меня еще больше опасаться, так это ужасный факт, что из семнадцати пациентов в соседней палате, все до сих пор протекавшие благополучно, четырнадцать умерли за очень короткое время от этой ужасной напасти. Несмотря на мои предосторожности, несколько дней спустя я обнаружил, что у одного из моих пациентов наблюдалось сильное ознобное состояние, сопровождавшееся испариной; и горьким было мое разочарование, когда я увидел, что дело, которое шло великолепно, почти даже к полному успеху, внезапно за несколько часов обернулось к худшему. Я сразу же приказал своему человеку отвести его в сарай, и, как я хорошо помню, морозной ноябрьской ночью; но у меня не было выбора. Я бы скорее выбросил его на обочину дороги, чем позволил бы ему посеять семена неизбежной смерти среди остальных моих пациентов.

Теперь у бедняги было много друзей в его мрачном жилище, потому что мои коллеги отправили туда столько же людей, сколько и я.

Не прошло и трех дней, как у яркого, красивого светловолосого юноши лет двадцати с быстрым, пронзительным взглядом и мужественным выражением лица также появились страшные симптомы. Я ничего ему не сказал, но попросил сержанта Госпиталя позвать двух своих людей и перенести его на носилках в мертвецкую. Таковым я могу назвать только то место, из которого никто из вошедших в него не вышел живым, за исключением единственного случая, который я процитировал. Забуду ли я когда-нибудь тот момент, когда *пришла* лазаретки, и этот бедный юноша, с тоской глядя мне в лицо, прочел в моем молчании свою гибель? Он знал, что это значит. Он видел, как уходили его товарищи, и узнал об их судьбе, которая так скоро должна была постичь и его самого. Несколько дней спустя я потерял четвертого — хорошего, набожного парня, который постоянно перебирал четки. Его звали Иоганн Крум, подробности дела которого уже приводились. Он был человеком, который никогда не улыбался, и когда я узнал, что он оставил дома жену и троих детей, мне стало его очень жаль.

Я с благодарностью могу сказать, что это был последний из моих пациентов, скончавшийся от пиемии. Все остальные, кого я потерял, умерли от шока, кровоизлияния или тяжести полученных ран.

Дни шли своим чередом, пока мы не достигли второй недели ноября. Стычки с неприятелем, то есть с французами, наступавшими на Орлеан, стали теперь обычным явлением, и количество раненых, которые прибывали с разбегу, означало для баварцев очень значительные потери.

Примерно в это же время доктор Пратт отправился в Версаль в поисках припасов и денег, оставив доктора Тилмана командовать. Генеральный инспектор Нуссбаум нанес несколько визитов в нашу больницу и выразил глубокое удовлетворение тем, как это было проведено. Правда заключалась в том, что никто не мог научить наших американских ветеранов чему-либо новому в управлении Полевым госпиталем. Все они отбывали свой срок в течение четырех лет американской войны в рамках системы военно-медицинской организации, которую, как признают все авторитетные источники, они довели до совершенства. В этом и заключался секрет несомненно успешной карьеры нашей Скорой помощи. И я не должен упускать из виду, что именно они ввели переднюю подвесную шину при переломах и ранах суставов, которую мы внедрились во многих немецких больницах.

Хочу на мгновение, перед тем как немцы эвакуируют Орлеан, обратиться к теме, над которой их присутствие и поведение часто заставляют меня задуматься. Это было прекрасное зрелище, когда баварцы прослушали мессу в большом соборе, чтобы отметить их полностью экипированными в тяжелом походном порядке, когда они стояли в тесном военном строю во всех доступных местах церкви, с обнаженными саблями, в сверкающих шлемах и развевающимися плюмажами. Офицеры тоже стояли с обнаженными шпагами во время Мессы; и на Возвышении они своим глубоким звучным голосом отдали приказ предъявить оружие. В целом зрелище, хотя и не рассчитанное на то, чтобы внушать благоговение, было весьма впечатляющим.

Баварцы, как правило, добрые католики, и многих из них можно было увидеть на ежедневной мессе, когда они внимательно читали свои молитвы и подходили к причастию. В больницах они

также проявляли такой же набожный нрав. Их капелланы были ревностными людьми, всегда работали вместе с ними, разделяя их усталость и следя за тем, чтобы они выполняли свои религиозные обязанности. Один из лазаретчиков в соседней палате, простой солдат, был посвящен в Священный Сан, хотя еще не стал священником; и более святого молодого человека я никогда не встречал. Он был беззаботен и весел, для каждого находил приятное слово и неукоснительно выполнял обязанности, возложенные на него как на солдата и как на служителя религии. В этом вопросе, как и в других менее важных вещах, баварцы поразили меня своей непохожестью на французов. Когда вы видели французского солдата в церкви (что случалось крайне редко), казалось, что он никогда не произносил молитву. И я чувствую себя обязанным поделиться своим опытом: пока я был среди них, я никогда не замечал французского солдата с молитвенником; и я никогда не слышал, чтобы кто-нибудь молился, умирая. Другим, возможно, повезло больше; но таков был факт в моем случае, и я считаю это прискорбным. Но средний гражданин Франции, похоже, вообще ничего не думает о религии.

Совсем иначе обстояло дело с баварцами. И я также видел большое количество пруссаков и северных немцев, которые принадлежали к евангелическим или другим церквям, читающих свои молитвенники и Библии в Больницах и усердно молящихся как нечто само собой разумеющееся. У них явно были религиозные убеждения; они служили Богу с усердием и отвагой в соответствии со своими способностями. Но во Франции упадок религии был полным. Поэтому неудивительно, что она пала. Таково, действительно, было суждение Европы несколько месяцев спустя, когда Коммуна, вспыхнувшая подобно вулкану, лишила людей вольтеровской легкомысленности, которая в течение слишком многих лет легкомыслия была в моде. На мгновение все были единодушны в провозглашении необходимости возвращения к верованиям и обычаям своих христианских предков, — может быть, было уже слишком поздно?

ГЛАВА XVII.

ОБЪЯВЛЕНО О ПАДЕНИИ МЕЦА.—БАВАРЦЫ ЭВАКУИРУЮТ ОРЛЕАН.—НАШЕ ТРУДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ.—НАС ОТПРАВЛЯЮТ НА ПОЛЕ БОЯ.—СРАЖЕНИЕ И ПОБЕДА ФРАНЦУЗОВ.

28 октября. жители Орлеана с тревогой и изумлением прочитали официальное сообщение, напечатанное и вывешенное в виде плаката на их стенах, о сдаче Базена со своей армией и капитуляции Меца. Большинство придерживалось мнения, что маршал был не кем иным, как предателем. Тем не менее, многие, с кем я встречался, презирали такое мнение; в то время как другие заходили так далеко, что заявляли, что все это было немецкой ложью.

Но вернемся к теме нашей Больницы. Раненые, как я уже говорил, прибывали по двое и по трое, принося с собой сообщения о многочисленных перестрелках, которые, по их словам, неизменно заканчивались победой немцев. 6 и 7 ноября в Орлеан прибыли большие караваны раненых; и теперь, благодаря полученной от них информации, мы узнали, что великая армия Луары, которую так перевозносили французы и которая, как мы до этого момента думали, существовала только в воображении горожан, была не мифом, а реальностью; в то время как

эти колонны раненых были результатом чего-то гораздо более серьезного, чем стычки между аванпостами.

При всем этом в городе было очень мало волнений, и к вечеру 8-го числа не произошло ничего, что могло бы нарушить обычный распорядок нашей больничной работы. Около восьми часов нашего Начальника вызвали в штаб баварской комендатуры. Здесь ему конфиденциально сообщили, что войска собираются эвакуироваться из Орлеана этой же ночью; что, скорее всего, завтра состоится генеральное сражение за пределами города; и что, поскольку им придется отозвать свой полевой госпиталь и своих хирургов, они возложили на нашу Санитарную машину задачу ухаживать за всеми ранеными в их отсутствие и, таким образом, формально передали их в наше ведение.

Когда мы услышали об этом самом неожиданном переезде, мы, как и можно предположить, были немало взволнованы. Мы с трудом могли поверить, что с вечно победоносными армиями Отечества случилось такое, что привело к отступлению, вынудившему их сдать эту важную позицию; и описать наше душевное состояние в ту ночь было бы трудно. Я приехал в больницу около семи часов, чтобы навестить нескольких пациентов, и все казалось тихим и умиротворенным. Теперь я не мог отделаться от мысли, что это было бы неоспоримым доказательством замечательной организации и дисциплины армии численностью в 15 000 человек, если бы за пару часов она смогла глубокой ночью эвакуировать такой большой город, как Орлеан, увозя оружие, боеприпасы и тяжелый эшелон с пушками, без ведома кого бы то ни было, кроме немногих горожан. У некоторых, должно быть, возникли подозрения из-за приготовлений, которые уже велись в Парках. Но до назначенного момента, когда зазвучал горн и весь гарнизон вышел, чтобы присоединиться к своим полкам, гораздо большая часть жителей ничего не подозревала. Одиннадцать часов вечера было назначено для начала эвакуации.

В половине одиннадцатого я занял позицию у дверей дома 64 по набережной Шатле; и когда часы пробили одиннадцать, я увидел, как часовые на мостах покидают свои посты и гуськом направляются к площади Мартро. Вскоре мимо маршировали батальон за батальоном, направляясь из кварталов на боковых улочках, примыкавших к Набережной. К нашему великому огорчению, мы обнаружили, что нашим лазаретчикам тоже было приказано уйти, не оставив ни единой живой души во главе Больницы, кроме двух дежурных хирургов и их ассистентов. Они должны были, как могли, удовлетворять нужды бедных покинутых пациентов. Правда заключалась в том, что немцы не могли пощадить ни одного человека и были вынуждены забрать их вместе с Армией.

За несколько дней до этого мост рядом с нами был заминирован и заложен порох; мы ожидали, что он будет взорван ночью. Поскольку этот мост находился не более чем в ста ярдах от окна моей спальни, я удалился отдохнуть с такими приятными предвкушениями, какие только можно было предположить. Но, несмотря на волнение, я был совершенно разбит усталостью, проведя на работе весь этот день и дежурив предыдущей ночью; так что в моем сонном настроении меня, казалось, мало заботило, совершу ли я воздушный полет над мостом. На следующее утро в шесть я отправился в госпиталь, чтобы позаботиться о своих раненых. По пути через город я был удивлен, встретив несколько пикетов, маршировавших по улицам; но больше ни одного солдата, за исключением нескольких часовых, на месте не было; последних оставили, как я узнал впоследствии, просто для соблюдения приличий. Все, что они не хотели увозить с собой, немцы погрузили в багажный поезд, который ночью тронулся с платформы нашего Госпиталя.

Теперь среди горожан царило большое возбуждение, и они толпами расхаживали по улицам. Все это время с северо-западной стороны, в направлении Орма, продолжалась сильная канонада; и шум и раскаты сражения известили нас о том, что невдалеке идет жаркое сражение. Толпы людей хлынули на мост и не сводили глаз с места сражения, на что указывал не только грохот пушек, но и столбы дыма, которые мы могли видеть за много миль отсюда, поднимающиеся в неподвижном воздухе. Все эти зрители яростно болтали и жестикулировали; ничто не могло превзойти их волнения. Они бегали вокруг, пожимая друг другу руки в лихорадочном возбуждении, поскольку час их освобождения быстро приближался. Я снова увидел венки из *бессмертников*, возложенные на статую Героической Девушки, которая стоит с обнаженным мечом у реки.

Закончив работу в Госпитале, мы получили приказ готовиться к экспедиции на поле боя. Однако было решено, что при любых обстоятельствах мы должны вернуться в больницу той же ночью и снова приступить к своим медицинским обязанностям.

Только сейчас мы осознали всю неловкость нашего положения. Мы были вынуждены стоять на своем, независимо от того, кто мог одержать победу (хотя никто из нас не ожидал поражения немцев), но возможность победы французов и новой оккупации последними Орлеана вселяла в нас беспокойство. Мы находились под руководством иностранцев, отождествляли себя с их делом, получали от них приказы. Предполагалось, что наши симпатии были прусскими, в то время как наш госпиталь и мы сами содержались за счет реквизиций в городе. Отсюда возник вопрос, какое обращение мы должны получить от наших новых хозяев, когда последние немцы покинут Орлеан? Неужели они в пылу и суматохе победы упустили бы из виду тот факт, что мы были нейтральными, занятыми просто смягчением ужасов войны? Это не казалось невозможным, поскольку это касалось населения. Но опять же, признают ли французские военные наши претензии на роль международной скорой помощи? или возьмут нас в плен и отправят за границу? ибо они не могли задержать нас в соответствии с Женевской конвенцией. Таковы были наши предположения, когда мы выехали из города около 9 часов утра на наших фургонах Скорой помощи с развевающимися флагами. Доктора Паркер и Уоррен остались за главного в больнице. Мы поехали по дороге в Кульмье, где стрельба была самой интенсивной и откуда казалось, что она быстро распространяется на север.

Когда мы проезжали мимо, толпа на мосту дружески приветствовала нас, и я не могу припомнить приветствия, которое доставило бы нам больше удовольствия. Город все еще находился во владении немцев, хотя их единственными представителями были младший офицер и горстка часовых, которые в любой момент могли быть легко подавлены толпой. Когда наши повозки въехали в ворота предместья Сен- Жан, ведущие на открытую местность, мы были удивлены, обнаружив одинокого немца на страже, который отдал нам честь, когда мы проезжали мимо. Вероятно, он уже тогда был убежден в приближающейся судьбе, но слишком хорошо знал свой долг, чтобы покинуть свой пост. Там, как впоследствии рассказал нам доктор Уоррен, он оставался до тех пор, пока не пришли французы и навсегда не освободили его от охраны.

Через полчаса после нашего выхода мы поравнялись с баварским батальоном, состоящим из полка численностью 2000 человек, около 300 кавалеристов и батареи орудий. Многие офицеры были нашими старыми друзьями и приняли нас очень любезно. Им не хватало хирургов, и они уговорили нас остаться с ними, заявив, что каждую минуту они ожидают, что их призовут к

действию и они получают приказ наступать. Наша позиция в это время находилась в тылу сражающейся баварской армии и в пределах видимости поля боя.

Таким образом, мы оказались на большой дороге, на небольшом возвышении, с которого открывался вид на местность между Бакконом и Кульмье. Оттуда мы увидели, что бушевало ожесточенное сражение, в котором более 60 000 французов сражались примерно с 15 000 баварцев. Результат столь неравного поединка стал очевиден очень рано в тот же день. Вскоре после полудня южные немцы отступили со своих позиций в лесу и деревне перед нами, и французы появились в полном составе на территории, которую их противники заняли часом ранее.

Стрельба теперь была яростной и непрекращающейся: шум и грохот сражения были просто ужасающими, и французские бомбы не долетали до нас всего на несколько сотен ярдов. Наш отряд, остановившийся в засаде и еще не замеченный врагом, каждую минуту ожидал приказа наступать. Для нас самих ожидание было самым мучительным, и все же нам пришлось оставаться там неподвижными целых час. Все это время люди были в своихрядах, готовые к действию. В этом огромном сборище не было произнесено ни слова: все казались угрюмыми и не в духе; но эта угрюмость была для них обычным явлением. Некоторые, одолеваемые усталостью и голодом — ведь они не пробовали ничего, кроме хлеба, который несли с собой со вчерашнего вечера, — крепко спали прямо так, как были, откинувшись на свои рюкзаки. Пока эти спали, остальные наблюдали, как их товарищей убивают на равнине внизу, очевидно, без малейшего беспокойства или волнения. Так они безмятежно наблюдали за ходом битвы, ожидая своей очереди вступить в бой и пополнить число убитых или умирающих.

Около трех часов артиллерийский огонь ослаб, и мы присоединились к общему отступлению, которое происходило по всей линии. Грохот ружей раздавался со всех сторон от нас и продолжался без перерыва. Баварцы, хотя и упорно сражались, теперь быстро теряли позиции; а французы не только наступали так же быстро, как они уступали, но и угрожали окружить их со всех сторон. Они также стремились обойти их с правого фланга, так что к половине четвертого немецкие солдаты оказались вынуждены отступить, хотя и продолжали сражаться, чтобы противник не достиг этой цели. Таким образом, имея за спиной Луару, у нас оставалась лишь узкая полоска местности между нами и Орлеаном, по которой мы могли благополучно скрыться. Французы, которые теснились во всех направлениях, сражались отчаянно; и, в частности, один полк пехотинцев и мобиль-гвардии предпринял самую блестящую атаку против обученных баварских ветеранов, которые силой занимали высоты Ренардые. Из этого места они выбили тевтонцев, которым затем пришлось присоединиться к нашим войскам в общем отступлении.

К четырем часам этого осеннего дня совсем стемнело. Стрельба постепенно прекратилась, и французы остались при всем, что они захватили. Теперь на баварской стороне был отдан общий приказ отступать; ему с готовностью подчинились. Мы некоторое время следовали за разбитой армией; но когда мы узнали, что их целью был Этамп и что немецкие войска полностью покинули Орлеан, мы расстались с ними; ибо при любых обстоятельствах и с любым риском мы были обязаны вернуться в наш Госпиталь. С первых же звуков отступления, которое производилось довольно организованно, но все же поспешно, мы каждую минуту ожидали услышать, как на нас надвигается французская кавалерия. Ходили слухи, что они присутствовали в большом количестве. Это приятное ожидание заставило нас ускорить наши шаги, но ни мы, ни (как выяснилось впоследствии) кто-либо из немецких войск не испытывали

ни малейших неудобств при нашем быстром отступлении. Чем объяснялась столь значительная пауза в преследовании, учитывая, что под командованием генерала д'Орейля де Паладайна было множество всадников? Французы сказали нам, что это было результатом вмешательства со стороны М. Леона Гамбетты, который запретил Паладаину развивать свою победу. М. Гамбетта подозревал, что бегство баварцев было уловкой, чтобы заманить французов в ловушку. Ему снилось, что где-то по соседству у них есть вспомогательные силы, которые могут окружить Луарскую армию и нанести ей непоправимый урон. Какова бы ни была причина, несомненно то, что баварцы были спасены от уничтожения. Той ночью они отступили в полной безопасности, а на следующий день к ним присоединился великий герцог Мекленбургский. Они позволили французам одержать победу, которая оказалась для них первой и последней в этом кровопролитном противостоянии.

ГЛАВА XVIII. ПОСЛЕ БИТВЫ.—ОРЛЕАН СНАРУЖИ И ИЗНУТРИ.—ТОЛПА И СКОРАЯ ПОМОЩЬ.—БАВАРСКИЙ ГИГАНТ.

Теперь нашим долгом было вернуться на поле боя и оказать всю возможную помощь раненым, поэтому мы немедленно отправились в обратный путь; и, хотя наш дневной опыт из-за обстоятельств, которые мы не могли контролировать, был не очень плодотворным, он был сопряжен с большим напряжением и тревогой. Ночь была темной, но нам не составило труда разглядеть дорогу, многочисленные лагерные костры впереди служили нам маяками. Мы двинулись к месту дневного конфликта, Тилман и Шеруэлл ехали впереди, чтобы убедиться, что маршрут свободен.

С левой стороны одна часть дороги заросла кустарником; и как только мы подошли к его углу, мы заметили фигуру, стоявшую среди кустов. Когда мы приблизились, мужчина выступил вперед, и в свете фар нашего фургона показалась форма французского солдата. Он бросил вызов и заставил нас остановиться. Теперь сложность нашего положения была очевидна. Мы были близки к тому, чтобы войти в тыл французов, поскольку весь день служили немцам в качестве военно-медицинской службы и прибыли из их штаба в Орлеане.

Патруль, дежуривший на заставе, быстро прибыл на место происшествия, и нас задержали на некоторое время, пока не привели офицера. Расспросив нас обо всех этих подробностях и выслушав наши ответы, он сообщил нам, что будет необходимо проводить нас в штаб и предстать перед генералом, прежде чем он сможет разрешить нам продолжить наш путь. В то же время он проявил к нам предельную вежливость. Теперь мы были окружены сильным эскортом, и нам ничего не оставалось, как последовать за ним. Вскоре мы увидели французский лагерь, и когда мы проходили мимо рядов весело пылающих костров, вокруг которых веселыми группами расположились победители дня, их веселье и разгул резко контрастировали с глубоким мраком, который навис как над нами, так и над нашими немецкими коллегами с утра.

Эта огромная армия насчитывала 100 000 человек, которые сейчас лежали на открытой равнине под брезентом. Мы прошли через несколько Линейных полков, состоящих из туркосов, зуавов и гвардейских мобилей, все в отличной форме и настолько веселые и приятные, насколько это было возможно. Они вовсе не казались тем недисциплинированным сбродом, которым представлялись нам немцы. Теперь представилась редкая возможность сравнить относительную мощь этих противостоящих армий; но по этому поводу никаких расспросов не проводилось. Напротив, мы получили приказ не обмениваться ни словом по этому вопросу.

Пение, еда и питье, казалось, повсюду были делом ночи. Вскоре мы остановились перед палаткой месье де Паладайна, и нашего начальника, доктора Тилмана, провели к нему наедине. Доктор подробно рассказал ему, в каком положении мы находились и как мы покинули наши квартиры в Орлеане, чтобы прийти и помочь раненым на поле боя. Нашей обязанностью было подбирать всех, кто ускользнул от внимания военных хирургов, и доставлять их в соседние дома. Но, сказал доктор Тилман, на следующий день мы должны были вернуться в Орлеан и возобновить заботу о наших раненых. Решить этот вопрос было трудно; поскольку французы не развили свою победу, они все еще находились под впечатлением, что Орлеан находится в руках немцев, и мы не могли разубедить их. Вопрос заключался в том, будет ли безопасно позволить нам вернуться, когда мы пройдем через лагерь французов и сделаем наблюдения над их положением? На этот вопрос доктор Тилман быстро получил удовлетворительный ответ. Генерал де Паладайн вежливо заметил, что, имея дело с нами, он должен иметь дело с английскими и американскими джентльменами, которые уже дали множество доказательств своей чести и верности своему слову. Короче говоря, когда доктор Тилман показал все свои бумаги и свидетельства о прошлых услугах, оказанных французам, старый генерал рассыпался в благодарностях, очевидно, пребывая в отличном настроении по поводу успеха своего дня.

Когда интервью подошло к концу, сотрудники 5-й бригады скорой помощи приняли нас очень радушно и пригласили пообщаться с ними. Но после некоторого размышления доктор Тилман, поблагодарив их за доброту и сочтя наше положение затруднительным, решил немедленно вернуться по своим следам в Орлеан, откуда он мог бы на следующий день отправить повозки, чтобы доставить в город как можно больше раненых. У него были веские причины для такого поступка, и, не дожидаясь ни кусочка хлеба, ни стакана вина, мы покинули лагерь и направились домой.

На большом пространстве, недалеко от апартаментов генерала, лежали тела нескольких баварцев — возможно, дюжины, у некоторых из которых лица были обращены вверх, когда они лежали, и выглядели они очень ужасно. За пределами лагеря земля была усеяна, в некоторых местах довольно густо, баварскими солдатами, павшими в тот день, который оказался столь пагубным для их оружия. Это зрелище, хотя и перестало быть странным, все равно было для нас печальным, потому что мы начали смотреть на тех, кто носил светло-голубую форму, с дружеским чувством товарищества, и нам казалось (так быстро бежит время в военной кампании), что мы уже давно связаны с ними. Я не буду здесь описывать поле боя, поскольку мое представление о нем при свете наших ламп и луны (ибо прекрасная луна взошла как раз вовремя, чтобы указать нам дорогу домой) было, по необходимости, довольно ограниченным. Но, в любом случае, я сомневаюсь в возможности изобразить детали поля боя такими, какими они представляются на самом деле. Кто может отдать должное душераздирающим сценам военных действий, ведущихся с применением современного оружия, главное достоинство

которого, по-видимому, заключается в степени увечий, которые оно может нанести телам тех, против кого оно направлено?

Прежде чем рассказать о нашем въезде в Орлеан, я приведу отчет Уоррена и Паркера о том, что произошло в городе после нашего отъезда.

По мере приближения дня и распространения слухов о победе французов возбуждению горожан не было предела. Они отчаянно метались во всех направлениях, но не осмеливались помешать нескольким солдатам, стоявшим на страже у ворот Мэрии и у Больницы.

Однако во второй половине дня, когда всем стало известно, что немцы отступают, но не к городу, а в направлении Этампа, население взбунтовалось, и по тому, как они угрожали несчастным охранникам, было ясно, что их жизни подвергались большой опасности.

Действительно, в нашей больнице, где у дверей стояли десять человек на страже нескольких фургонов скорой помощи, толпа встретила суровое сопротивление. Немецкие солдаты стояли вместе, с обнаженными мечами, и, бросая вызов толпе, были полны решимости не сдвинуться ни на дюйм, а скорее умереть, чем отказаться от возложенной на них обязанности.

Этих храбрых парней, которые так решительно стояли на своем посту, несомненно, постигла бы насильственная смерть от рук орлеанцев, если бы мэр не выслал *парламентеров*, сопровождаемых отрядом городской жандармерии, и не потребовал от них от имени правительства национальной обороны сложить оружие. Они сделали это добровольно, так как понимали опасность своего положения, и поэтому их увели в качестве пленников в мэрию. За ними следовала огромная толпа, вывшая и вопившая самым позорным образом на протяжении всего путешествия.

Как раз в то время, когда были сняты часовые, "синие блузы" ворвались в наш госпиталь и захватили все винтовки, которые смогли достать. Палаты и другие отделения железнодорожной станции теперь представляли собой сцену невыразимого замешательства. Доктора Дж. Уоррен и Паркер, как истинные британцы, несмотря на все это, оставались на своих постах; они отказались позволить кому-либо из толпы войти в наши склады или частные Бюро и, несмотря на неоднократные угрозы, не подчинились вторжению. Но их поведение было настолько спокойным и уравновешенным, что они не подвергались грубому обращению. Их положение в тот бурный день, безусловно, было далеко от завидного. До полудня несколько офицеров, которые были ранены и вследствие этого остались позади, пришли к нашим солдатам, умоляя их сохранить для них свои мечи или же позволить им спрятать их в наших кладовых. В этой просьбе мы были вынуждены отказать, но им удалось спрятать свое оружие среди каких-то постельных принадлежностей, которые лежали в сараях для фургонов на конечной станции.

В это время произошел очень забавный инцидент. Там был молодой баварский офицер, самый высокий мужчина, которого я когда-либо видел, за исключением одного (который был, конечно, ирландцем), который был легко ранен в руку. По этой причине его оставили дежурить в городе, и, не видя никакого способа сбежать, он днем проскользнул в наш госпиталь; но, обнаружив, что толпа становится буйной и может в любой момент обнаружить его, он снял шлем, кирасу и мундир — он принадлежал к домашней кавалерии, — которые доктор Дж. Уоррен и Паркер согласились забить в угол. Но напрасно они искали ложе достаточно долго, чтобы укрыть распростертое тело своего великана; и только хитростью им удалось наконец спрятать его. Молодой человек хорошо говорил по-английски и, очевидно, был джентльменом по рождению.

Я не могу вспомнить его имя. Едва он устроился в своем укрытии, как, как рассказал нам доктор Уоррен, несколько человек из толпы в бешенстве ворвались в больницу; после чего доктор неторопливо присел на кровать, под которой лежал наш герой, наполовину задушенный. Когда суматоха несколько утихла и наступила темнота, нашему храброму кирасиру, покрытому синяками и ссадинами от ударов о твердые доски, наконец разрешили выползти наружу.

Теперь он был одет в крестьянский костюм, вернее, в два костюма, потому что все это требовалось, чтобы прикрыть его, и даже тогда, как гласит ирландская пословица, он выглядел "как журавль в ящике". Несмотря на все это, в своем переодевании он до мозга костей походил на солдата, да еще и немца в придачу. За крупную взятку он раздобыл повозку, запряженную ослом, уселся в нее, скрестив ноги, на несколько вязанок с дровами, с бичом возницы в руке и таким образом отправился в свое опасное путешествие. Благополучно добравшись до города, он пустился наутек и, мало-помалу зафрахтовав у крестьянина старое никчемное животное, добрался до немецкого штаба в Этампе. Интересно будет отметить, что впоследствии, при взятии Орлеана, этот офицер был одним из первых, кто приветствовал нас при въезде в город; и его удовлетворение от того, что ему вернули шлем, кирасу и амуницию, было безграничным.

ГЛАВА XIX.

ВОЗВРАЩАЕТСЯ НАША СКОРАЯ ПОМОЩЬ.—ВЪЕЗД ФРАНЦУЗОВ.—ИХ РАСТРЕПАННЫЙ ВИД И БЕСПОРЯДОК.—НАС ВЫСЫЛАЮТ С ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЙ СТАНЦИИ.

Теперь, когда я в общих чертах описал некоторые переживания докторов Паркера и Уоррена, которым я обязан предшествующими подробностями, я должен вернуться к нашему кортежу скорой помощи, который я покинул при лунном свете и глубокой ночью возвращался в Орлеан.

Примерно через час после нашей беседы с генералом мы оказались на открытой местности, откуда могли видеть в небе отблески многочисленных костров во французском лагере, который мы только что покинули. Начало ночи было ясным и погожим, но вскоре нам пришлось столкнуться со штормом с ветром, градом и дождем. В течение некоторого времени мы испытывали большие трудности с выбором пути, так как дороги были узкими и извилистыми, а также неровными. Заходя в несколько крестьянских домов, мимо которых мы проходили, чтобы узнать дорогу, мы находили их обитателей в безумном страхе и либо не желающими, либо неспособными помочь нам. Впоследствии мы узнали от владельца замка Ренардье, что они приняли нас за пруссаков, а наших французских *лазаретчиков* за шпионов. Миновав эти разбросанные жилища, мы, наконец, вышли на широкую *имперскую* дорогу, по которой нам нужно было только следовать, чтобы достичь цели нашего путешествия. Часто возникали наши предположения относительно того, кто именно оккупировал Орлеан - французы или немцы, или кто-то другой из них. После того, что произошло в тот день, и особенно после того, как Луарская армия, казалось, не предпринимала никаких попыток продвинуться вперед, никто из нас не мог сказать, как обстоят дела в городе. Мы с тревогой приблизились, но заметили, что никаких пикетов выставлено не было, и нас не окликнули ни аванпосты, ни часовые. Это навело нас на мысль, что это место больше не было оккупировано немцами, потому что в противном случае мы

никогда бы не зашли так далеко, не будучи остановленными их многочисленными часовыми. Мы знали, что они выставили бы аванпосты вдоль дорог на многие мили за пределами города, тогда как опыт подсказывал нам, что нынешнее положение вещей ни в малейшей степени не было несовместимым с французской оккупацией и французской военной тактикой.

Мы беспрепятственно прошли дальше, пока не добрались до тех же ворот, через которые вышли тем утром. Затем, наконец, когда мы вошли, последовал вызов, и мы были поставлены в тупик. Теперь мы все пытались разглядеть часового в темноте; мы медленно продвигались вперед, и наши фонари высветили худощавого, хорошо сложенного мужчину в серой твидовой униформе и коричневых кожаных гетрах, в тирольской шляпе с широкими полями, увенчанной пером, сдвинутым на затылок. Было ясно, что это не немец. Перекинув винтовку через плечо, он самым беспечным образом задавал нам свои вопросы. Кто мы такие, откуда пришли и куда направляемся? Удовлетворившись этими соображениями, он неторопливо дунул в свисток и быстро привлек к себе около полудюжины мужчин, одетых подобным образом, в амуницию и вооружение. Одним из них оказался англичанин, который свободно беседовал с нами и был предельно вежлив, сообщив нашему шефу пароль. Он сообщил нам, что это отряд франков-тиреров, пришедших из-за Луары и занявших город за несколько часов до наступления темноты. Их насчитывалось всего сотня, и, за исключением роты Gardes Mobiles, в городе не было постоянных посетителей. По пути к нашим квартирам нас несколько раз останавливали патрулировавшие улицы пикетчики, но, назвав пароль, нам разрешили идти вперед, и так мы добрались до своих квартир, совершенно измотанные, в три часа ночи.

Доктора Шеруэлла и мистера Адамса немедленно отправили в больницу на смену Паркеру и Уоррену, которые вернулись на набережную Шатле и рассказали о захватывающих происшествиях, произошедших во время нашего отсутствия, некоторые из которых я попытался изложить выше. Нам дали лишь короткий перерыв на сон. В ранний час нам пришлось быть на ногах и ходить по госпиталю, перевязывая и ухаживая за ранеными, которые значительно пострадали в наше отсутствие, не столько из-за отсутствия хирургической помощи, сколько из-за недостатка еды и питья. Потому что все военные медсестры были уволены, и тяжелая задача по обеспечению их едой и уходу за ними легла на Паркера и Уоррена, обязанность, которую, несмотря на все трудности, они делали все возможное, чтобы выполнить. Большая заслуга принадлежит этим джентльменам за их храброе и благородное поведение в тот памятный день. Своим хладнокровием и решимостью они сделали все возможное для своих беспомощных пациентов и защитили их от насилия, которое легко могло перейти все границы, со стороны орлеанского сброда.

Около десяти часов утра 10-го числа Маккеллар, Уоллес и наш исполняющий обязанности начальника доктор Тилман отправились со своими фургонами на поле боя около Кульмье и Баккона и, подобрав около тридцати трех тяжело раненых, доставили их в город. Мы были очень огорчены, услышав от них, что, проходя через поле боя, одним из первых тел, бросившихся им в глаза, было тело молодого баварского хирурга, который работал с нами на железнодорожной станции, когда мы только приехали. Бедняга лежал на спине, запрокинув лицо, без сапог и брюк, которые, без сомнения, были присвоены каким-нибудь французом-грабителем, нуждавшимся и в том, и в другом. Именно подобные инциденты заставляют человека осознать ужас и бессмысленность войны.

В то же утро, когда дела потребовали от меня проехать через город, я был поражен, увидев пестрое сборище французских солдат, стекавших сюда со всех сторон. Меня удивила не их численность — я уже видел Великую армию Седана, — а разнообразие униформы и причудливая невоенная экипировка людей, составлявших этот отряд мсье Гамбетты. Многие в первом проходившем мимо полку, казалось, были наполовину в немецких, наполовину во французских костюмах. Один парень надел пару баварских брюк и сапог, у другого был полный французский костюм, кроме шлема, у другого - немецкое оружие и пояс, или французская форма и баварское перо. Однако наибольшим спросом, по-видимому, пользовались брюки и ботинки противника. Почти треть новобранцев были неопытными новобранцами, и их было немногим больше, чем мальчиков. Чтобы довершить нелепость происходящего, на древке в качестве штандарта этого полка был поднят большой *американский* флаг со словами "Свобода, равенство, братство", выбитыми на вымпелах, которые свисали с каждого угла.

Невозможно было удержаться от улыбки, наблюдая, как эта разношерстная коллекция тряпья марширует мимо. Мы спросили одного парня, куда они направляются; он серьезно ответил: "В Париж, чтобы сокрушить (*écraser*) немцев". За ними последовал полк бедно одетых мальчиков, выглядевших замерзшими и усталыми, а также тоскующими по дому. У некоторых из последних были деревянные башмаки, в которых они неуклюже ступали по тротуарам, сутулясь, что ни в коем случае не походило на солдатскую походку. Затем последовал, в качестве искупительной черты, один из Линейных полков, в котором каждый солдат вел себя великолепно. После этого мы заметили роты франков-тиреров и отряды Мобильной гвардии, которые маршировали в беспорядочной манере гражданских лиц во время публичной процессии. Один юноша, возможно, слабоумный парень или доброволец, присоединившийся ко мне *по пути*, от души рассмешил меня. Он был одет в полный баварский костюм, с плюмажем и всем прочим, и маршировал с самым бесстрастным выражением лица, совершенно не осознавая, какую нелепую фигуру он представляет, в униформе, которая была ему слишком велика, и в шлеме с плюмажем, которые, без сомнения, достались их первоначальному широколицему владельцу, но уж точно никогда не предназначались для украшения головы худощавого француза с резкими чертами лица. Как получилось, что офицеры разрешили этим парням, к великому стыду своему, устраивать такое зрелище, я не понимал, пока один интеллигентный горожанин не посвятил меня в тайну солдатского гардероба, заверив, что сапоги и одежда мужчин были сделаны на продажу, а не для использования, и все они насквозь прогнили.

Волнение и энтузиазм горожан были, как мне вряд ли нужно говорить, неопишутельными. Они носились, трясая друг друга за руки и клянясь сотворить ужасные вещи с пруссаками, когда их войска однажды войдут в Германию.

Вскоре после полудня, во время вступления французских дивизий, в наших квартирах на набережной Шатле царил не меньше веселья, чем суеты, когда наш Турко Жан в белом фартуке и шапочке, с винтовкой в руке, опрометью помчался по городу навстречу полку своих земляков-турок, который, как кто-то ему сказал, был среди прибывших. Как на крыльях, он добрался до площади Мартрой и, убедившись, что это действительно так, бросился в объятия своих товарищей. Они тоже были в лихорадочном возбуждении. Они столпились вокруг статуи Жанны д'Арк и, размахивая тюрбанами на концах своих штыков, кричали так громко, как только позволяли их глотки: "Да здравствует Император! A bas la République!" Если бы они были туземцами, их могли бы расстрелять за подстрекательство к мятежу. В этом маленьком эпизоде Жан изобразил самую нелепую фигуру, войдя в демонстрацию сердцем и душой; ибо, как и

каждый турок, он нежно любил своего императорского господина. Даже теперь, когда все было кончено, турок по-прежнему оставался его преданным другом и презирал возможность скрывать свою преданность человеку, за которого он сражался с такой доблестью и отчаянием. Возможно, возникнет вопрос, не было ли привлечение этих алжирских варваров к цивилизованным военным действиям таким же большим преступлением, как использование англичанами и французами краснокожих индейцев в Северной Америке в течение прошлого столетия. Их появление у статуи Девы, несомненно, было в высшей степени живописным.

Я, конечно, не в состоянии описать разнообразные сцены возбуждения, которые встречали солдат со всех сторон. Как долго такая армия сможет удерживать Орлеан, спрашивал я себя, расхаживая по улицам, сбитый с толку бурлящей толпой. Как мне показалось, недолго. Когда позже в тот же день все кафе были переполнены солдатами, казалось, что они свободно пировали, чтобы наверстать упущенное. Все казались легкомысленными, веселыми и не замечающими опасности. По-видимому, их ни на йоту не волновало, что стало с немцами. Поистине, эти французы - удивительный народ!

Во время моей короткой прогулки от набережной Шатле я увидел не менее десяти тысяч человек и снова был поражен контрастом между солдатами двух наций. В низкорослом и неразвитом облике этих молодых французских новобранцев любой наблюдательный зритель, хотя и не врач, мог бы увидеть отпрысков родителей, которые чрезмерно тратили свою жизненную энергию на разгул и роскошь. Физическое вырождение началось среди жителей не только крупных городов, таких как Марсель, Лион и Париж, или Рубе и Сент-Этьен, но и в сельских районах страны, начиная со дней Революции. Войны Наполеона поглотили мужчин Франции во время его двадцати кампаний. Но это было еще не все. Я говорил об упадке религии; это был очевидный факт; и вместе с религией упало и влияние морали. Юридические ограничения на распоряжение имуществом придали силу системе, в соответствии с которой лица, состоящие в браке, ограничивают свои семьи в соответствии со своими средствами и социальным положением. Это несомненная причина отчуждения между обычным мирянином и католическим духовенством, которое так долго преобладало; ибо духовенство выступило против этой системы, как и должно было сделать. С такими родителями, и особенно когда их отцы подавали им пример, неудивительно, что подрастающие мальчики в раннем возрасте отказались от религии и, таким образом, утратили моральную сдержанность, которая позволила бы им стать доблестными мужчинами, здоровыми умом и телом и равными любому немцу. Их запавшие глаза и осунувшиеся лица, вся их осанка, действительно, говорили совсем о другом. В те несчастные дни мы наблюдали за крушением населения, которое, испытывая стыд и поражение, расплачивалось за законы, которые нельзя было безнаказанно нарушать.

Вот и все для рядовых. Что касается странного недостатка храбрости, не меньшего, чем компетентности, среди их офицеров, то можно с уверенностью утверждать, что одним из основных факторов, в дополнение к уже упомянутым, было полное пренебрежение ранним обучением и отсутствие того физического воспитания, которое способствует развитию мужественности. Эта система, которая характеризует жизнь государственных школ в Англии и Германии и результатом которой по большей части является прямолинейный характер и неустрашимый нрав, тогда еще не была введена во Франции. Сейчас это не является чем-то неизвестным и, возможно, изменит характер грядущих поколений. Существует множество знаков, доказывающих, что такое изменение крайне необходимо.

Ближе к вечеру такое же замешательство и ужас были вызваны получением нами приказа от французского коменданта эвакуировать железнодорожную станцию в течение двух дней. Нам сказали, что к этому времени мы должны увезти всех наших раненых. Доктор Тилман возразил, что мы не сможем завершить эвакуацию зданий менее чем за четыре дня, и нам было предоставлено необходимое время, но сообщил, что, поскольку движение транспорта возобновится немедленно, нашей задачей было немедленно очистить кабинеты начальника станции и суперинтенданта, что мы и сделали незамедлительно.

На следующее утро, 11-го, на платформу прибыл длинный поезд, полный людей. Они были первыми пассажирами, которых мы увидели с момента нашего прибытия на место. Внезапно произошедшая перемена была замечательной. Там, где до этого мы были хозяевами и где глубокая тишина долгое время нарушалась только болтовней медицинского персонала или стонами и криками раненых, теперь мы толкались на переполненной платформе и едва слышали собственные голоса, настолько велики были шум пассажиров, пытающихся занять места в уходящем поезде или получить свой багаж в том, который только что прибыл. Я очень наслаждался новизной этой штуки, хотя визг железнодорожных свистков и шипение паровозов не были приятными звуками, которые постоянно звучали в ушах.

Пока мы оставались, я видел, как множество французских солдат подходили к кроватям наших раненых немцев и пожимали им руки. Эти дружелюбные враги пытались передать смысл своих слов знаками и жестикуляцией; они раздавали табак, заправляли постели и совершали множество других мелких добрых поступков, которые были восприняты немцами с не меньшей доброжелательностью. Это было красивое зрелище. По одному вопросу французы и баварцы, казалось, придерживались единого мнения, которое последние выразили в своей причудливой фразе "Бисмарк капут". "Капут", этот сильный вооруженный человек, несомненно, проявил себя с лучшей стороны.

Именно стоя на платформе в ожидании прибытия поезда, когда я закончил свою работу в больнице, я увидел нового диктатора, месье Леона Гамбетту. Я сразу узнал его по описанию, которое мне дали. Он разговаривал тихим, серьезным тоном с пожилым джентльменом, членом Временного правительства, и когда я окинул взглядом его отнюдь не элегантную фигуру и поймал несколько взглядов его темных пронизательных глаз из-под пары выступающих кустистых бровей, я пришел к выводу, что внешность у него вовсе не располагающая. О его военной пронизательности в день Кульмье, которая спасла баварскую армию от полного разгрома, я упомянул в своем месте. Больше я его никогда не видел.

Наш шеф теперь был занят поисками здания, государственного или частного, в котором мы могли бы разместить нашу Больницу. После долгих трудностей большой и просторный особняк, принадлежавший джентльмену по имени Д'Аллейн, был предоставлен им в наше распоряжение, и туда мы решили перевезти наших раненых как можно скорее. Дом находился недалеко от площади Гран-Марше, за набережной Шатле; это была старая рыночная площадь, одна из самых древних частей города. У него было одно большое преимущество: он находился всего в нескольких минутах ходьбы от нашего жилья. Власти также предоставили в наше распоряжение Казерн Сент-Чарльз, большое здание на другом берегу реки. Мы сразу же отправили большую часть наших инвалидов в эту камеру.

Первым человеком, которого отослали с железнодорожной станции, чтобы освободить место для движения транспорта, был Мартин Дилгер, выживший арендатор товарного склада, о чьей успешной борьбе за жизнь я уже упоминал. Его почти чудесное выздоровление сделало его более известным моим коллегам, чем все остальные; и хотя в то время под моим началом было более двадцати человек, обычно его называли "человеком Райана". Я особенно заботился о его питании, доставая ему мясо, вино и фрукты, как мог, и даже такую большую редкость, как курица, достать которую было нелегко, особенно если поблизости оказывались турки, потому что в воровстве домашней птицы эти африканцы хуже лисиц. Дилджер был довольно сильным и веселым, когда я перевез его в дом Д'Аллейна. Он всячески выказывал свой восторг и благодарность, часто намекая на свое состояние, когда находился в сарае на железнодорожной станции; и у него была несколько немецкая привычка смешить меня икотой, чтобы напомнить мне о том болезненном симптоме, от которого он страдал. С тех пор он писал мне несколько раз, и в свое время я приведу образцы его писем. У бедняги остались дома жена и дети, что было немалым дополнением к другим его бедам.

Поскольку в город доставляли большое количество раненых и было трудно найти для них жилье, мы поспешили подготовить казарму Святого Чарльза и приняли в нее большую партию раненых. В основном это были немцы, присланные к нам в связи с нашей предыдущей связью с их армиями. Когда мы привели все здесь в рабочее состояние, представьте себе наше изумление и гнев, когда мы услышали, что доктору Тилману было приказано немедленно покинуть казармы! Планировалось освободить место для Иностранного легиона. Альтернативы не было; возражения были бы пустой тратой времени; и мы приложили руку к этому новому самому провокационному шагу. Пока производилась операция, поскольку раненых нужно было доставить в наш госпиталь в Д'Аллейне, доктор Паркер и я были заняты их транспортировкой через весь город, используя для этой цели все доступные средства передвижения. Таким образом, французские власти вынудили нас, насколько это было возможно, вытаскивать из постелей людей в страшных муках, некоторые даже на пороге смерти, и все тяжело раненные.

Я не мог без боли вспоминать подробности сцен, сопровождавших их транспортировку. Как я уже говорил, все их ранения были тяжелейшего характера; некоторые были смертельными, большинство представляли собой ампутации, а у остальных были сложные переломы или тяжелые рваные осколочные ранения. Раскачивать постель многих из этих пациентов, или даже осторожно передвигать их, означало причинять им острые страдания. Можно представить себе муки этих храбрых парней, когда их вытаскивали на матрасах и сажали по двое или по трое в телегу или фургон, который, каким бы аккуратным ни было управление, должен был тащить их по утомительным улицам к месту назначения.

Я зашел последовательно в несколько фургонов, где находились самые тяжелые пациенты, и сделал все, что было в моих силах, чтобы облегчить их ужасные боли; но, несмотря на все, что я мог сделать, они жалобно стонали, когда колеса натывались на любую неровность мостовой. Я думал, что пуля в сердце предпочтительнее той агонии, которую они пережили. Даже смотреть на это было слишком тяжело.

Примерно 18 ноября мы полностью эвакуировали Станцию. Последняя партия состояла из тех, кто лежал в комнатах отдыха, и, поскольку железнодорожные чиновники не требовали этих помещений, они не обязывали нас вывозить наших раненых в такой стремительной спешке.

Каждый день доставляли новые партии раненых, и не только каждый свободный уголок в нашем госпитале был занят, но и многие соседние дома. Однако государственными властями было категорически запрещено, чтобы в каком-либо доме находились военные, независимо от того, ранены они или нет, если не было сделано заявления об их присутствии и не был получен отпуск.

Теперь наша работа была очень тяжелой, и мы отдавали максимум сил. Помимо такого зла, как перенаселенность, нам приходилось бороться с бесчисленными трудностями, возникавшими из-за того, что нам приказывали перемещаться из одного места в другое без предупреждения и не было достаточно времени, чтобы подготовиться к отъезду. Затем, переехав в наши новые помещения, мы должны были восстановить наш кулинарный отдел и комиссариатский отдел, от которых все зависело, а также реорганизовать систему управления больницей и привести все в рабочее состояние. Пока это не было сделано (что заняло бы около недели), вся наша дневная работа была не чем иным, как суетой с утра до ночи. Наш шеф был полностью отвлечен от постоянного получения приказов выполнить определенные действия, а затем (как в случае с казармой Сент-Чарльз), как раз когда он выполнил их и успокоился, получил новые приказы, отменяющие первый. Все это было насквозь французским — по крайней мере, вполне соответствовало нашему опыту знакомства с их системой.

В первые несколько дней после возвращения французов веселье и ликование горожан были чрезмерными. Судя по виду улиц, суете и плотной толпе, можно было подумать, что празднуется какой-то великий праздник. Было удивительно слышать, как эти люди говорят и хвастаются своей славной победой при Кульмье — первой одержанной ими и, как оказалось, также последней. Но сердце любого любителя Франции опечалилось бы, если бы он стал свидетелем этого легкомыслия, этих унижительных безумств ее тщеславно-славных и беззаботных граждан, которые, казалось, никогда ни о чем серьезно не задумывались, каким бы серьезным ни был вопрос.

Вскоре, однако, суета на улицах улеглась, и военных стало сравнительно немного; многие ушли на фронт. Но было очевидное намерение закрепиться под Орлеаном, если основная часть армии будет вынуждена снова отступить. Я видел, как сотни мужчин усердно работали, возводя баррикады и земляные валы в предместьях; в то время как траншеи и стрелковые ямы были прорыты во всех направлениях через виноградники, раскинувшиеся на окраинах города. Комендант отдал приказ оставить высокие виноградные колья на месте, чтобы они могли помешать продвижению врага, если тот вновь застроит это место. Если мне будет позволено предвидеть, именно эти колья были самым серьезным препятствием для их собственного отступления перед немцами в течение следующего месяца. Везде, где они в изобилии встречаются в виноградарских районах, они делают местность непроницаемой как для кавалерии, так и для артиллерии и образуют великолепную засаду для действующей пехоты. Но их недостатки с другой точки зрения, похоже, были упущены из виду.

Для меня было источником глубокого сожаления, что во время этой кампании я не был лучше осведомлен в военных вопросах; ибо, если бы я был знаком хотя бы с зачатками военной тактики, многочисленные и важные военные операции, которые велись непосредственно под

моим наблюдением, были бы понятны мне без помощи эксперта, и тот пробел, который сейчас должен быть оставлен в этом небольшом отчете, мог бы быть заполнен многими наиболее интересными деталями.

Те немногие выздоравливающие, которые выполняли функции наших *лазаретчиков* и санитаров, и с которыми мы работали в Госпитале с вечера 8—го, - в это время, как читатель, вероятно, не забыл, все наши обычные медсестры и *лазаретники* были отозваны для прохождения действительной службы, — теперь были отправлены в По в качестве военнопленных. Мы сочли это неразумным и нетерпимым; но это было сделано, несмотря на наши протесты о том, что подобные сделки были ничем иным, как нарушением Женевской конвенции. Что мы получили взамен? Просто небольшая рота французских *лазаретчиков*, которых нам было очень трудно привести в форму и которые, как мы обнаружили, отнюдь не были так готовы подчиняться дисциплине, как их немецкие предшественники. Одним из вновь прибывших был маленький человечек по имени Джек, по происхождению уроженец Фландрии, но который всю свою жизнь служил на борту британского торгового судна, и ему отстрелили кончик пальца. Он вступил в Иностранный легион, как он сказал нам, не из-за какой-либо симпатии к войне или к Франции, а для того, чтобы быть со старым товарищем, который вступил в этот корпус. Он был совсем маленьким карликом и не годился для работы в госпитале; но его начальство, не считая его, осмелюсь предположить, большим украшением своего полка, передало его нам в качестве *лазаретчика*. Помимо своего родного языка, он свободно говорил по-английски, по-французски и по-немецки и утверждал, что может общаться на испанском и итальянском. Это могло бы пригодиться нам в чрезвычайной ситуации, но следующий анекдот покажет, каким сокровищем был наш фламандец.

Однажды ночью доктор Маккеллар и я дежурили с Джеком, когда у пациента с обширной контузией (со сложным переломом ноги) началось кровотечение; и Маккеллар пришел к выводу, что единственным возможным способом была немедленная ампутация. Поэтому мы приступили к удалению конечности. Доктор Маккеллар оперировал, я ассистировал и давал хлороформ, в то время как Джек должен был передать губки, карболизированную воду и другие необходимые материалы. В разгар операции наш добрый карлик, занервничав при виде зрелища, к которому он был так непривычен, потерял самообладание и, пытаясь отступить, упал головой на землю в обмороке. Боюсь, мы оба посмеялись над поверженным храбрецом, который, по его собственному мнению, был настоящим львом. Предоставленные самим себе, мы столкнулись с некоторыми трудностями при удовлетворительном завершении операции. Но это был последний случай, когда Джек работал ассистентом в операционной.

ГЛАВА XX. АМЕРИКАНСКИЕ ФРАНКИ-ТИРЕРЫ.—ПОНТОННЫЙ МОСТ ЧЕРЕЗ ЛУАРУ.—БЕСПЕЧНОСТЬ ФРАНЦУЗОВ.—ОДИНОЧНЫЕ СМЕРТИ РАНЕННЫХ.

Примерно в это же время небольшой полк американских добровольцев во французской форме проходил через Орлеан по пути на фронт. Их полковник зашел к нам и предложил место

помощника хирурга любому, кто, возможно, пожелает присоединиться. Будь я свободен, жажда приключений, несомненно, побудила бы меня принять его предложение, и он настойчиво уговаривал меня сделать это; но требуемого разрешения не было. Эти люди, как я узнал впоследствии, присоединились к генералу Бурбаки и, будучи перегнаны через швейцарскую границу, были задержаны как военнопленные.

Примерно 20 ноября вернулся доктор Пратт, приведя с собой двух джентльменов, мистера Олива и мистера Уомбуэлла, которые должны были возглавить комиссариат и складской отдел. Они были в Лондоне и привезли с собой большой запас припасов. Они, как Хейден и я, были схвачены французскими шпионами, однако не один раз, а дважды, и только французский паспорт, который доктор Пратт имел с момента своего отъезда из Парижа, спас их от расстрела на месте как прусских шпионов.

Гарнизон выполнял очень интересную работу в пределах видимости наших окон на Набережной. Это было строительство понтонного моста через Луару для более быстрой переправы войск. Немцы несколькими неделями ранее, когда мы прибыли в Орлеан, пытались построить подобный мост; но не успели они закончить его и наполовину, как однажды ночью разразилось наводнение и смыло все сооружение, к великому изумлению орлеанцев. Понтонный мост, который теперь построили французы, свидетельствовал не только о совершенстве, до которого была доведена военная инженерия, но и о том, что местные жители были знакомы с внезапными и сильными наводнениями, которые обычно неожиданно увеличивали течение этой великой реки, заставляя ее воды подниматься в течение нескольких часов, чтобы выйти из берегов и затопить прилегающую местность. Мост состоял не из понтонных лодок, а из больших барж, которые использовались на реке для перевозки товаров. Они были соединены друг с другом соснами, которые сами были соединены между собой перекладинами. Приблизительное представление о размерах моста вы получите, если я скажу, что для его возведения потребовалось тридцать три такие баржи, и что их разделяло около десяти футов.

Теперь со всех сторон велись активные приготовления к решительному выступлению. Все говорили, что не пройдет и нескольких дней, как враг снова нападет на них, но они рассчитывали, что сражение, хотя и наверняка будет кровавым и отчаянным, закончится решающей победой французской армии. Таковы были городские сплетни и сплетни офицеров в кафе, с которыми я общался.

Другим событием, представляющим еще больший интерес, чем строительство моста, стало появление однажды морозным утром отряда морской пехоты, везущего с собой четыре канонерские лодки, размещенные на длинных деревянных повозках, каждую из которых тянули восемь лошадей. Нелегко описать, насколько необычный вид представляла собой эта флотилия на суше, когда она медленно проходила по Рю Рояль, каждая канонерская лодка была полностью снаряжена и несла на борту блестящие медные пушки, которые блестели на солнце.

Поскольку у меня случайно оказалось полчаса свободного времени, я последовал за морскими пехотинцами, любопытствуя посмотреть, что станет с этой необычной военно-морской процессией.

Гибкие фургоны с поперечными балками, на которых покоились кили лодок, занимали почти всю ширину улицы. Когда они прибыли на набережную Шатле, я оказался одним из большой толпы, привлеченной туда тем же мотивом, и мы очень удивлялись, как можно запустить эти громоздкие штуковины. Было удивительно, с какой легкостью это было сделано сравнительно небольшим количеством рук; но вскоре, когда наш интерес к представлению уступил место восхищению, мы увидели, как последняя канонерская лодка перевернулась вверх дном, как только оказалась в воде, сбросив пушки, людей и все, что находилось на борту, в Луару. Опасность казалась не такой большой, как могла бы быть, и это нас очень позабавило. Последовала всеобщая борьба возбужденных французов, пытавшихся вытащить своих товарищей из потока; но вся их идея помочь борющимся людям заключалась в том, чтобы отчаянно жестиковать им и их соседям на берегу и колотить друг друга столь же нелепо, сколь и не по сезону. Однако некоторые из морских пехотинцев спустили на воду лодку и доставили своих товарищей на берег. Но только на следующий день им удалось привести канонерку в порядок, и они так и не выловили пушку и другие материалы, которые затонули вместе с ней.

Я часто наблюдал за этими миниатюрными военными кораблями, которые курсировали на огромной скорости, потому что их приводил в движение пар, их орудия сверкали, как золото, а на корме развевался трехцветный флаг.

На берегу реки напротив наших апартаментов на пешеходной дорожке было установлено несколько пушек с часовым на каждой. И, говоря о часовых, я вспоминаю, насколько велика была разница между французским и немецким методом оккупации города во время войны. Когда немцы были в Орлеане, они поставили часовых на каждом углу улицы, по несколько на обоих концах мостов, по одному на каждой общественной площади и по одному у дверей каждого сколько-нибудь выдающегося человека. Незнакомца окликали бы через каждые пару сотен ярдов, и он не мог бы нигде пройти незамеченным. С французами было иначе. Во время их пребывания мы редко натыкались на часового, а когда это случалось, он обращал не больше внимания на тех, кто проходил мимо, или на то, что происходило по соседству, чем если бы он был на смотре.

Опять же, во время французской оккупации мы скучали по шуму и грохоту многочасовых утренних учений, в которых ежедневно упражнялись наши немецкие войска, независимо от того, какими продолжительными были их предыдущие марши или каким суровым лишениям они подвергались. За те недели, которые французы провели в Орлеане, я ни разу не видел их солдат на учениях. Войдя в город, они просто бросили оружие в угол своей квартиры и оставили его там до тех пор, пока снова не двинулись в путь. У меня есть личная причина знать, что так оно и было; потому что в доме, где я ухаживал за раненым, я видел подобную коллекцию оружия, и оно оставалось нетронутым до тех пор, пока полк, к которому принадлежали их владельцы, не отбыл.

Но это соответствовало только тому, что я видел о дисциплине и внутреннем *режиме* в их армиях. Важным признаком их невежества относительно страны, в которой они сражались, было то, что сразу же после вступления в Орлеан они реквизировали с помощью публичных плакатов все карты окрестностей, которые могли оказаться в руках жителей, приказав немедленно передать их военному коменданту. Таким образом, их организация показала себя

во всех деталях либо несовершенной, либо неряшливой. И со всех сторон накапливались свидетельства чего-то радикально нездорового в армии, как и в народе.

Примерно 22 ноября генеральный инспектор французских машин скорой помощи позвонил нам, чтобы официально встретиться на железнодорожной станции с господами Кремье и Безуаном, двумя активными членами Временного правительства. Мы торжественно пожали руки всем троим и получили от них благодарность за помощь, которую мы оказали французским раненым. Они сообщили нашему начальнику, что Франция будет в состоянии со временем публично признать наши заслуги; и после обмена другими комплиментами сердечно попрощались с нами.

Посреди волнения и суеты, вызванных тем фактом, что Орлеан теперь был штабом Армии Луары, мы продолжали наш ежедневный труд у постелей раненых, мало заботясь о том, что происходило за пределами нашей сферы деятельности. Многие из наших раненых были разбросаны по городу; и их, удобно устроившихся в частных домах, мы навещали каждый день. Как уже говорилось, покинув конечную станцию, мы поселились у месье д'Аллена на старой рыночной площади. Здесь мы организовали наш госпиталь исключительно для немецких раненых, поскольку в обстоятельствах, при которых мы оказались в городе во время французской оккупации, и принимая во внимание характер нашей миссии там, мы считали заботу о раненых, которых немцы оставили нам, своей первостепенной обязанностью. По этой причине мы держали их вместе, насколько это было возможно, чтобы они не попали в другие, менее заботливые руки; и когда мы выполнили свой долг по отношению к ним, мы уделили столько времени, сколько могли, всем раненым французам, которые попали под нашу опеку.

В то время наше положение в Орлеане было чрезвычайно критическим. Все знали, что мы были на службе у немцев и что они смотрели на нас как на неотъемлемую часть своего медицинского армейского корпуса; и мы могли слышать много приглушенных ругательств, когда проходили по улицам. Однако, скорее всего, именно по этой причине никто не осмеливался приставать к нам. Они на горьком опыте убедились, насколько неизбежным был день возмездия пруссаков, и знали, с какой суровостью захватчики карали любое оскорбление их друзей.

Итак, полковник Рейли, капитан Фрейзер и полковник Хозье прибыли в Орлеан со штабом генерала д'Орейля де Паладайна в качестве *атташе* иностранного посольства. Они несколько раз приходили в столовую и проводили с нами вечера — приятные веселые люди, столь же храбрые, сколь и приятные. Ничто не могло быть более желанным для человека, уставшего после долгого дня работы среди раненых, чем приятный ужин в компании почти двух десятков добродушных парней, которые соперничали друг с другом в том, чтобы сделать вечер приятным для всех. Никогда не было пререканий, никогда не было сказано ни одного поспешного или сварливого слова; никогда ни одно недоброе замечание или неблагородный поступок не нарушали той дружеской гармонии, которая существовала среди санитарного корпуса, тогда работавшего сообща под знаменами Англии и Америки.

Я часто с чувством удовлетворения вспоминаю веселый кружок, в котором мы обычно собирались после окончания трапезы, сидя вокруг большого камина; и я до сих пор вижу ухмыляющееся лицо "Черномазого Чарли", когда он входил в комнату, неся в руке большой таз с дымящимся пуншем с примесью бренди и портвейна, приправленного специями и лимоном, который, как мы могли с чистой совестью утверждать, был тем, чем казался.

Наша работа была напряженной и непрестанной, но нет ничего слишком сложного, если подходить к ней с желанием. И все же мой совет любому, в ком есть хоть капля нежности и кто подумывает о начале кампании, заключался бы в том, что ему лучше оставаться дома.

Один из нашей компании был хорошим музыкантом и каждый вечер развлекал нас игрой на пианино, которое мы позаимствовали у местного торговца, как называли бы его шотландцы. Это было замечательным подспорьем после ужина, когда мы все собирались вместе. И вот вам и все наши часы досуга.

В повседневной профессиональной работе в настоящее время у меня нет ничего необычного для ведения хроники. Однако был один случай, подробности которого могут быть интересными. Пациента звали Карл Мельчерс, молодой артиллерист, который был ранен в ногу в конце октября и которому впоследствии ампутировали бедро на железнодорожной станции. Затем его перевели к мсье д'Аллейну, где, к моему огорчению, у него проявились симптомы приближающейся пиземии. Неохотно, но незамедлительно я решил, что его необходимо выписать из Больницы, и получил на этот счет категорический приказ моего начальника.

Теперь трудность заключалась в том, чтобы найти место, где я мог бы приютить беднягу Мелчерса. Я попытался заглянуть в соседние дома, но все, где не жили инвалиды, были заполнены рядовыми армии, расквартированной сейчас по городу. Нигде я не смог найти ни одного укромного уголка. Однако во дворе была пустая конюшня, и мне ничего не оставалось, как отвести туда Мелчерса. Чтобы придать этому месту менее унылый вид — оно и так было унылым, — я раздобыл немного соломы и постелил ее на тротуар. Затем его уложили на матрас, и я никогда не забуду лица бедняги, когда он впервые увидел это новое жилище, в котором, как он чувствовал, ему недолго осталось жить.

Когда он обнаружил, что лежит на соломе, один и разлучен со своими товарищами, возможно, навсегда, его осенило полное безысходность своей судьбы, и он громко зарыдал. И все же это был прекрасный храбрый молодой человек с пронзительными черными глазами, темными волосами и бакенбардами и очень высоким лбом. Мы были лучшими друзьями, и я сделал все, что было в моих силах, как бы мало это ни было, чтобы утешить его. Я убедил одну из наших сестер-кормилиц, уроженку Люксембурга, которая принадлежала к монастырю Нотр-Дам-де-Рекувранс, посидеть рядом с ним на соломе и немного поговорить. Однако и сеньоре Берте, и мне вскоре пришлось заняться своими делами и предоставить его самому себе. День за днем он горько жаловался на то, что находится там, где был, в сырости и холоде, но ничего не мог поделать; его присутствие рядом с другими ранеными должно было означать смерть многих, если не всех. Однажды он позвал сестру и меня к своей постели и сказал: "Мой конец теперь недалек; я умер бы счастливым, если бы провел всего полчаса со своими товарищами, за ружьем, перед тысячью французов".

На другой день этот бедняга, трогательно попрощавшись с нами, — ибо он знал, что мы ничем не могли помочь его несчастному положению, — умер таким образом и в таком месте, что мне бы не хотелось, чтобы его бедная старая мать, живущая за Рейном, увидела это. И все же, какими бы печальными ни были обстоятельства смерти этого бесстрашного солдата, еще более плачевной была судьба многих других, таких же храбрецов, как он, которые были обречены

влачить последние часы своего существования на каком-нибудь унылом и пустынном склоне холма, или в густом кустарнике, опоясывающем какой-нибудь безмолвный лес, или в заросшей осоке у какой-нибудь речушки. Подобные трагедии не были редкостью в ту суровую зиму, которая сейчас наступала, и я могу с уверенностью засвидетельствовать это.

Мы всегда ожидали услышать о боестолкновении по соседству с нами; но ничего не произошло до четверга, 24 ноября, когда мы узнали от военного командования, что боевые действия начались в направлении Невилля. Вечером этого дня некоторых из нас отправили на полевую службу, и они готовились к отъезду. Я был среди них.

Должен признаться, мне доставило немалое удовольствие то, что меня выбрали для отправки на фронт. В волнении поля боя есть очарование; и даже в его ужасах и неминуемых смертельных опасностях есть соблазн, которому нелегко сопротивляться. Жизнь, полная предвыборных кампаний, кажется, выявляет то, что моралисты, возможно, назвали бы болезненной тягой к неопределенности и приключениям. Но в случае с сотрудником Скорой помощи это не совсем человеческое качество может быть объединено в одно более полезное. Он находится на поле боя не для того, чтобы наносить раны, а для того, чтобы исцелять их и облегчать страдания, которые делают войну такой отвратительной в одном аспекте и такой героической в другом.

ГЛАВА XXI.

НА ФРОНТ.—ЛАГЕРЯ ТУРКО И ЗУАВОВ.—ПЕРЕСТРЕЛКА.— ЛОЖНЫЕ НОВОСТИ.—ФИКТИВНОЕ СРАЖЕНИЕ При НЕВИЛЕ.— ВОЗВРАЩЕНИЕ В ГОРОД.

Вечером 24-го наш начальник явился к главному коменданту и попросил "*маршрутный лист*" и "*Пропуск*", которые были добровольно предоставлены, вместе с инструкциями немедленно продвигаться до Невилля; без сомнения, наши услуги понадобятся там в ближайшие часы. Мы уже могли слышать грохот пушек вдалеке, что убедило нас в правильности этого предположения. Рано утром следующего дня мы отправились в путь на нашем омнибусе и веренице фургонов, выехав из города через предместье Банье. Каждый мужчина имел при себе все необходимое, включая бинты, хлороформ, морфий, корпию, жгуты и инструменты. Когда мы выбрались из города, нам позволили получить хорошее представление о действиях французов за последние несколько недель. Мы видели, как они осуществили свой план обогащения Орлеан, и засели лагерь вокруг него, с девяносто пять корабельных орудий, укомплектованных моряками из Шербура.

Через равные промежутки дорогу пересекали траншеи большой глубины и ширины, идущие параллельно друг другу и протянувшиеся на многие мили вокруг города. Их одинаково гнали по лесам, открытой местности и виноградникам. Вырубки, которые таким образом были сделаны на дороге, были заполнены связками сучьев и березовых верхушек, уложенных вместе и покрытых дерном, чтобы по ним могла проехать одна повозка.

Меня удивило, что ноги наших лошадей не прошли насквозь; но я заметил, что связки наверху были сделаны из тонких кленовых верхушек. Ощущение, испытываемое при пересечении этих

упругих поверхностей, было очень своеобразным. Омнибусы и повозки подпрыгивали и раскачивались из стороны в сторону, как будто они были на резиновой подошве, пока я не подумал, что мы опрокинемся; но мы были в полной безопасности, и материалы оказались превосходно подходящими для их назначения. Конечно, у них было то преимущество, что их можно было легко удалить в кратчайшие сроки. О покрытии дерна не стоило и говорить, и к этому времени оно превратилось в простую корку.

Траншей, однако, было отнюдь не так много, как неглубоких стрелковых ям и земляных валов, которые зигзагообразно пересекались друг с другом и, казалось, образовывали сеть во всех направлениях. Нам было ясно, что глубокие траншеи предназначались для того, чтобы остановить продвижение артиллерии и кавалерии, в то время как ямы и насыпи служили укрытием для наступающей пехоты. Все это указывало на решимость французов занять решительную позицию в Орлеане; но мы все согласились, что мы еще увидим, как немцы используют эти самые траншеи, чтобы нанести поражение армии, которая их построила. Так оно и оказалось.

По пути мы проезжали через лес близ Орлеана, где недавно разбила лагерь часть французской армии. Они прорубили между деревьями аллеи и снова пересекли их под прямым углом по другим. По обе стороны от них были возведены маленькие хижины, сделанные из веток, воткнутых вертикально в землю и переплетенных ветками поменьше, а сверху их покрывала грубая солома из раkitника и березовых верхушек. Это придавало всему зданию вид индейской деревни.

Некоторые из хижин были большими и удобными и, если и не были идеально прочными, представляли собой удобное укрытие от взрыва. Когда они были заселены, можно было легко представить, какой живописный вид они, должно быть, представляли, если смотреть ночью на пламя лагерных костров. Нам сказали, что здесь располагались какие-то войска из Алжира. Французы всегда держали этих диких парней как можно дальше от городов, где они могут стать управляемыми.

Несколькими милями дальше, посреди открытой местности, мы встретили лагерь зуавов. Вся земля превратилась в густую слякоть, потому что шел дождь; и эти невезучие люди, находившиеся здесь в течение последних четырех дней, получили приказ утром выдвигаться на фронт. Когда группа из них стояла у костра у дороги, я был поражен их измученным и потасканным видом. Наполовину изголодавшиеся и по щиколотку в грязи, они не очень-то верили в тот дух, с которым завтра пойдут в бой. Многие из них ходили с дровами и водой, в то время как другие готовили себе еду. Меня очень позабавила манера, с которой некоторые из них совершали свои утренние омовения. Двое парней, которых я заметил, стояли на коленях на доске и умывались грязной водой, скопившейся на колее для телег. Среди них были турки; один - смуглый, свирепого вида разбойник, который крался со старым амбарным петухом в руке и индейкой подмышкой, бормоча каждой из своих жертв какой-то жаргон, которого они, вероятно, не понимали, хотя трепыхались и кричали ему в ответ. Эти пернатые пленники, без сомнения, были результатом посещения фермы какой-нибудь старой дамы, потому что тюркосы никогда не проходят через страну, не украв всю домашнюю птицу и яйца, какие только попадутся им под руку. Такова "добыча", на которую они устанавливают ценность.

Далее мы прошли через несколько деревушек, которые были почти полностью заброшены, как, впрочем, и большинство фермерских домов. Вскоре один из часовых на заставе окликнул нас, и через полчаса мы оказались на месте назначения. Невиль - опрятная деревушка, расположенная на северо-востоке Орлеана, которая может похвастаться своей маленькой площадью и ратушей, или мэрией, и представляет собой тот чистый и опрятный вид, о котором я так часто говорил, описывая деревушки, с которыми сталкивался во время своих путешествий по Франции. Он расположен на окраине Орлеанского леса, и на одном его конце есть небольшая, но приличная церковь, а на другом - прекрасный кукурузный рынок. Центральная площадь теперь представляла собой самое оживленное зрелище, поскольку была покрыта палатками, из которых выбегали французские солдаты; и по их возбужденным манерам и — даже для них — необычной словоохотливости нетрудно было догадаться, что надвигается какое-то событие величайшей важности.

Мы доложили о себе коменданту, который просмотрел наши документы, был проинформирован о нашем деле и пункте назначения и выделил нам жилье. Этот джентльмен, который был в высшей степени вежлив и общителен, сообщил нам, что днем ранее произошло сражение, в котором пруссаки были отброшены, и что, хотя сражение было долгим и ожесточенным, потери французской стороны были незначительными, в то время как потери немцев, если и не тяжелыми, то все же не были незначительными. Мы также узнали, что в начале дня произошло несколько небольших стычек и что пушки, которые мы слышали, были дальше по французским линиям, справа от нас. Комендант сказал, что у его военных хирургов достаточно провизии для раненых в Невиле, но добавил, что ожидает боя завтра, когда наши услуги, вероятно, будут полезны.

Таковы, по-видимому, были факты. Тем не менее, несколько дней спустя французские газеты опубликовали восторженный отчет о сражении, которое произошло в тот же день и в котором было убито большое количество пруссаков, при потере всего одного мобильного гвардейского подразделения и полудюжины раненых с французской стороны. Хорошо, если бы газеты ограничились событиями 24-го числа, когда действительно были ожесточенные бои и, как я могу засвидетельствовать, канонада; ибо я видел, как разорвавшаяся бомба попала в дом мэра и, пробив крышу, ворвалась внутрь, пробив потолок гостиной и пробив перегородки, так что можно было заглянуть в соседнюю комнату. Но все, что выходило за рамки этого, было преувеличением или басней.

Я заметил, что многие дома в Невиле подверглись подобному обращению и что кое-где двери, окна и переплеты были разбиты осколками снарядов. Вскоре, пробираясь через лагерь к нашим квартирам, мы столкнулись с молодым капралом, который был англичанином по происхождению со стороны матери. Он был знаком с доктором Мэй в Париже, бегло говорил по-английски и проявил большую утонченность и интеллект. Он рассказал нам, что накануне несколько с лишним тысяч французов нанесли поражение в упорном сражении четырем тысячам пруссаков; но поскольку французы получили свежее подкрепление в то утро, теперь они были на более равном положении с врагом и могли собрать, по крайней мере, три тысячи человек. О передвижениях или позиции другой стороны, казалось, ни у кого не было точной информации, что нас несколько удивило, поскольку они говорили так уверенно.

Остановившись в маленькой таверне, расположенной в переулке, настолько чистой и уютной, насколько это было возможно во время войны, мы снова вышли посмотреть, как продвигаются дела. С одной стороны, к северу от деревни, наши друзья соорудили стрелковые ямы, насыпи и траншеи, такие же, как в Орлеане, но в меньших масштабах.

Мы направились к церкви и обнаружили там около нескольких десятков раненых, большинство из которых были немцами. Эти последние находились под присмотром их собственного очень необщительного молодого хирурга, который, хотя у меня нет ни малейшего желания неправильно судить о нем, казалось, не очень глубоко заботился о своих пациентах. Все они были тяжело ранены и лежали на флагах, под ними был лишь скудный запас соломы, у них не было ни одеял, ни чего-либо другого, чтобы прикрыться, кроме шинелей. Многие были при смерти, их конечности были искалечены осколками снарядов или пробиты пулями в какой-нибудь жизненно важной части. Двое из них заверили меня, что их раны не перевязывали с тех пор, как их привезли с поля боя, и что пули все еще не были извлечены; но это могло произойти из-за нехватки в Госпитале оборудования и материалов. Однако мы с удовлетворением наблюдали, как тех немногих из этой умирающей толпы, кто мог перенести переезд, перевезли на наше складское помещение в Орлеане; в то время как остальные были оставлены под присмотром своего немецкого врача, будем надеяться, что они умрут с миром.

Некоторые лежали в святилище церкви рядом с алтарем; другие опирались на ступеньки, чтобы поддержать свои раскалывающиеся головы; и мы снова заметили других, которые корчились на земле в предсмертной агонии.

Но война возложила на нас свое бремя, и мы рано легли отдыхать, чтобы на следующее утро быть свежими для нашей работы. Доктору Мэй было велено подняться в три и выяснить, когда можно ожидать, что мы встанем и двинемся в путь. Наступило утро; но стрельба еще не начиналась, и доктор Мэй разрешила нам полежать до семи. Когда мы спустились, деревня выглядела совсем не так, как вчера. На улицах не было видно ни одного гражданского лица. В центре площади молча выстроился полк. Каждый человек стоял на своем месте, положив руку на винтовку и готовый начать в любой момент. Наши силы на тот момент состояли из полка морской пехоты, пары линейных полков, нескольких сотен кавалеристов и трех батарей.

Мы заняли позицию на *Имперской дороге*, непосредственно за городом, откуда можно было наблюдать за расположением войск и отношениями, которые мы поддерживали к противнику. Перед Невиллем, примерно в нескольких тысячах ярдов от земляных укреплений, был лес, и в этом лесу пруссаки удерживали свои позиции. Французская пехота была выстроена внутри и спереди, а также слева от города; в то время как артиллерия заняла позицию на небольшом холме справа, с которого они могли обстреливать равнину перед собой, если пруссаки дадут им бой. В тылу артиллерии, вдали от города, была размещена кавалерия.

Теперь, когда я говорю о построении пехоты, следует понимать, что они не были выстроены в шеренги на открытой равнине, как могло бы предположить непосвященное, — отнюдь нет, — ибо, положительно, при взгляде на местность было трудно определить их присутствие. Французские войска были разбросаны по дворам ферм, за лесами, фруктовыми садами и изгородями, а также близко к самим домам.

Ранняя часть утра была дождливой, но теперь стало совсем погожо; и мой читатель может себе представить, с какой жгучей тревогой мы не сводили глаз с расстилавшейся перед нами равнины и неподвижным взглядом ждали момента, когда знакомый грохот на аванпостах возвестит о начале боевых действий.

Время шло, а раненых не поступало. Некоторые из нас ходили незамеченными, наблюдая за всем, что казалось нам интересным. Пруссиков не было видно, и мы двигались по дороге, когда увидели, что аванпосты вступили в бой в двух разных точках, как мы судили по дыму и звукам ружейной стрельбы.

Теперь мы отступили на свои позиции, чувствуя уверенность, что это начало жаркого рабочего дня. Однако вышло иначе; ибо после значительного смещения позиций со стороны пехоты и продвижения нескольких рот, с обеих сторон велось очень мало стрельбы, за исключением той, что велась между аванпостами; и они, в конце концов, устали стрелять в воздух в направлении друг друга. Я бы сказал, учитывая расстояние, на котором они находились друг от друга, что они могли бы продолжать стрелять до судного дня и не казнить своих врагов. Вскоре две роты выступили вперед и обменялись несколькими залпами с пруссиками, после чего последние вообще скрылись со сцены. Так закончилось сражение 25-го числа, не пролив ни капли крови и ни один человек не был ранен.

Теперь может показаться странным, что я стал вдаваться в подробности столь бескровного сражения; но причина, по которой я это сделал, заключается просто в том, что несколько дней спустя, просматривая один из французских журналов, я наткнулся на восторженное сообщение о трех блестящих победах, одержанных французами при Невиле 24, 25 и 26 ноября, со всеми подробностями.

Комментарии о сражении 24-го, как я уже сказал, были преувеличены; но, описывая два последующих дня, моя газета сообщила, что после решительного многочасового сопротивления пруссаки были полностью разбиты и оставили в руках французов восемьдесят пленных с большим количеством багажа и повозок. Я описал обстоятельства этой выдающейся победы 25-го числа, и читатель может сделать свой собственный вывод. Вот и вся французская журналистика, которая, на мой взгляд, не совсем безвинна во многих катастрофах, постигших французское оружие. Факты, о которых я рассказал, говорят сами за себя; однако они представляют собой пример мании, которая в этот период охватила французскую прессу и побудила ее упорно фальсифицировать новости с места войны. Они не только прилагали все усилия, чтобы завязать глаза своему собственному народу и скрыть от него правду, которая заключалась в том, что они были безнадежно разбиты, но и делали все возможное, чтобы убедить мир, что они побеждают и что их конечный успех был несомненным.

С этой неприкрытой ложью, которая затягивала переговоры и откладывала мирный договор до тех пор, пока страна не будет истощена, могла сравниться только история, которую я услышал много лет спустя. Один наш знакомый, который останавливался в Туре в 1880 году, рассказывал, что у его французского хозяина была привычка говорить, когда они заводили разговор о старых временах, *"Франчайзи, знай, что ты тщетно пытаешься вести войну, пусть твой генсек не ошибается во время разведки"*. Нет, говорю я, вряд ли они могли!

Мы вернулись в Орлеан вечером в субботу, 26-го, и на следующий день, в свободные полчаса, я написал домой довольно скучный отчет об этих славных победах Франции.

Удивительно (раньше я думал), как легко оживить обильной болтовней упавший дух французов! Не прошло и двух месяцев назад, как они смотрели на свои перспективы если не с отчаянием, то с самыми мрачными предчувствиями; но сегодня, окрыленные несколькими незначительными успехами, они с важным видом расхаживали по улицам, хвастаясь тем, что Франция сделала в прошлые поколения и что она сделает в будущем. Не было ничего необычного в том, что они говорили в кафе о реквизициях, которые они произведут, когда снимут осаду Парижа и пройдут маршем по Германии, о которой они знали немногим больше, чем о внутренних районах Китая. Также в тот период было бы небезопасно намекать, что к тому дню какие-либо немцы все еще оставались на территории Франции через шесть недель.

Было забавно, хотя, возможно, и раздражающе слышать, как они продолжают в таком тоне; ибо все мы, некомбатанты, ожидали, что через много дней мы снова увидим немецких часовых у ворот нашего Госпиталя. Что касается нас самих, то общественное мнение все еще клеймило нас как немцев, и у нас не было ничего, что могло бы защитить нас, кроме нашего призвания и флага, который повсюду развевался над нашей дверью на набережной Шатле. Поэтому мы были осторожны при передвижении после наступления темноты, чтобы не столкнуться с солдатами или с кем-нибудь из горожан, кто мог бы помешать нам.

ГЛАВА XXII.

БИТВА При ПАТЭ.—ОТСТУПЛЕНИЕ ФРАНЦУЗОВ.—РЫЦАРИ—ТАМПЛИЕРЫ.—СРАЖЕНИЕ ПРОДОЛЖАЛОСЬ.—НАПАДЕНИЕ НЕМЦЕВ На ОРЛЕАН.-СОЖЖЕНИЕ ПОНТОННОГО МОСТА.

Время шло в обычной рутинной больничной работе, пока 1 декабря весть об успешной вылазке Трошю и Дюкро из Парижа не привела весь город в лихорадочное возбуждение. В донесении говорилось, что армия Парижа уже приближается к Этампам.

На следующий день, 2 декабря, мы слышали интенсивную стрельбу по всей линии фронта, насколько мы могли судить, от Невиля и Шевилли справа до Патэ слева. За последние две недели установились сильные морозы, а за последние несколько дней выпал сильный снег. Земля была твердой, а воздух чистым, так что грохот орудий гремел у нас в ушах, как будто они были всего в нескольких фарлонгах, а не в восьми милях отсюда. Конечно, орлеанцы свято верили, что Трошю пробивается с боями через прусские позиции и завтра будет в Орлеане.

Мы, однако, догадывались, каково было реальное положение вещей. На прошлой неделе мы получили разрешение от французских властей переоборудовать старую церковь Сент-Эверт на улице Сент-Эньяна в качестве больницы, и мэр предоставил около 300 кроватей с постельными принадлежностями. Последние три дня мы были активно заняты переносом наших раненых из дома Д'Аллеина в наше новое жилище; и к вечеру 3-го числа все наши приготовления к приему

раненых были сделаны. За кулинарией присматривал энергичный француз Месье Бонжур, услуги которого на протяжении всего нашего пребывания в Орлеане мы никогда не забудем.

Ближе к вечеру того же дня стрельба стала ожесточенной и непрерывной; казалось, она раздавалась ближе, чем утром. У обеих сторон были тяжелые орудия, восемнадцатифунтовые и двадцатичетырехфунтовые, которые вовсю работали. Не бездействовали и митральезы. Канонада прекратилась только после наступления темноты. Как можно предположить, никто не знал, хотя все делали вид, что знают, к чему привела эта долгая помолвка. Я слышал, как некоторые говорили, что принц Фредерик Чарльз был взят в плен с 20 000 человек; в то время как другие распространяли столь же глупые сообщения. Но вскоре прибыли длинные колонны раненых, и вскоре у нас не осталось сомнений относительно того, что произошло. Французам, очевидно, приходилось хуже всех.

На следующий день, 4 декабря, за пределами города бушевала яростная канонада, производившая ужасающий шум, хотя до него было еще несколько миль. Это сообщило нам, что французы занимают решительную позицию. Ранним утром наша санитарная машина, за вычетом Тилмана, Маккеллара, Хейдена и меня, покинула Орлеан и отправилась на поле боя. Нас четверых оставили принимать раненых, а также присматривать за теми, кто уже был у нас на руках. Мне было приказано отправиться туда, но доктор Уоррен, которому не терпелось оказаться в гуще событий, попросил меня обменяться с ним любезностями, и я согласился на эту договоренность при условии получения необходимого разрешения нашего начальника. Мой друг никогда не был под пулями, и велико было его беспокойство по поводу того, что Луи Наполеон назвал в своей знаменитой депеше "боевым крещением". Поскольку мне предстояло проделать много полезной работы, я был вполне готов остаться. После моего недавнего опыта одно только любопытство, без чувства долга, никогда не побудило бы меня снова отправиться на поле боя; но я прошел свое крещение. Что касается успеха этой экспедиции, я могу добавить, что, когда они прибыли на место боевых действий, они обнаружили, что французы с боями отступают, и не было никакой возможности организовать временный полевой госпиталь. Поэтому им пришлось довольствоваться тем, что они привезли домой столько раненых, сколько могли вместить в свои повозки.

Описание, которое они дали о резне, было ужасающим. Прусская артиллерия прорвала французские линии насквозь у них на глазах; и доктор Уоррен признался мне, что, как ни мало времени они провели на поле боя, он видел зрелища настолько ужасные, что воспоминание о них будет преследовать его до конца жизни.

Задолго до возвращения наших товарищей нам стало известно, что французы, должно быть, отступают с боями, судя по растянувшимся колоннам с провизией и багажными повозками, которые текли по Королевской улице и пересекали Луару. Более десяти часов обоз с багажом, провиантом и боеприпасами французской армии продолжал двигаться по этому мосту в непрерывной последовательности. Это было зрелище, способное привести человека в изумление; с трудом верилось, что все это не было сном.

В середине дня, направляясь навестить нескольких моих раненых, размещенных на соседней улице, я встретил колонну прусских военнопленных, которую торопил отряд морских

пехотинцев. Должно быть, они какое-то время находились в руках французов, потому что выглядели исхудавшими и изношенными; и у меня закипела кровь при виде злобного восторга, который сиял на лицах горожан, когда они смотрели на проходящих мимо этих голодных и полузамерзших несчастных.

Но час спустя я стал свидетелем на улице Жанны д'Арк сцены, новизна которой, на мой взгляд, не имела аналогов. По улице ко мне медленным галопом, почти пешим шагом, двигался отряд африканской кавалерии с границ Сахары. Я не знаю, что когда-либо возбуждало во мне столько любопытства, как вид этих Спахи; и более странного и дикого на вид сборища людей и зверей было бы невозможно себе представить. Они остановились напротив Собора, так что у меня было достаточно времени, чтобы рассмотреть их. Горожане выказывали такое же изумление, как и я, и толпами устремлялись за ними, точно они были наездниками какого-нибудь большого цирка.

Это были высокие, красивые мужчины с бронзовыми лицами, но разного оттенка, одни светлые, другие почти черные, одни красивые, другие с квадратными лицами, а один чуть было не сказал - уродливые. Среди них были такие, у кого были хорошо выточенные черты лица, темные глаза и такой пронзительный взгляд, что создавалось впечатление, что они видят человека насквозь. Их верхняя одежда состояла из длинных ниспадающих накидок из белой фланели, которые волочились по земле, когда они спешивались, и были перекинuty через одно плечо, что-то вроде римской тоги. К этому предмету одежды, однако, прилагались капюшон и короткая накидка. На их головах я увидел что-то похожее на высокий моток побеленной веревки, запутавшийся в волосах, которые, насколько я мог судить, они носили длинными. Этот моток был обвязан вокруг их головного убора, как обычный тюрбан. Капюшон, о котором я уже говорил, был частично натянут поверх тюрбана или спирали, ровно настолько, чтобы охватывать верхушку, и в целом создавалось впечатление, что каждый человек нес на голове маленькую башенку. Добавьте к этим деталям худощавую, некрасивую, ширококостную, с квадратными бедрами, прямыми плечами арабскую лошадь с деревянной рамой, установленной на большой подставке для седла, и высокой частью, поднимающейся сзади так, чтобы доставать до половины спины всадника. Вся эта штукавина больше походила на миниатюрный стул, чем на седло. Подпруги, которыми она крепилась, проходили вокруг седла, лошади и всего остального. По бокам торчали деревянные башмаки с полосками кожи вместо стремян; сзади был крепкий круп, а на уздечках из недубленой кожи были надеты шоры. Я думаю, это был самый странный образец конного боя, который когда-либо демонстрировался на европейском поле боя.

Предполагается, что эти люди - одни из лучших гонщиков в мире. Когда они двинулись дальше, я заметил, что все они самым странным образом раскачивались в седлах и по-портновски оттопыривали пальцы ног. У каждого из них был мушкет длиной с руку, пара пистолетов и шпага, которая не была похожа на шпагу, настолько сильно она была изогнута. И все же это их любимое оружие. Я вполне мог представить себе врага, застигнутого врасплох, когда он приближается к этим таинственным врагам и видит их мрачные темные лица, выглядывающие через маленькую бойницу на вершине башни из белой фланели. Они, конечно, больше походили на монахов в капюшонах, чем на отряд кавалерии, и, возможно, были представлены сэром Вальтером Скоттом в *"Айвенго"* как мусульманские рыцари-тамплиеры.

Увидев это любопытное зрелище, я отправился в путь, чтобы позаботиться о капитане Мобильной гвардии, который был ранен в ногу, и молодом рядовом капрале, которому

прострелили левое легкое. Последний случай был очень тяжелым и вряд ли подлежал выздоровлению; пуля попала в грудную клетку, и воздух, которым бедняга дышал, поступал и выходил через перфорацию. Вскоре вошел мальчик лет шестнадцати, друг и компаньон умирающего капрала. У него оставалось всего несколько минут, и за это короткое время он узнал от меня, что рана его друга смертельна и что теперь он должен поспешно попрощаться с ним. Сцена расставания между ними была очень трогательной, потому что они были привязанными товарищами.

Среди тех, кого сегодня привезла наша скорая помощь, был один человек, находившийся под моим присмотром, и чей случай представлял интерес из-за его нежного возраста. Он был прекрасным парнем, ему было всего семнадцать, и он служил в Мобильной гвардии. Он был ранен в ногу; но главной причиной его стенаний была не рана; а то, что за весь день он не сделал ни единого выстрела и даже не получил возможности сбить с ног немца, хотя все это время снаряды и пули сыпались вокруг него, как дождь, и наносили массовый ущерб его роте. Отчет, который он дал о боях снаружи, был ужасен; казалось, он произвел глубокое впечатление на его воображение, но ни в малейшей степени не лишил его мужества. Он сказал мне, что не ел двадцать четыре часа. Как, часто спрашивал я себя, могли сражаться солдаты, которые обычно страдали от голода, холода и усталости, как эти бедняги?

Все это время земля буквально сотрясалась от конфликта, который шел за пределами города. Я думаю, что по артиллерийскому мастерству он уступал только Седану.

Каждую ночь сильно подмораживало, и на земле лежал глубокий снег.

Если бы люди дома (а есть такие, которые много говорят у своих уютных костров о том, чтобы идти на войну по любому ничтожному поводу) могли видеть фургоны с полузамерзшими ранеными, которых привезли к нам ночью 4-го, и тех, кто снова лежит за городом без посторонней помощи, с незажившими ранами, выставленный на пронизывающе холодный ночной воздух, как скоро они изменили бы свой праздный тон! как они ненавидели бы само название войны!

Я могу понять, что люди находят удовольствие в изучении искусства боя, как они находят удовольствие в игре в шахматы; и я допустил в своем собственном случае очарование, которое даже его ужасная реальность способна оказать на человека. Но для человека, который считает удовольствием и славой использовать военную науку как оружие, с помощью которого уничтожаются тысячи человеческих существ, ради иллюзии, называемой "престиж", или в политических играх, я бы хотел, чтобы он знал, что это грязная и чудовищная вещь, полная отвратительных страданий, жестокости и несправедливости, и ничто не может искупить ее, кроме мужества, с помощью которого переносятся такие страдания.

Однако позвольте мне продолжить мою тему. 3-го числа, как только наступила темнота, канонада прекратилась. Этой ночью нам удалось поспать всего несколько часов, ибо с первыми лучами солнца вчерашнее представление началось с удвоенной энергией. С колокольни нашей церкви в течение последних двух дней мы могли получить четкое представление о том, как шло сражение. Отсюда открывался прекрасный вид на окружающую местность. Но теперь, когда немцы оттеснили французов на окраины города, мы могли наблюдать за ходом сражения гораздо шире. Рано утром 4-го мы увидели, как вся кавалерия, численностью около 3000 человек, спустилась по Рю Рояль и прошла по мосту на набережной

Шатле, - одни размашистой рысью, другие галопом. Это было редкое зрелище, поскольку здесь были представлены бойцы всех полков Франции — кирасиры, уланы, африканские егеря и остальные. Это воинство вооруженных людей и лошадей, простиравшееся, насколько хватало глаз (а оно составляло, несомненно, полмили), стало *последним ударом, который* нелегко забыть; и грохот, который они производили по мостовой во время своего панического бегства, был достаточно громким, чтобы его слышали далеко за пределами города.

Ближе к вечеру я улучил несколько минут свободного времени, чтобы подняться на церковную башню и понаблюдать за битвой, которая все еще продолжалась. Грохот боя, который сейчас шел на виноградниках и укреплениях в конце предместья Банье, не поддается описанию. Все тяжелые орудия французской морской пехоты стреляли одновременно, в то время как на каждой стороне города пехота также вела ожесточенный бой. Совсем рядом с нами, в конце нашего родного предместья Сент-Винсент, как раз там, где находился монастырь, в котором работали мисс Пирсон и мисс Маклафлин, бои казались самыми ожесточенными. На каком-то участке земли, который не был так густо покрыт виноградниками, мертвые были разбросаны кучами, многие из них были жертвами своих собственных митральез, захваченных немцами, и теперь использовались с большей точностью и смертоносным эффектом, чем их первоначальные обладатели. Но все это время французы, хотя и отступали, продолжали вести непрерывный и хорошо направленный огонь по наступающим пруссакам, потери которых, как мы впоследствии обнаружили, были столь же велики, как и у побежденных.

Это они приписывали себе большому такту и умению, которые французские морские пехотинцы проявили в управлении своими тяжелыми орудиями. Если бы не они, действительно, как я слышал от французов, им было бы трудно, если не невозможно, прикрыть отступление своей армии.

В тот полдень 4-го числа ярко светило солнце, и оружие и амуниция противоборствующих сил ярко сверкали, когда они передвигались среди виноградников. Вдалеке мы могли видеть, как в нескольких местах полевая артиллерия галопом неслась в разных направлениях, внезапно разворачивалась и останавливалась, когда маленькие клубы дыма сообщали нам, зачем они это сделали. Но эти сообщения были утеряны в общей суматохе сражения. Еще одно или два повторения этих маленьких затяжек, затем разминка и рывок вперед, как и прежде, только для того, чтобы повторить те же маневры дальше; такова была тактика, которую, как из ложи в театре, мы неоднократно наблюдали, стоя на колокольне Сент-Луиса. Euverte.

И здесь я могу упомянуть случай, свидетелями которого были доктора. Мэй и Тилман. Неподалеку от больницы, среди двойных рядов деревьев на бульваре Сент-Винсент, разгорелось жаркое состязание, когда в разгар суматохи было замечено, как из дома рядом с церковью вышел молодой лейтенант Линеинного полка. Он прошел всего несколько шагов, когда вслед за ним выбежала молодая девушка и в последний раз обняла его, после чего он быстро скрылся из виду. Но, очевидно, он все еще не выходил у молодой девушки из головы, потому что она стояла как вкопанная, глядя вслед своему возлюбленному, не обращая внимания на свистевшие мимо пули и на бурю битвы, бушевавшую вокруг нее. В следующий момент Мэй и Тилман осознали ее ужасное положение. Мэй перепрыгнул через частокол, который был между ними, но подоспел как раз вовремя, чтобы принять ее истекающую кровью

и бесчувственную в свои объятия. Стреляная гильза попала ей между углом глаза и скуловой костью и оторвала мягкие части лица до уха вместе с частью волосистой части головы.

Рана, хотя и не такая уж опасная, поскольку кость головы была всего лишь задета, а не сломана, была, тем не менее, безобразной. Девушку сразу же отвезли в ее собственный дом, где Мэй и Тилман искусно вправили оторванные участки кожи головы аккуратной операцией, уделяя этому случаю все возможное внимание. Несомненно, моему читателю будет приятно, когда я сообщу ему, что эта девушка великолепно поправилась. Я имел честь наблюдать за ее выздоровлением в отсутствие доктора Мэй. Она не была сильно изуродована, потому что в результате быстрого лечения части тела чудесно срослись, оставив почти незаметный шрам, который, однако, был достаточно хорошо заметен, чтобы напоминать ей о том романтическом, но опасном моменте в Орлеане. Любовь, как говорится, слепа. В данном случае любовь тоже была слепа и глуха.

Я был поглощен работой в Больнице и мог улучшить лишь минутку, чтобы понаблюдать за волнующими сценами, которые происходили вокруг. Каждый новоприбывший приносил с собой, помимо собственной печальной истории, список душераздирающих подробностей с поля боя этого дня. Но все шло своим чередом. Вскоре после полудня основные силы французской армии отступили к городу. Немцы овладели двумя основными подступами к предместьям Банье и Сент-Винсент и уже снесли многочисленные здания на окраинах. Однако они не стали обстреливать сам город, как мы опасались, они собирались сделать; и когда наступила ночь, было временное перемирие. Обе стороны, по взаимному согласию, воздержались при том понимании, что мосты взрывать не следует.

Теперь вся французская армия начала свой стремительный марш через Луару по понтонному мосту и двум постоянным. Стояла ясная, тихая, лунная ночь, и не было слышно ничего, кроме топота ног, когда это могучее воинство спешило вперед. Я стоял на углу набережной Шатле и наблюдал за ними. Некоторые полки, которым случилось отстать, свернули на Рю Рояль, но они прошли через понтоны в обычном темпе.

Не было произнесено ни слова — необычное положение вещей среди французов, — и все, как им и полагалось, казались подавленными. У некоторых мужчин не было оружия; многие потеряли свои кепи; и у всех были видимые признаки того, что в последнее время им пришлось пережить тяжелые времена. В конце концов, устав смотреть, как они проплывают в этом непрерывном потоке, я отправился в свою квартиру в доме № 64 по набережной неподалеку.

Едва я вошел, как мое внимание привлек топот ног по тротуару за открытым окном. Выглянув наружу, я увидел то, что показалось мне остатками нескольких полков. Большинство из них были безоружны, и все они прихрамывали, очевидно, у них сильно болели ноги, в то время как многие были легко ранены, если судить по различным повязкам, которыми они обматывали свои головы, ноги и руки. Они больше походили на процессию инвалидов, вышедших на прогулку, чем на солдат, все еще способных сражаться. Бедняги были смертельно измотаны и не столько маршировали, сколько ковыляли, некоторые в нетвердом состоянии и отставали от остальных, очевидно, сделав все, что было в их силах.

Но каков же был мой гнев и возмущение, когда шедший сзади капитан, державший в руке не шпагу, а толстую трость, снова и снова избивал ею любого несчастного, который не поспевал за остальными! Один из этих бедолаг сделал мне знак попросить чего-нибудь выпить. Как можно

быстрее я схватил большую канистру с водой, стоявшую у окна, и медленно вылил ее на дорожку. Несколько человек, оказавшихся поблизости, подставили рты под маленькую струю, а затем начали что-то вроде драки за то, чего, по словам одного из них, он не пробовал уже четырнадцать часов. Но их доблестный предводитель, нанеся наугад полдюжины ударов своей палкой по этой жаждущей толпе, разогнал их, не отказывая себе при этом в крепких выражениях, и жестикулировал в мою сторону самым возбужденным образом. Однако настроение, в котором я находился, не говоря уже о моем безопасном положении, делало меня достойным этого случая. Я похвалил его за умелый стиль, в котором *месье Маршал* использовал свой *баттон*, и он ускользнул, бормоча проклятия в мой адрес и в адрес своих людей.

На этом волнение закончилось, и я направился к понтонному мосту, по которому продолжал переправляться поток солдат. Хотя я дежурил предыдущую ночь и весь тот день, я не мог не бодрствовать, чтобы понаблюдать за этим историческим и интересным зрелищем — отступлением 200 000 человек, составлявших всю армию Луары, через эту реку. Было уже почти одиннадцать часов, и они шли уже несколько часов. Но живой поток не прекращался всю ночь, пока не закончился последний отряд. Когда это было сделано, тишину морозной сцены нарушил стук молотков, топоров и пил; и воздух огласился треском саперов, которые деловито рубили швартовы и поперечные доски, в то время как другие поджигали мост примерно в дюжине мест. Как раз в тот же час по постоянному мосту справа от нас раздался громкий топот лошадей и повозок, вызванный несколькими артиллерийскими батареями, которые бешено неслись вперед сломя голову. Они были последними из армии беглецов. Битва при Патае была проиграна и выиграна.

Теперь Луара была сильно затоплена, и ледяные глыбы, уносимые течением, были очень большими, так что, когда различные секции моста были оторваны друг от друга — и позже, когда они снова разделились, а также в процессе освобождения, — скрежет, стоны, поскрипывание и удары одной о другую, а также о большие ледяные глыбы не походили ни на какие другие звуки, которые я когда-либо слышал. Более того, каждый плот из лодок и досок образовывал основание огненного столба, который ярко освещал заснеженные склоны, деревья и скованные льдом берега реки, отражая в воде над нами и под нами, словно в зеркале, арки и зубчатые стены двух прекраснейших мостов Франции, которые теперь выделялись во всей своей архитектурной красоте на фоне непроглядной ночной тьмы.

Когда каждая из этих горящих секций понтона отделялась от другой, она поворачивалась вокруг своей оси и некоторое время шаталась по реке, пока, наконец, не оказалась на середине течения и не понеслась вниз по течению, издавая громкий скрежещущий звук, когда ударялась о ледяные глыбы, — и наконец с ужасающим грохотом была отброшена к могучим гранитным опорам моста. Там он либо превратился в полное крушение, либо, распавшись на фрагменты, закружился туда-сюда, пока не скрылся из виду. Это было странное и великолепное зрелище, не сравнимое ни с чем, что я видел до или после, по сочетанию света и тьмы, проявленной огромной силе и гигантским руинам на воде.

Когда я бросал последний взгляд на все это перед отходом на покой, подошло несколько солдат, намеревавшихся перейти реку; но они обнаружили, что мост разрушен, и сами отрезаны от пути отступления.

Впоследствии я узнал, что это были несколько сотен человек, включая Иностранный легион, которые составляли арьергард армии и заблудились в темноте. Они пренебрегли ближайшим к ним железнодорожным мостом, который, как и мост по соседству с нами, также был захвачен пруссаками этой ночью и охранялся ими.

ГЛАВА XXIII.

УЛИЧНЫЕ БОИ.—ГОРОД ВЗЯТ ШТУРМОМ.—ЧУДОМ УДАЕТСЯ СПАСТИСЬ.—КРАСНЫЙ ПРИНЦ ВХОДИТ Со ВСЕЙ СВОЕЙ АРМИЕЙ.

Охваченный усталостью и возбуждением, я бросился на кровать прямо как был и не шевелился до рассвета, когда Уоррен разбудил меня новостью о том, что на улицах идут бои. Я протер глаза и подошел к окну, когда, к своему крайнему изумлению, увидел шестерых пруссаков, противостоявших примерно пятнадцати французам. Они застали последних врасплох за углом, и французы сначала посмотрели так, как будто собирались стрелять; но, увидев большой отряд пруссаков, наступающий под прикрытием деревьев, они опустили ружья и хладнокровно сложили оружие менее чем в двадцати шагах от моего окна. Шестеро немцев, тем временем, спокойно стояли вокруг них с примкнутыми штыками. Через минуту их уже выводили по переулку в качестве пленных.

Все это застало врасплох человека, который только что проснулся; но когда я услышал беспорядочную стрельбу в разных частях города, я решил, что у нас будет горячая работа на улицах. Наскоро приведя себя в порядок, я вышел вперед, стремясь не упустить из виду происходящее. Не успел я пройти и нескольких ярдов по Набережной, как заметил отряд пруссаков, расположившийся у моста в конце Королевской улицы. Увидев их выстроенными в боевой порядок и обнаружив, что я единственный человек на набережной Шатле, я остановился на минуту или две и посмотрел вниз, в другую сторону, на железнодорожный мост. Там я увидел большое количество французов, выстроившихся в ряд напротив церкви Сент-Эньян на другом конце Набережной. Решив, что это похоже на дело, я заметил доктору Уоррену, что мы находимся в неловком положении и нам лучше удалиться. Не успели эти слова слететь с моих губ, как мы только что вернулись в холл, как мимо нас просвистел град пуль в направлении французского офицера, который в этот момент галопом пересекал мост. Должно быть, несколько пуль пролетели очень близко от него, потому что он несколько раз пригнул голову к шее своей лошади и удвоил скорость. Пуля за пулей летели ему вслед, пока он не распластался в седле. Как он бросился на часового на мосту, было загадкой, которую я так и не смог разгадать; но то, что ему удалось сбежать, я могу подтвердить.

Это послужило сигналом к общей пальбе. Немцы в конце Рю Рояль, наступавшие на мост, опустились на колени за парапетами, так что мы не могли видеть ничего, кроме козырьков их касок и дул винтовок, блестевших на утреннем солнце. Французы отвечали из-за деревьев на набережной и из-за углов переулков. Теперь мы заметили, что отряд пруссаков гуськом продвигался по набережной в нашу сторону и входил в дома. Это было больше, чем мы могли

вынести. Итак, выскользнув из дома № 64 по ближайшему переулку, мы выбежали с тыла в наш штаб в доме № 66.

Здесь мы нашли доктора Паркера, который только что был в другой части города, но был близок к тому, чтобы увидеть и испытать больше, чем он рассчитывал. Поднимаясь по боковой улочке, отходящей от улицы Бургундия, он обнаружил, что с обоих концов улицы открыли резкий перекрестный огонь, и когда пули ударили в стену рядом с ним, ему пришлось укрыться в дверных проемах, чтобы спастись от них. Отряд пруссаков, о котором я уже упоминал, все еще медленно продвигался в нашем направлении; и небольшая группа французов на другом конце фронта вела оживленный ответный огонь.

Способ наступления пруссии был своеобразным. Первыми пошли четверо саперов, которые за одну секунду взломали каждую из дверей, которые, по случайности, не были открыты. Они несли топоры, ручные пилы, джемми и ломы; и было удивительно, как быстро им потребовалось время, чтобы проникнуть внутрь, и как они разлетели древесину, как спички. Наши ворота распахнулись, и в положенное время в дом один за другим вошли несколько человек из соседнего дома. Трое из них прошли обыск, в то время как остальным, числом около дюжины, было приказано по двое встать на колени на тротуаре и стрелять по врагу. Сделав это, они удалились, пока снова не подошла их очередь. Дом быстро наполнился дымом, потому что солдаты прижались к стене и оставались почти внутри крыльца.

Необходимость этого разбирательства вскоре стала очевидной. Потому что в следующую минуту пули ударили в стену рядом с дверью, и штукатурка полетела мне в глаза, пока я вытягивал шею из-за косяка открытой двери, чтобы посмотреть, что происходит. К счастью, они оторвались от флагов в паре футов от того места, где я стоял.

Свинцовая труба, проходившая рядом со входом, была теперь изрешечена в разных местах; наш старый английский флаг, который свисал над дверью с длинного шеста над окном, тоже был порван; но он все еще у меня.

Пока все это происходило, мы были на высшей ступени возбуждения. Движимый любопытством, я поднялся наверх и, выглянув в одно из окон, увидел стоящего посреди улицы, незащищенного от огня, немецкого линейного капитана, хладнокровно отдававшего или, скорее, выкрикивавшего свои приказы различным унтер-офицерам и солдатам, которые выстроились вдоль стен или дежурили в дверных проемах над и под нами. Я каждое мгновение ожидал увидеть, как он упадет. Среди французов, которые настойчиво отвечали со своей позиции в конце набережной, я заметил, в частности, одного зуава, который произвел пять или шесть выстрелов в этого офицера. Я был удовлетворен тем, что он целился именно в него, потому что он выделился среди своих товарищей и на четвереньках дополз до середины дороги, делая прицельный выстрел, и мы не могли заметить, что на прямой линии его огня был кто-то еще. Когда зуав выстрелил примерно после шестого выстрела, пуля пруссаков опрокинула его на спину, задрав ноги в воздух; но, несмотря на все это, он не был убит, так как отползал с помощью товарища. Глухой удар и посыпавшаяся штукатурка на стене прямо рядом со мной подсказали мне, что целесообразно сократить мои наблюдения; поэтому я переместился в холл внизу, где обнаружил доктора Паркера, поившего некоторых пруссаков бренди — для того, чтобы, как он шутливо заметил, подсыпать им немного порошка. Я опустился на колени позади одного из мужчин в дверях, когда он целился во французов, и посмотрел

через прицел, чтобы увидеть, где его добыча. Он выстрелил, и в этот момент пуля ударила о тротуар ярдах в пяти от того места, где мы с ним стояли на коленях.

Это было обычное дело меткой стрельбы; ибо голова, вернее, голова и пара плеч, были всем, что мы могли видеть от врага.

В разгар тренировки большой переполох вызвала появившаяся на Набережной пожилая женщина. На несколько секунд стрельба прекратилась; на середину улицы вышел офицер и сделал ей знак удалиться, что пожилая дама быстро выполнила. Что она имела в виду, говоря это, было бы бесполезно гадать, если только она не была совершенно глуха. Она явно не была Жанной д'Арк.

Через короткое время французы, видя, что у них нет никакой надежды успешно отступить через мост, прекратили огонь. Из мэрии им был доставлен флаг перемирия, в котором говорилось, что город находится во владении немцев с полуночи и им лучше сдаться. Они сложили оружие, и город Орлеан, как мы и предполагали, снова оказался в руках пруссаков. Было восемь часов утра 5 декабря. Прошел час, и пруссаки вступили маршем, оркестры заиграли свои самые живые мелодии; и мы оказались среди наших старых знакомых.

Первым шагом, который предприняли захватчики, было собрать всех своих пленных, числом 10 000 человек, и запереть их в соборе.

Конечно, как только у нас появилась свободная для этого минута, мы все отправились на нашу работу в Ste. Эуверте, где мы уже нашли многих наших старых друзей, ожидающих нас.

Там был маленький капитан Шренк; также молодой священнослужитель, о котором я говорил; а позже в тот же день вошел гигант-кирасир, великолепно одетый в алое и золотое, и искал свою спрятанную кирасу. Они снова и снова пожимали нам руки, выказывая безошибочное удовлетворение от того, что мы все еще на своих постах, в целости и сохранности. Главный хирург Фон Нуссбаум нанес нам визит и сделал комплимент по поводу того, как мы поддерживали их раненых во время французской оккупации. На самом деле поздравления сыпались со всех сторон; и с этого момента немцы смотрели на нас как на своих верных друзей, уведомляя нас, что в свое время о наших заслугах будут официально вспоминать. Теперь раненые начали прибывать в город, и наша больничная церковь быстро заполнилась людьми, как и каждый дом в округе.

В одиннадцать часов утра мы отправились к себе завтракать; но, услышав, что начался ввод войск принца Фредерика Карла, я съел несколько кусочков и поспешил понаблюдать за происходящим из окна дома мсье Пруста на Рю Рояль, 12, с которым мне предстояло познакомиться поближе, прежде чем я покину Орлеан.

Войска вошли с примкнутыми штыками, развевающимися флагами, игрой оркестров и со всей pompой и торжественностью, которые обычны в таких случаях, и воздух огласился бурей военной музыки. Действительно, было примечательно видеть, как мимо проходило это войско, состоящее из 130 000 самых красивых мужчин, каких только могла произвести любая страна в мире; и что было самым удивительным в них, так это опрятность и опрятность их одежды, блеск их оружия и амуниции, а также их общий хорошо одетый вид, напомнивший мне больше о

нашей горстке солдат дома, когда они маршировали мимо лорда-лейтенанта в Феникс-парке в полевой день, чем об армии, которая сражалась всю прошлую неделю и перенесла лишения и тяготы войны. кампания длилась шесть месяцев.

Солнце просвечивало сквозь морозный воздух, и, когда туман рассеялся, повсюду сверкали каски и штыки этого могучего отряда. Пока эти крепкие, хорошо сложенные и упитанные парни проходили мимо, я мысленно сравнил их с полками, которые, как я видел, продвигались к мосту. Разница красноречиво говорила в пользу той сложной и замечательной схемы военной организации, которая довела их до такой степени совершенства. Это также вызвало замечание британского офицера, который был со мной в то время, о том, что, если мы сами не примем какую-либо более всеобъемлющую систему организации наших сил, мы будем разбиты этой амбициозной расой солдат при первом же столкновении с ними. Более того, вполне возможно, что они вторгнутся в Англию и захватят ее в ходе короткой кампании, если когда-нибудь станут такими же великими адептами в искусстве войны в открытом море, как и на суше.

Многие из немецких офицеров, с которыми я встречался, придерживались мнения, что такое предприятие не выходило за рамки немецких амбиций и немецкой энергии. Не раз я слышал, как они предвкушали, что результатом их победоносной карьеры станет объединение всех наций Европы под крылом их имперского орла. И хотя они готовы были допустить, что Англия войдет последней, поскольку без могучего флота они не смогли бы добраться до нее, все же она тоже должна была разделить судьбу своих соседей. Нас позабавило — возможно, это разозлило, — что эти высокоинтеллектуальные люди мира придерживаются таких взглядов, серьезно споря между собой и с нами о том, что таков был бы неизбежный результат объединения Германии, и что все, чего она хотела, чтобы аннексировать Европу и осуществить идеи Александра Первого о России, - это немного времени и благоприятная возможность.

Армия принца Фредерика Карла, шедшая сейчас маршем через Орлеан, направлялась к Блуа и преследовала генерала Шанзи. Отвернувшись от этого великолепного зрелища, я вернулся в Сент-Эверт; и там провел остаток того дня — а это был долгий день — помогая у операционного стола, перевязывая и ухаживая за ранеными, которых к нам толпами приносили. Поскольку у нас было жилье только на 250 человек, мы были вынуждены разослать по домам на улице Сент-Эн्यान всех, кто не был серьезно ранен; после чего мы все же сочли необходимым уложить некоторое количество тяжелораненых на пол, подстелив под них солому. Положение этих последних было вовсе не так уж плохо, если учесть, что примерно полудюжине повозок с людьми пришлось оставаться на морозе и снегу целую ночь и часть следующего дня, настолько сильно спрос на жилье в Орлеане в то время превышал предложение. В довершение к их несчастью — а я говорю буквально о сотнях, — последовала большая нехватка хлеба, которая ощущалась главным образом гражданским населением и теми, кто был расквартирован на них. Это несколько не повлияло на гарнизон, потому что их комиссариат никогда не подводил.

Армия, вступающая таким образом, пожирает, подобно рою саранчи, за несколько часов все, что есть съедобного в городе, и не оставляет жителям ничего, кроме того, что они могут достать из своих тайных запасов, которые, однако, они всегда умудряются сохранить. Состояние хронического голода, от которого жители Орлеана страдали в течение нескольких недель в этот период, было поистине удручающим.

В полдень 6 декабря, все снова стихло, гарнизон был расквартирован в казармы, караульные были в привычной должности, и все в Орлеан предвещало возвращение старого

упорядоченного *режима*, к которому мы так давно привыкли. Здесь совершенно отсутствовали тот дикий беспорядок и шумная неразбериха, которые продолжались не часами, а днями после того, как французы овладели городом, и которые я пытался описать, но не смог должным образом передать теми словами, которые были в моем распоряжении. Так началась вторая немецкая оккупация Орлеана.

ГЛАВА XXIV.

ОСКВЕРНЕНИЕ СОБОРА. — МОЯ ПЕРВАЯ КАПИТАЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ.—СНОВА БОИ.—РАНЕННЫЕ БАВАРЦЫ.

Вскоре после того, как мэр издал свой парламентский указ, все французские заключенные, числом, как я уже сказал, 10 000 человек, были препровождены в собор, где их держали взаперти до тех пор, пока не будут сделаны приготовления к их транспортировке в Германию.

Поскольку погода стояла пронизывающе холодная, заключенные — следует помнить, что они были французами и католиками — сразу же начали ломать стулья и скамейки, чтобы развести огонь. Их они зажгли у основания огромных каменных колонн, которыми славится Собор. Ближе к вечеру, случайно проходя тем путем, я увидел мужчин и юношей, греющихся у огромных пылающих костров, которые освещали все здание, крышу которого, однако, едва можно было разглядеть сквозь клубы густого дыма, образовывавшего плотное облако над головой. Это было нечестивое зрелище, тем более что многие из мужчин пели и шутили, а один развлекался игрой на органе.

Признаюсь, эта сцена была мне очень неприятна. Время от времени кто-нибудь из этих парней хватался за стул и одним ударом разбивал его вдребезги о черепицу или ближайшую колонну, а затем бросал обломки в огонь. Там они сидели, курили, ели и пили — то немного, что им удавалось раздобыть для еды и питья, — проклиная Бисмарка и императора и повторяя часто повторяемую нелепую ложь о том, что всеобщее предательство было причиной их присутствия там в ту ночь. Некоторое время я стоял, разглядывая зрелище, которое, если и было любопытным, то еще более отвратительным. Партер Святилища, который я видел несколькими днями ранее украшенным канониками и другими высокопоставленными лицами, окружавшими монсеньора Дюпанлу, во время пышных епископских церемоний и во время Торжественной мессы, теперь был заполнен самыми мерзкими французскими солдатами, некоторые из которых бездельничали на досуге и беседовали друг с другом, в то время как другие, измученные голодом и усталостью, крепко спали по всей церкви. На ступенях Главного Алтаря люди лежали, погрузившись в глубокий сон, и никто, казалось, не обращал внимания на природу места, в котором они были расквартированы. Линии костров по обе стороны здания, шум и неразбериха, вызванные этим скопищем людей, и то, как они, казалось, сновали по всем частям собора, когда на них падал свет костров, составляли необычайное сочетание, и можно было подумать, что в девятнадцатый век вернулась эпоха Жиль Блаза.

В течение двух дней собор был захвачен этой разношерстной паствой; затем заключенных партиями отправляли поездом из Орлеана, и мы были рады избавиться от них. Пункт их назначения, как обычно, находился за Рейном.

Я встретил один из таких составов по пути на станцию. Их гнали маршем, или, скорее, гнали вперед, перед полудюжиной конных кавалеристов; и когда кто-нибудь отставал, они пришпоривали своих скакунов и разъезжали среди своих пленников, в некоторых случаях топча их ногами лошадей и хлеща хлыстами самым безжалостным образом. Этого зрелища было достаточно, чтобы заставить кровь закипеть. Если бы кто-нибудь сказал мне о подобном, я воспринял бы его заявление с осторожностью, если не с недоверием; но я рассказываю о том, чему сам был очевидцем. Когда я немного остыл, я утешил себя мыслью, что именно такому обращению подвергались эти самые немцы со стороны своих собственных офицеров и младших офицеров, проходя обучение и муштру, как я уже засвидетельствовал из личного наблюдения. Поэтому они давали французам только то, чем угощали их самих.

В течение всего 6-го и 7-го числа, а также последующей ночи мы усердно работали в Больнице, большую часть нашего времени занимал операционный стол. Здесь я могу упомянуть факт, который для меня в высшей степени интересен, *а именно*, что сейчас, с разрешения нашего начальника, я провел свою первую капитальную операцию в случае сложного оскольчатого перелома кости руки, которую мне пришлось ампутировать ниже плеча. Обстоятельства того места, в котором я выполнял свою задачу, также не были обычными. Было воскресное утро, и операционный стол стоял в боковой часовне, у подножия алтаря Пресвятой Богородицы, всего в нескольких ярдах от Святилища Св. Euverte. Но хотя по первому впечатлению может показаться, что такая работа в таком месте была профанацией, все же, если подумать, это таковым не покажется. Поступок, хотя и кровавый, не был жестоким; и где же раненым найти убежище, если не под священным кровом?

Вечером 7-го мы получили разведданные о том, что немцы поравнялись с французской армией; что начались боевые действия; и что ожидается генеральное сражение. Соответственно, доктор Тилман вместе с Мэй и Маккелларом начали с поставки хирургических приспособлений и фургонов для вывоза раненых с поля боя.

Меня устроили на работу в Больницу, и я не пошел с ними. Но доктор Тилман впоследствии дал мне полный отчет обо всем случившемся, и описал бойню как очень масштабную. Город Божанси и соседние деревни были буквально забиты ранеными, и у них почти некому было ухаживать за ними, а еды было очень мало. На самом деле провизии было так мало, что многие умирали только от лишений, усугубляемых, по сути, сильными холодами, которые как раз в это время были сильными. Он упомянул, среди других ужасных подробностей, что из-за сильного мороза тела убитых были приклеены к земле, а их одежда была такой жесткой и негнущейся, что было невозможно сдвинуть мертвых с того места, где они лежали.

Доктор Тилман вернулся 10-го числа со своими *коллегами*, привезя несколько повозок раненых. О том, что бои в окрестностях Божанси были жестокими, я мог судить по внешнему виду всего, что осталось от баварской армии, которая вернулась в Орлеан около 14-го числа. Измученные и усталые, забрызганные грязью, в порванных мундирах и потерявших плюмажи, они угрюмо и молча тащились в город. Из 30 000 человек, покинувших Германию, в живых осталось около 8000 человек всех званий. Они тоже, как и французы, представляли собой контраст со своими северогерманскими собратьями по оружию. Но, как обычно, они были поставлены в авангарде самого жаркого сражения; они повсюду принимали на себя основную тяжесть против значительно превосходящих сил и в конце концов победили, хотя и ценой потери половины

своей численности. С самого начала войны это была неизбежная судьба баварцев; их вырезали, чтобы создать новую Германскую империю.

В обмен на эти героические услуги пруссаки делали вид, что смотрят на них свысока; они открыто пренебрегали ими и прилагали все усилия, чтобы скорее помешать, чем культивировать дружеские чувства между собой и своими южными союзниками. Я видел ссоры в частных домах, где пруссаки и баварцы были расквартированы вместе, просто потому, что милорды Бранденбургские побрезговали делить свои покои с людьми короля Людвига. Такие препирательства перешли от слов к дракам, в которых искренняя неприязнь обеих ветвей великой тевтонской расы друг к другу стала слишком заметной.

В течение недели, последовавшей за битвой при Божанси, не произошло ничего, заслуживающего особого упоминания; мы всегда работали от рассвета до темноты, и ежедневно из этого района доставлялись новые колонны раненых. Когда у человека есть такой захватывающий предмет интереса, как работа скорой помощи, в силу самой ее природы, особенно после тяжелого боя, дни пролетают как часы. Так было и с нами, ибо, за исключением редких нескольких минут, которые мы проводили, слушая великолепные военные оркестры, каждый день выступавшие на площади Жанны д'Арк, у нас не было ничего, что могло бы отвлечь наши мысли от наших дел. Однако есть один интересный вопрос, связанный с битвой при Божанси, который я попрошу разрешения изложить здесь.

11-й прусский пехотный полк, служивший под командованием Красного принца, серьезно пострадал и был почти полностью уничтожен 8 декабря. Шестеро из этих людей перешли под мою опеку. Один из них рассказал мне следующую историю об опаснейшем пулевом ранении, которое он получил в плечо. Его звали Генри Шредер, он был младшим офицером (*унтер-офицером*) этого полка и бегло говорил по-французски и разборчиво по-английски. Он продвигался со своей ротой по опушке леса под самым убийственным огнем французов, и его люди падали со всех сторон, когда он заметил двоих из них, которых он знал как негодяев, отступающих от остальных в лес с явным намерением уклониться от своего долга и пытающихся укрыться от огня.

Он послал к ним солдата с сообщением, что прикажет немедленно расстрелять их, если они не вернутся на свои места. Прошло не так уж много минут, когда в суматохе и пылу атаки, когда они прорывались на открытое место, он получил сзади пулю, которая свалила его на землю. Одного взгляда хватило ему, чтобы понять, что эти два негодяя были у него за спиной, но сейчас усердно сражались с врагом.

Этот бедняга, о котором мы услышим подробнее позже, в конце концов скончался дома, в Гамбурге, от полученных ран. Он умер с твердым убеждением, что в него стрелял один из этих двух негодяев, хотя, конечно, никто не мог доказать это против этого человека.

Примерно в это же время случилось так, что я получил разрешение от доктора Мэй ампутировать бедро на полпути между бедром и коленом. Когда я собирался сделать первый разрез, кто должен был подойти к операционному столу, кроме профессора Лангенбека из Берлина? Этот великий человек пришел в Больницу, чтобы взглянуть на нашу хирургическую работу и понаблюдать за тем, как мы обращаемся с подданными его императорского повелителя. На мгновение присутствие, возможно, величайшего из ныне живущих военных

хирургов и отца немецкой полевой хирургии заставило меня почувствовать себя очень неуютно. Однако я довольно быстро овладел собой, и мне посчастливилось пройти операцию без сучка и задоринки, получив в конце любезный поклон и "*Sehr schön, mein Herr*" от старого ветерана, который все это время усердно курил сигару. Вряд ли мне нужно добавлять, что мои *собратья* от души посмеялись над этим инцидентом и над моим внезапным проявлением паники, которая, как они заверили меня, была совершенно очевидной.

В нашей больнице мы добились, насколько это было возможно, равного разделения труда, предоставив каждому человеку столько коек. Хотя по должности я был всего лишь ассистентом хирурга, практически у меня была должность хирурга, а не ассистента, и я единолично руководил своим отделением, которое состояло из всех кроватей между колоннами и стеной в среднем проходе Церкви и насчитывало около тридцати трех. Следует помнить, что эти койки были заняты только тяжелоранеными, и что на нашем попечении находилось множество других, размещенных в частных домах по всему городу, наряду с теми, кто был расквартирован в домах сразу за церковью. Последние находились под тем же управлением, что и в Ste. Сам Euverte.

Примерно 18 декабря произошел инцидент, вызвавший некоторый переполох в нашем кругу. Мистер Фредерик Уомбвелл, который накануне отправился в Версаль за медикаментами, прибыл с известием, что доктор Пратт и капитан Хозье были арестованы в Этамп. Кажется, они встретили капитана Кита Фрейзера и корреспондента *Illustrated London News*, а также корреспондента *Pall Mall Gazette* по пути в Версаль, и вся эта компания побраталась и пообедала вместе в отеле. Эта веселая встреча иностранцев возбудила подозрения у прусского коменданта, и он немедленно поместил их под арест. Капитану Хозье и доктору Пратту после дневного заключения было разрешено вернуться в Орлеан; но капитан Фрейзер и двое его спутников были отправлены в Версаль под усиленным эскортом драгун, где их без промедления освободили.

Примерно в это же время также было большое волнение, вызванное прибытием из Киля двухсот моряков для укомплектования канонерских лодок на Луаре, которые были захвачены у французов. Эти бородатые тары были прекрасными, крепкими парнями, и, судя по их беззаботному настроению, казалось, им нравилась перспектива предстоящей работы.

Прошла еще одна неделя по старому распорядку, без каких-либо волнующих событий, и мы оказались накануне Рождества, но ничто не напоминало нам о его приближении, кроме снега, который лежал на земле глубиной более фута, и сильного холода. Было так холодно, как внутри, так и на улице, что вода в кувшине и тазу в моей спальне превратилась почти в твердую массу.

То, как мы провели Рождество, можно описать в пяти словах: это была тяжелая работа. Тем не менее днем мы ухитрились хорошо поужинать и немного повеселиться у пылающего камина в нашей квартире на Набережной. Обычай полуночной мессы, столь распространенный в католических странах, в этом году был отменен приказом епископа. И не было никакой религиозной службы для наших раненых, хотя все было организовано специально для этого. Я не должен опускать причину, которая, на мой взгляд, вряд ли была веской. Время, назначенное на мессу, было 7 часов утра. Однако случилось так, что, когда утром старый кюре узнал, что протестантский капеллан был до него и произнес проповедь своим протестантским братьям с кафедры, он сразу же отказался начинать свою собственную службу. Признаюсь, я был сильно шокирован этим необоснованным проявлением фанатизма. Я считаю, что в сложившихся обстоятельствах протестантский капеллан сделал только то, что было совершенно правильно. И

я довольно решительно высказал это мнение сестрам милосердия и самому кюре, которого называли единственным католиком в штате.

Однако мы украсили церковь остролистом и плющом, а посередине поставили рождественскую елку, украшенную лентами. Мы также подарили каждому мужчине фланелевую рубашку и пару панталон, которые они сочли наиболее подходящими рождественскими коробками.

С тех пор друзья спрашивали меня, часто ли я встречался со знаменитым епископом Дюпанлу и какова была его линия поведения во время немецкой оккупации. Я могу только ответить, что никогда не видел его в городе. Все это время он оставался взаперти в своем дворце, большая часть которого была превращена в палаты скорой помощи, несмотря на яростный протест кафедрального капитула. Но их протест не возымел действия; и когда самим церквям пришлось служить госпиталями для раненых, а помещений везде было недостаточно, я не знаю, можно ли было освободить даже епископский дворец от столь очевидного долга любви и сострадания к страждущим, будь то друзья или враги.

ГЛАВА XXV.

РОЖДЕСТВО В СЕНТ-ЛУИСЕ. ЭЙВЕРТ.—СОВЕРШАЮ ОБХОД.— ЮНЫЕ ГЕРОИ.—ПРИБЫВАЮ НОЧЬЮ.—МЕЛЬКОМ ВИЖУ МЕРТВЫЙ ДОМ.

До сих пор я не приводил ни описания нашей новой больницы, ни каких-либо подробностей в связи с отдельными случаями; и я не могу сделать ничего лучше, чем представить моему читателю исправленную копию некоторых заметок, которые я сделал, находясь на дежурстве в ту рождественскую ночь. Они могут дать сносное представление о характере нашей работы и о тех размышлениях, которые подсказали мне время и место.

Церковь Святой Марии. Эйверт в Орлеане - прекрасное старинное готическое здание в стиле двенадцатого века. В его внешнем виде было бы мало интересных деталей, за исключением крошащихся гранитных стен и древних резных порталов, на которых отчетливо прослеживается рука времени. Интерьер также лишен украшений, но с богатыми витражами в окнах вряд ли сравнится ни одна попытка наших современных художников в том же направлении.

Неф имеет около 300 футов в длину и пропорции ширины, в то время как простая сводчатая крыша слегка возвышается над массивными колоннами, которые ее поддерживают. Главный алтарь сделан из гранита, как и алтари в часовнях, и они ни в коей мере не смягчают холодный суровый вид здания. Теперь это была третья больница, которую мы из англо-американской службы скорой помощи открыли в этом городе, охваченном ожесточенными спорами.

Поздно в канун Рождества я отправился в церковь и заступил на ночное дежурство. Ночь была ужасно холодной. Уже несколько недель стояли морозы, и снег под ногами был глубоким и хрустящим. Позвольте мне описать то, что последовало за этим, в настоящем времени.

Когда я приближаюсь к длинной узкой улице, в конце которой сквозь темноту виднеются мрачные громады зданий, я слышу размеренную поступь прусского часового, несущего стражу

перед воротами. В тусклом свете фонаря, висящего над дверью, видна моя форма, когда я прохожу мимо, и солдат, сдерживая свое наполовину произнесенное "Стой!", отдает честь. Дверь открывает зуав, который тоже отдает честь, но на этот раз по-французски. Он старый мексиканский участник боевых действий и носит, среди прочих наград, военную медаль, врученную ему ныне свергнутым сувереном, который проводит Рождество в Вильгельмске, сломленном изгнании. Он распахивает тяжелую, обитую дубовыми гвоздями дверь, и я вхожу. Я останавливаюсь на мгновение, чтобы созерцать сцену, страдание и боль которой не смог бы осознать никто, кто не видел ее.

Вдоль центрального прохода, справа и слева, расположены двойные ряды кроватей, на каждой из которых лежит страдающий пациент. На каждом столбе висит лампа, по одной на каждые четыре кровати. Точно такое же расположение сделано вдоль боковых проходов.

Между каждой четвертой и пятой колоннами горят печи с ярким и жизнерадостным пламенем дров. Таким образом, кровати пациентов освещаются тусклым светом, но его недостаточно, чтобы проникнуть во мрак высокой крыши. Каким бы впечатляющим ни было зрелище в целом, глубокий интерес, который оно вызывает, усиливается мыслью о том, что на каждой из этих 300 кроватей лежит свой раненый страдалец и что каждый страдалец мог бы рассказать свою собственную долгую историю лишений и боли.

Несомненно, это самое печальное собрание, которое когда-либо собирала эта старая Церковь! Вокруг печей сгрудились кучки солдат, французов и немцев, чья общая беда превратила заклятых врагов в сочувствующих друзей. Это люди, чьи раны сравнительно легки, и которые, бедняги, уже пять или шесть дней не пользовались привилегией лечь в постель. Они лежат вокруг костров во всех позах, пытаясь уснуть, — трудная задача со сломанной рукой, запястьем или ребром, или с тяжелыми телесными ранами; и у них нет никакого укрытия, а только немного соломы и жесткие плиты для отдыха.

Вдоль рядов кроватей проходят Сестры милосердия, которые делают все возможное, чтобы обеспечить комфорт пациентам, заправляют кровати, разглаживают подушки и шепчут слова утешения. В тишине рождественской ночи звуки агонии и страдания эхом разносятся по Церкви, которая на протяжении веков наполнялась в этот час величественной и торжественной музыкой Полночной мессы. Какой комментарий к словам "*Gloria in Excelsis*", в которые, по словам этих христиан, они верят! "*Et in terra pax hominibus bonæ voluntatis.*" Человек, я не могу не заметить про себя, что ты такой же скандал, как и загадка для размышляющего разума!

Я начинаю свой обход, посещая сначала более срочные дела. Некоторым особо страдающим я даю морфий в таблетках или же ввожу его в виде раствора под кожу с помощью шприца с прикрепленной острой перфорированной иглой. Эффект замечательный. Через несколько минут боль проходит, и они спокойно засыпают. Таким образом, я вынужден заставить замолчать тех, чьи стоны потревожили бы других пациентов. Теперь я продолжаю по порядку, останавливаясь у каждой кровати, чтобы удостовериться в состоянии ее обитателя, при необходимости даю лекарства, тут и там накладываю повязки и успокаиваю снотворными тех, чьи раны мешают им спать.

Покончив с этим, я направляюсь в ризницу, которая служит одновременно операционной и комнатой ожидания, и читаю перед камином в течение часа, а затем возвращаюсь в церковь, чтобы убедиться, что все в порядке и что лазаретчики бодрствуют и находятся на своих постах.

Когда я стою в Святилище и прислушиваюсь, я слышу тяжелую поступь расхаживающих взад и вперед наблюдателей: больше ничего, кроме тяжелого дыхания спящих. Какая перемена произошла менее чем за два часа! Крики боли умолкают, и беспокойный день страданий сменяется ночью спокойного отдыха; приятное зрелище для хирурга, и оно целиком заслуга этого друга человечества, при условии правильного применения, — наркотика опиум. Однако, чтобы быть готовым к чрезвычайным ситуациям, я возвращаюсь в свою комнату и раскладываю инструменты, чтобы быть готовым к операции в случае необходимости; вторичное кровотечение и тому подобные неприятности происходят часто.

В случае такого несчастного случая мне остается только послать за моим "партнером по сну", доктором Мэй, чья каюта находится по соседству; и который обязан присутствовать только тогда, когда за ним пошлет ответственный офицер, дежуривший ночью. Таким образом, по мере того, как часы приближаются, и мой предыдущий тяжелый рабочий день начинает сказываться на мне, я с каждой минутой становлюсь все более сонным и вскоре уже клеву носом в своем кресле перед камином. Но едва я теряю сознание, как меня будит *медработник*, который сообщает мне, что двое мужчин бодрствуют и в своей сильной агонии создают беспорядок. Я тру глаза, беру себя в руки и продолжаю смотреть на них.

Первое, к кому я обращаюсь, - это молодой прусский доброволец-артиллерист. Ему всего шестнадцать, совсем мальчик, с большими голубыми глазами, светлым мягким цветом лица и светлыми волосами, и, хотя он крепко сложен, у него очень белые и нежные руки. Его изящные и привлекательные манеры и развитый ум показывают, что он из хорошей немецкой семьи. И все же он всего лишь рядовой. Что побудило его покинуть свой дом и страну в таком возрасте? Только по двум причинам — ненависть к французам и жажда славы. Бедный мальчик! осколком снаряда раздробило ему ногу. Его большие, полные слез глаза поворачиваются ко мне, когда я подхожу к его кровати, и добрая улыбка появляется на его лице, таком бледной и измученной страданием. Он берет меня за руку и начинает свою печальную историю, уже достаточно знакомую к этому времени. Он говорит мне, что боль от его ран стала невыносимой; что он не может ни есть, ни спать; что с каждым днем он худеет и слабеет; и что он думает, что долго не протянет. Сделав настолько благоприятный прогноз, насколько я могу, я пытаюсь подбодрить его и вселить в беднягу надежды, которым, боюсь, никогда не суждено сбыться. Я предлагаю ему идти спать. Я даю ему немного морфия, чтобы ускорить это завершение, желаю ему спокойной ночи и ухожу.

Мой следующий пациент представляет для меня особый интерес. Я принял его несколько недель назад в свою палату с оскольчатой переломом ноги; другими словами, конечность была очень сильно раздроблена. Он дал мне понять, что происходит из уважаемой и богатой семьи в Висбадене. Он был единственным сыном своей матери, и последним в своей фамилии; и, спасая его жизнь, я должен был спасти и жизнь его матери, потому что он верил, что она не переживет его.

Никогда еще я не видел человека, который так страстно цеплялся бы за жизнь, и никогда у него не было более сильных мотивов для этого; но никогда еще я не видел человека настолько больного и в то же время столь не верящего в грозящую ему опасность. Теперь, в тишине этой рождественской ночи, я подхожу к его постели, чтобы увидеть, как он умирает. Днями и ночами я помогала ему всем, что было в моих силах; я не отказывала ему ни в чем из того, что могла ему дать; и он всегда был таким нежным и любящим, что каждая забота, которую я предпринимала

ради него, доставляла истинное удовольствие. Он свободно говорит по-французски и по-английски, является выпускником Боннского университета, молод и хорош собой. На протяжении всей болезни у него в голове была только одна мысль - о своей матери. Сейчас он жалуется на чрезмерную усталость и боли во всех частях тела. Он евангелист, и по моей просьбе священник посетил его поздно вечером того дня. Я говорю с ним тихим голосом и говорю ему, что, боюсь, ему не лучше. Похоже, что его последние попытки заговорить оказались для него непосильными; сейчас он слишком слаб и повержен, чтобы сделать что-то большее, чем выдохнуть что-то о своей матери, доме и Отечестве. Теперь его губы дрожат, теперь они перестают шевелиться, и холодный пот крупными каплями выступает на его лице. Я разглаживаю его подушку и вытираю лоб, как часто делала раньше.

Это заставляет его осознать тот факт, что я нахожусь на своем старом месте у его постели. Он берет мою руку, слабо сжимает ее в своей, серьезно смотрит мне в лицо и снова теряет сознание. К этому времени несколько Сестер и один или два санитары собрались у постели умирающего. Несколько минут храбрец остается неподвижным; его дыхание становится все короче и короче; как вдруг он конвульсивно подается вперед и как бы пытается подняться; его глаза, которые теперь неподвижны и остекленели, смотрят с отсутствующим выражением, и он тяжело падает навзничь трупом. Пока мы секунду смотрим, старые башенные часы отбивают час, часовой на вахте выкрикивает в ответ на вызов своего вышестоящего офицера, совершающего обход: "Час дня, и все в порядке". Да, все хорошо, только бедный солдат отдал свою жизнь в руки своего Создателя ради дела своей страны. Еще одна немецкая мать потеряла своего сына, — еще одно немецкое сердце опустошено.

Проходит не так много минут, прежде чем вчерашнего прекрасного юношу поднимают на *бранкарту*, или носилки, и переносят в дом мертвых. Здесь носильщики бросают тело на холодный блестящий пол и оставляют до утра, когда повозка мэра доставит его и другие безжизненные останки в эту ужасную комнату, к краю глубокой ямы в задней части церкви, куда их грубо сбросят. Туда бросят немного негашеной извести, затем немного земли, и церемония захоронения закончится. На этом сцена заканчивается для этого храброго парня, который был моим другом и моим пациентом. "*Dulce et decorum est*", - писал Гораций. Вот реальность этого хвастовства.

Убедившись, что все снова тихо, я возвращаюсь к своему камину в ризнице. Когда я снова оказываюсь в своем уютном кресле, подробности того, чему я был свидетелем, — к таким сценам я, увы, теперь привык, — улетучиваются из моих мыслей и заменяются другими, более приятными. Маленький букетик остролиста, установленный над Дарохранительницей на Высоком Алтаре, напоминает мне, что сейчас рождественское утро; отблеск горящих дров вызывает во мне воспоминание о том ярком домашнем очаге за рекой; и когда мои веки постепенно закрываются, передо мной предстают многие хорошо знакомые и горячо любимые лица, словно для того, чтобы подбодрить меня в этом одиночестве.

Я проспал таким образом почти два часа, когда мои приятные сны во второй раз нарушаются дежурным лазаретом, который взволнованно сообщает мне, что у молодого баварского солдата изо рта идет сильное кровотечение, и он не выживет, если я промедлю еще несколько минут. Я спешно посылаю посыльного позвонить доктору Мэй, и еще секунда - и я оказываюсь у постели умирающего.

Этот пациент, молодой баварец, был застрелен через открытый рот. Достаточно любопытно, что шарик прошел по языку от верхушки до основания и застрял в задней стенке глотки, откуда его до сих пор невозможно было извлечь.

Я сразу же сжимаю большими пальцами общую артерию шеи и, поддерживая его таким образом, становлюсь на колени позади него в постели, мне удается на какое-то время почти полностью остановить кровь. Но когда я смотрю в таз, который стоит рядом со мной на табурете, я, к своему ужасу, замечаю, что он наполовину наполнен чем-то, что кажется чистой кровью. Теперь я спрашиваю медработника, почему он не поставил меня в известность об этом факте и не позвонил мне раньше. Он отвечает, что примерно за пять минут до этого больной сел в постели, и у него, как он думал, сильно заболел желудок. Из-за чрезвычайно слабого света он не заметил, что то, что извергал больной, было кровью. Сразу же после обнаружения истинного положения вещей он пришел за мной.

Через несколько минут прибывает доктор Мэй, но мы оба опоздали. Мужчина смертельно бледнеет и корчится, словно в припадке, затем на мгновение замирает и тяжело и безжизненно опускается в мои объятия.

На мгновение меня охватывает печаль, когда я смотрю на останки этого несчастного молодого человека, жертвы такой ужасной, такой неестественной смерти! Но я должен быстро подавить свои чувства; я должен проследить, чтобы эти сонные парни унесли тело, сменили постель и смыли кровь с пола, чтобы освободить место для другого, который сразу же займет место, таким образом оставленное пустым.

Сделав это, я перехожу к постели молодого солдата, которого, как вы помните, я посетил первым. Его мечтам о славе пришел конец; ибо он спит сном, не знающим пробуждения. Несомненно, его дух спокоен. Что бы почувствовала его мать, если бы узнала, что ее сын умер такой одинокой смертью в унылом месте, и у него не было другой руки, кроме моей, чужой, чтобы вытереть ему пот! Когда он тоже будет отправлен в покойницу, я, как и прежде, вернусь в ризницу, где еще раз отдохну.

Между четырьмя и пятью часами дня лазаретчик будит меня в третий раз и сообщает, что у ворот стоит повозка с тремя ранеными, которые горячо просят, чтобы их пустили. У меня есть только две свободные кровати; на третьей уже лежал тяжелый пациент, которого подняли с пола. Я приказываю внести двух прибывших. При осмотре я обнаружил, что у обоих были сильно обморожены ступни. Один, действительно, показал мне половину своей ступни, почти черную и просто гниющую. Их история была ужасающей. Они были ранены — один в бедро, а другой в мясистую часть бедра — в стычке около двух недель назад близ Божанси. Изнемогая от потери крови, каждый потащился в чашу, потому что это место было уединенным на открытой местности; и там они оставались в ужасном морозе и снегу всю ночь и часть следующего утра. Их обнаружили какие-то крестьяне, и их перевезли в коттедж, расположенный в нескольких милях отсюда. Здесь они оставались до сих пор без хирургического лечения; отсюда и их плачевное состояние.

Их страдания не поддаются описанию, и я сразу же делаю подкожную инъекцию морфия, которая приносит им быстрое облегчение. Затем я иду посмотреть на оставшегося в повозке пассажира. При свете фонаря я вижу, что у него серьезно сломана нога; а кровь, которая просачивается сквозь бинты и стекает по изуродованным остаткам брюк, указывает на то, что

восемнадцать миль пути по неровным проселочным дорогам не улучшили положения. Вид этого изголодавшегося и полузамерзшего несчастного, чьи мучения усиливаются от пронизывающего холода зимней ночи, и его жалобная мольба о том, чтобы его впустили, побуждают меня немедленно приготовить для него место. Это дело одной минуты, потому что я знаю сравнительно легкораненого человека, которого я могу поднять с постели, хотя он крепко спит и не хочет, чтобы его будили. Одежда новоприбывшего частично снята, частично срезана с него; и его кладут в постель, которая все еще теплая после того, как в ней побывал его последний обитатель. Он с жадностью проглатывает миску горячего бульона; на перелом я накладываю временную шину, потому что он слишком слаб для операции. Ему дают снотворное, и я оставляю его насладиться несколькими часами отдыха.

Я еще раз убеждаюсь, что все в порядке, костры горят, а люди на посту; и когда я зеваю и снова потягиваюсь в кресле, мне трудно представить, что сегодня Рождество.

Еще одна прогулка по Больнице, и наконец-то наступил рассвет. Вскоре после этого я отправляюсь в соседний дом, где заказываю большую миску кофе с молоком и буханку хлеба с мясным экстрактом Либиха. Покончив с этим, я возвращаюсь и нахожу наш штаб в сборе, готовящимся к дневной работе. Я отдаю свой отчет начальнику и немедленно приступаю к оказанию помощи моим собственным раненым.

Я никогда не испытывал ни малейшего утомления от долгой вахты, как и другие. В десять лет я помогаю своим старшим товарищам во время двух ампутаций и резекции. Одна из ампутаций связана с нашим ночным прибытием, который последним занимал повозку: консилиум только что решил судьбу его конечности.

После окончания операций я возвращаюсь к своим людям и продолжаю работать с помощью двух санитаров и сестры Берты. Сестра - уроженка Люксембурга, настолько яркая и активная, насколько это возможно, и моя большая опора. В три моя работа заканчивается, и в нашем доме на набережной меня ждет хороший сытный ужин. Но я все равно должен вернуться в Ste. Поверьте, и дождитесь истечения срока моих полномочий.

Заглянув в дом мертвых, чтобы убедиться, что мои бедные ночные друзья вместе со своими товарищами были преданы могиле чиновниками мэрии, я вижу, что один из них все еще не похоронен, вероятно, потому, что тележка с трупами была полна. Это молодой солдат, о печальной кончине которого я говорил, надеюсь, не слишком настойчиво. Мне было очень жаль его. За этот короткий промежуток времени наша привязанность переросла в братскую, потому что, в конце концов, мы были вместе всего лишь мальчиками. Я буду скучать по нему даже в суматохе и волнении этих неуправляемых времен. Но я больше ничего не могу сделать. Доктор Маккеллар приходит на мое место, и моя вахта подходит к концу.

ГЛАВА XXVI.

ПОСЕТИТЕЛИ.—НОВЫЙ ГОД В БОЛЬНИЦЕ.—ЦЕРКОВЬ ЭВАКУИРОВАНА.—Я ПОЛУЧАЮ ОТПУСК.—И МЕЛЬКОМ ВИЖУ НОЧНОЙ ПАРИЖ.

Рождественская неделя прошла, и мы провели ее далеко не приятно. Мороз и стужа были такими сильными, что нам с большим трудом удавалось сохранять достаточное тепло, чтобы выполнять свою работу. Примерно в это время в нашей квартире побывало несколько посетителей. Это были капитан Брекенбери из Королевской артиллерии, прусский военный атташе; капитан Фрейзер, также из артиллерии; и полковник Рейли, французский военный атташе, последний из которых был схвачен пруссаками в Орлеане утром 7 декабря и с тех пор содержался там. Теперь ему было приказано с эскортом из уланов отправиться на границу. Мы от души посмеялись, когда он зашел к нам тем злополучным 7-м днем; и рассказал, как, проснувшись, он, к своему удивлению, обнаружил, что город находится во владении немцев. Ему это, конечно, было неприятно.

С нами был также майор де Хэвиленд, мальтийский рыцарь и, как мне сообщили, единственный английский член этого ордена. Однако хорошо известно, что рыцари ордена Святого Иоанна разделены в своем послушании; и я не верю, что великий магистр, живущий в Риме, узнал бы многих, о ком в Англии говорят как о мальтийских рыцарях. Майор, я полагаю, состоял в римском подчинении. Нашими гостями были два представителя прессы: мистер Меджонель из *Daily Telegraph* и мистер Холт Уайт из *Pall Mall Gazette*. Первый, который был художником, также делал наброски для *графики*. Он представил Ste. Эуверте, в котором фигурируют несколько из нас. В тот день, когда я показывал ему окрестности, на Главном Алтаре лежал мертвый солдат, завернутый в простыню, и не было видно ничего, кроме его головы и пальцев ног. Его сняли с одной из кроватей рядом с Алтарем сразу после смерти, чтобы освободить место для нового обитателя, и просто положили туда, пока санитары приводили в порядок постель. Это зрелище поразило нашего гостя, как и должно было случиться; оно было самым жутким.

Эти джентльмены выразили свое удовлетворение тем, как все было сделано в Ste. Эйверте, а также чистоте и приличном состоянии, в котором мы содержали Больницу, несмотря на наличие почти всех обстоятельств, которые могли бы помешать чистоте и порядку.

Еще пара дней, и мы обнаружили, что отпеваем старый год и приветствуем, по обычаю язычников, приход нового, отдавая неограниченный запас ромового пунша, который подал черномазый Чарли. Я уже хвалил это.

Вечером Нового года мы ужинали вместе и поднимали тосты не только за наше благородство, но и за наши соответствующие страны, дома и друзей, стараясь чувствовать себя как можно более счастливыми среди занятий, которые требовали хорошего настроения как лучшего способа поддержать наше здоровье и мужество. Было бы несправедливо по отношению к черномазому Чарли, если бы я забыл его самую красноречивую и юмористическую речь, произнесенную на отборном виргинском или негритянском диалекте в ответ на тост за его здоровье, предложенный полковником Хозье. Пожалуй, самой примечательной частью этого было то, что Чарли ликовал по поводу бывшего богатства и величия семьи доктора Пратта, как крупных рабовладельцев! Что могла бы сделать Декларация Независимости для такого феодального энтузиазма, как этот?

Погода оставалась невыносимо холодной, и Генри Шредер, младший лейтенант, которого, как я упоминал, застрелил в Божанси один из его собственных людей, попросил меня оказать ему услугу и подыскать жилье в каком-нибудь частном доме в городе. После долгих хлопот я случайно услышала, что настоятельница монастыря Нотр-Дам-де-Ревранс, мать Полина, очень хотела, чтобы в монастырях, спальнях и классных комнатах, которыми располагал монастырь, работала наша Скорая помощь. Сестры боялись, как бы немцы не установили в их доме собственную машину скорой помощи, против чего монахини категорически возражали.

Но тот факт, что мать Полин была англичанкой, в значительной степени объяснял ее стремление заполучить нас. Вряд ли нужно говорить, что я не хотел, чтобы меня слишком торопили; я немедленно распорядился, чтобы Шредера, Рюдигера и еще четверых или пятерых перевели в их новые помещения и официально оформили их во владение на имя "Скорой помощи".

Здесь, в хороших постелях и теплых комнатах, где им уделяли всяческую заботу и внимание, а также хорошо кормили, им было очень уютно — приятный контраст с холодной, унылой церковью, которую они только что покинули. Я назначил одну медсестру, сеньору Леопольдину, присматривать за этими мужчинами, число которых за несколько дней я увеличил до десяти, так что у меня там была настоящая больница, хотя и небольшого масштаба.

Пациент по имени Рюдигер, молодой парень семнадцати лет и доброволец, у которого была сломана нога, стал особым любимцем своей медсестры и матери Полин. У него не было ни единого волоска на лице, которое имело румяный оттенок и постоянно улыбалось. Он тратил свое время в основном на изучение французской грамматики, в чем ему помогала сеньора Леопольдина в свободные минуты. Большинство остальных были баварцами и, должен сказать, сонными и неинтересными людьми.

Шредер был сыном богатого торговца табаком и вином в Гамбурге. У него был один брат, который был капитаном пехотного полка. Их мать все еще была жива. Он с гордостью сказал мне, что снабдил Бисмарка множеством сигар, и пообещал мне ящик сигар и бочонок устриц, когда вернется. Бедняга, он плохо представлял, что его ждет, потому что в то время он был сравнительно силен и, по мнению многих, вне опасности. Но из моих бесед с ним я узнал, что история его семьи была очень скверной; и с самого начала у меня были серьезные опасения по поводу его случая, которые, однако, я был обязан скрыть от него. Когда время от времени, сама того не желая, я принимала серьезный вид, он только смеялся и подшучивал надо мной, напевая самым комичным образом хорошо известную английскую песенку "Меня зовут Чарли Шампанское". Мне нравился Шредер.

Теперь я отправил двух своих людей из Сент-Эверта в дом № 44 по улице Бурдон-Блан. Эйверт. Это были Мартин Дилджер, мой старый пациент, выживший в железнодорожном депо, и Джейкоб Венхайзер. Там они получили самую добрую заботу и внимание от своих добрых хозяина и хозяйки, месье и мадам Б.

К 4 января я перевез всех самых тяжелых пациентов в частные дома в городе; в церкви осталось всего около дюжины, все они сейчас были на пути к выздоровлению и были готовы к отправке в Германию следующим поездом скорой помощи. С таким счастливым избавлением от моих пациентов я должен был поздравить себя, потому что только что в церкви проявились пиемия и госпитальная гангрена худшего типа; и мы знали по нашему опыту в Седане и на

железнодорожной станции, насколько ужасными были их последствия там, где такое количество раненых содержалось вместе.

И теперь это доказало. Через несколько дней заражение крови произвело большой опустошительный эффект среди мужчин, и его жертвы лежали одна на другой в мертвецкой — поистине печальное зрелище для тех, кто так заботился о них! Мы сразу же решили покинуть церковь, ибо даже выздоравливающие не были застрахованы от этой ужасной болезни, которую, как говорят нам некоторые ученые нашей профессии, можно предотвратить; однако мой опыт таков не был. Не щадя применялись дезинфицирующие средства и повязки с карболовой кислотой. Свежий воздух, как я уже говорил, имеет первостепенное значение в лечении этого заболевания; и он должен поступать к пациенту непрерывным потоком, более того, чтобы быть эффективным, это должен быть сухой воздух, в то время как вокруг пациента должно быть тепло, или, по крайней мере, сам пациент должен быть в тепле и ни в коем случае не страдать от простуды. Каждый день члены нашего штаба с нетерпением искали новые помещения для своих раненых в частных домах города, что теперь было нетрудной задачей, поскольку гарнизон был не очень большим, поскольку Орлеан перестал быть тем театром военных действий, которым он был раньше.

Время шло, а вновь прибывших не было, и у нас появилось больше свободного времени. И хорошо для меня, что так получилось! Я начал замечать, что работа сказывается на моем здоровье, и теперь небольшое расслабление было столь же необходимо, сколь и приятно.

За все это время не произошло никаких поразительных событий, за исключением попытки, предпринятой каким-то сумасшедшим в Орлеане, убить прусского солдата. За это преступление на город был наложен штраф в размере 600 000 франков; и чтобы показать объем торговли, которую вели французы с захватчиками, из этой наложенной суммы 400 000 франков были выплачены прусскими деньгами. Штраф был взыскан 16-го числа и полностью оплачен 23 декабря.

Теперь, когда я с каждым днем начинал чувствовать себя все более и более измотанным и опасался, что мое здоровье подорвано, я решил взять отпуск на несколько недель. Доктор Тилман, который снова был *местоблюстителем* во время десятидневного отсутствия доктора Пратта по делам, знал, как сильно я хотел перемен, и без колебаний предоставил мне отпуск при условии, что я снова заявлю о себе до указанного числа месяца. Неотложное частное дело вынудило доктора Шеруэлла выехать в Гамбург на следующий день, и я решил подготовиться вечером того же дня, 7 января 1871 года.

Я отправился с доктором Фрицем к коменданту этого места и главному военному хирургу, у которых я получил больничные билеты по всей Франции и Германии, а также бесплатные билеты на железную дорогу и в гостиницу. Северные районы все еще находились в руках французов, так что у меня не было никаких шансов вернуться домой в этом направлении. Я передал свои дела на попечение доктора Паркера, который со своим обычным добродушием пообещал уделить им самое пристальное внимание в мое отсутствие. Я старался как можно меньше сообщать им о своем отъезде, просто сказав, что вернусь через несколько дней.

В шесть часов следующего утра мы с доктором Шеруэллом были на железнодорожной станции, где узнали, что под наше попечение должен быть отправлен поезд с ранеными до Корбейля.

Наш способ передвижения был новым, поскольку все расстояние нас тянули лошади. После долгого замешательства и ожидания мы тронулись в путь. Весь поезд состоял из товарных вагонов, в которых раненых укладывали на солому, прикрывая их ковриками. Среди них было много офицеров, которым не повезло с солдатами, поскольку специальных помещений не было. Каждые три грузовика были запряжены четырьмя лошадьми, и таким образом мы сели на поезд до Корбейля — расстояние около пятидесяти миль.

Утро было ужасно холодным, и вокруг висел густой туман, из-за которого нам было трудно согреться; но дело наладилось, когда мы прибыли в Артенэ, где нас ждали горячий суп и хлеб.

В одном из грузовиков сидели Мартин Дилджер и еще один или два моих пациента, все в приподнятом настроении при мысли о возвращении на Родину, хотя и без конечностей у каждого. В другом вагоне у нас была рота солдат в качестве сопровождения кавалькады, и они оказались полезными, когда потребовалось.

Таким образом, мы продвигались черепашью шагом; но мы с Шеруэллом время от времени выбирались из машины и бежали впереди поезда, чтобы согреться, потому что погода не улучшалась, и многие из наших подопечных сильно страдали от этого. Во время путешествия я разговаривал с сержантом нашей гвардии, простым парнем, как и многие другие, и добровольцем. Он хорошо говорил по-английски, почти без акцента, последние два года жил и учился в Лондоне, отсюда и его знание языка. Он был в Гравелоте, и об этом грандиозном событии он рассказал мне в высшей степени интересный отчет.

Это был приятный юноша с мягким музыкальным голосом, явно занимавший высокое положение и получивший образование. Он сказал, что был представлен к Железному кресту. Это был третий доброволец, которого я встретил моложе двадцати лет, и все трое имели хорошее социальное положение.

Был один старый раненый полковник, у которого была большая фляжка шартреза, которой он неоднократно угощал нас с Шеруэллом во время путешествия. Я думаю, что в тот момент это никому из нас не понравилось. Следующая остановка, которую мы сделали, была в Этамп, где мы остановились на полчаса, чтобы выпить горячего кофе. В сумерках мы добрались до Жювиоза, где сменили линию и в назначенное время прибыли в Корбей, около 8 часов вечера. Наш конвой вызвал всеобщее внимание и удивление у сельских жителей тех районов, которые мы проезжали, и во многих местах они толпами выходили посмотреть, как мы едем. Прибыв в Корбей, мы зашли к этапному коменданту, проверили наши пропуска и отправились к майору за постовым и пайками - другими словами, за нашей заявкой на питание и ночлег, который он предоставил нам в очень уютном, хорошо обставленном маленьком домике в центральной части города. Поужинав куском грубой говядины, хлебом и пивом, мы ненадолго вышли прогуляться. На следующее утро мы встали рано и отправились осматривать город, который представляет собой причудливое старое место. Мы стояли на развалинах моста, который мы пересекли по сваям и доскам, в тех местах, где он был поврежден французским взрывом. С небольшого расстояния это представляло собой прелестное зрелище.

Что меня больше всего поразило в этом месте, так это то, что вся торговля города, казалось, находилась в руках немецких маркитантов, в основном евреев, которые пошли по стопам армии. Лишь немногие из жителей держали открытыми заведения для продажи товаров. В одном из таких магазинов, куда мы зашли, чтобы купить кое-какие мелочи, мы встретили дружелюбного

гражданского немца, который сказал нам, что наш лучший маршрут на восток лежит через Ланьи, за Парижем, — станцию примерно в сорока милях от Корбея, — которая находится в прямом железнодорожном сообщении с Рейном. Он добавил, что в полдень в это место должен отправиться обоз с провизией, и посоветовал нам занять места в одном из фургонов. Соответственно, мы разыскали кондуктора, пообещали ему пару талеров за проезд и обеспечили себе места в одном из наименее неудобных фургонов. Кстати, он был очень простой конструкции. Кузов, сделанный из ивняка и сужающийся к концу, опирался на тяжелую балку, которая проходила вдоль и которая, в свою очередь, опиралась на пару осей, причем верхняя часть поддерживалась стойками, идущими от основных ребер коробок колес; короче говоря, все это напоминало лодку, опирающуюся на кусок дерева, который снова находил опору на оси. Затем над головой были сплетены ивняки, покрытые брезентом, что делало это сооружение похожим на цыганскую палатку.

В этом странном повороте мы отправились из Корбейля, запряженные двумя голландскими пони; но, хотя наши лошади были свежими и энергичными, продвигались мы очень медленно, земля была скользкой, как лед. Незадолго до наступления темноты пошел сильный снег, и когда мы добрались до деревушки Бри, нашпроводник отказался идти дальше. Подковы на его лошадях были изношены, и для нас было бы слишком опасно путешествовать ночью по таким невыносимым дорогам.

Поэтому мы спустились вниз довольно неохотно, с нашими пожитками в руках; и, отправившись на поиски ночлега, если повезет, мы заметили на дальнем конце деревни вереницу повозок, похожих на ту, которую мы только что покинули. Окликнув кондуктора, мы узнали, что они тоже направлялись в Ланьи, и сразу же тронулись в путь; так что мы снова заняли свои места, на этот раз в повозке, груженной сеном, что помогло нам согреться или, по крайней мере, не дало нам основательно замерзнуть. Шел сильный снег, и к этому времени уже совсем стемнело. Мы думали, что холод ужасный. По мере того, как мы ехали, лошади, казалось, падали по очереди; но иногда наши пони падали вместе; к счастью, они не были обременены сбруей и вскоре выпрямились. И все же раз или два нам всем потребовалась объединенная изобретательность, чтобы вытащить их из веревочных петель, в которых запутались их ноги.

Над передней частью нашей повозки был подвешен фонарь, при тусклом свете которого мы едва могли разглядеть дорогу перед собой. Со временем, к нашему великому облегчению, снежная буря, продолжавшаяся несколько часов, утихла. Мы боялись, что наши лошади либо сойдут с дороги, либо сбросят нас в канаву. В одном месте я вылез из машины и протащился по снегу пару миль. Часть этой дороги огибала гребень холма, с которого мы могли видеть вспышки из фортов вокруг Парижа и отчетливо слышать грохот пушек. Несколько раз я видел поднимающуюся в небо тонкую струйку искр, которую выбрасывал запал бомб во время их полета, в то время как внезапные вспышки в воздухе, сопровождаемые громким хлопком, означали, что снаряд разорвался преждевременно.

Это было великолепное зрелище, и, решив получить наилучший обзор, я забрался на яблоню у дороги, где, стоя на коленях на огромном пучке омелы, каждые несколько минут видел выстрел, направленный с фортов, и еще один в ответ, каждый из которых оставлял за собой огненный шлейф, подобный комете. Хотя осаждающие и осажденные находились на расстоянии многих миль, я с трудом осознавал, что они не были совсем рядом. В то время я так мало понимал мощь осадных орудий и то расстояние, с которого их можно было услышать. Как бы мне ни хотелось

задержаться на этом месте, я не мог медлить; мне пришлось слезть со своей яблони и идти рысью, пока я не вернулся к своей повозке. Таков был мой второй проблеск осады Парижа, да еще ночью. В моем первом, если читатель не забыл, рассказывалось о штурме, который закончился сожжением Сен-Клу.

ГЛАВА XXVII.

ПУТЕШЕСТВИЕ В МОРОЗ.—ЗАТРУДНЕН ЭЩЕЛОН С БОЕПРИПАСАМИ.—ФЕРЬЕР.—ШАЛОНСКИЙ ЛАГЕРЬ.—КАК НЕМЕЦКИЕ ОФИЦЕРЫ ОБРАЩАЮТСЯ С ЕВРЕЯМИ.

Снежная буря утихла, но стоял сильный мороз, и дорога стала почти непроходимой. Наши лошади постоянно падали, и мы продвигались вперед действительно очень медленно. Наконец мы добрались до деревушки Шиври, которая не заслуживает названия деревни. Мы не увидели ни одной гостиницы; была глубокая полночь; и, кроме одинокой свечи в одном маленьком домике, в этом месте не было ни единого огонька. Поэтому мы постучали в коттедж. Последовали обычные переговоры; и после долгих объяснений и честных обещаний дверь открыла пожилая женщина, которая впустила нас в теплую комнату, настолько чистую и опрятную, насколько это вообще возможно, хотя все свидетельствовало о том, что хозяева жили в скромных условиях. Единственный другой обитатель дома, пожилой мужчина, был в постели. Все, что мы попросили, - это чашку кофе и матрас, чтобы прилечь, и то и другое наша хозяйка с готовностью предоставила. Что касается съестных припасов, то мы захватили с собой буханку хлеба, которую съели без промедления, затем приложились к нашим фляжкам и таким образом приготовили блюдо, которое мне, со своей стороны, понравилось больше всего, что я когда-либо ел.

Затем, сняв верхнюю одежду, мы бросились на матрасы и проспали глубоким и освежающим сном до семи утра следующего дня, когда увидели колодец во дворе, у которого совершили омовение на манер профессиональных бродяг. Покончив с этим, мы сообщили старушке, что все еще голодны, и попросили ее принести нам немного хлеба и мяса. Она вежливо ответила, что у нее нет ни того, ни другого; неприятная новость, потому что мы умирали с голоду. Я рассказал ей о наших внутренних страданиях и одновременно сунул ей в руку четыре франка, попросив накормить ее как можно лучше и как можно скорее.

Этот душок возымел свое действие. Мадам, или "буржуазка", как говорят деревенские жители, исчезла только для того, чтобы вернуться с буханкой свежего хлеба, хотя за несколько минут до этого один крестьянин заверил меня, что ни за любовь, ни за деньги ничего подобного нельзя получить. Правда заключалась в том, что нас приняли за пруссаков и обращались с нами соответственно. Через некоторое время дама объявила, что завтрак готов, упомянув, что у нее есть для нас горшочек тушеного кролика, который мы принялись разделять с буханкой свежего хлеба. Пока мы сидели, поглощая, ни один из нас не произнес ни слова; но кусочек за кусочком кролика исчезали, и мы многозначительно смотрели друг на друга, потому что в наших головах мелькнуло одно и то же ужасное подозрение, что это белое безвкусное вещество вовсе не кролик, хотя что это могло быть, мы не могли догадаться. Наша естественная история

утверждала, что это кошка, но мы не могли сказать наверняка, да нас это и не особо интересовало. Однако впоследствии я поинтересовался, водятся ли кролики по соседству, и меня заверили, что в радиусе десяти миль от него ни один не обитает.

Как раз в тот момент, когда мы мечтали оказаться в Ланьи, кто должен был проехать со своим фургоном, как не возница конвоя, с которым мы отправились из Корбейля? Несчастный случай с его фургоном задержал его в дороге, что было большой удачей для нас; и мы сразу же поблагодарили нашу хозяйку за ее двусмысленный, но сытный завтрак, погрузили наши пожитки в коляску и уехали. Это было 10 января. Путешествие по-прежнему было очень трудным, но, чтобы наш водитель не затормозил, как раньше, мы угостили его бренди и ликером из каменного кувшина, который я купил в Орлеане. Как следствие, на протяжении всего путешествия он пребывал в прекрасном расположении духа и нисколько не смущался, когда лошади падали или спотыкались.

Несколько миль нашего пути пролегали через лес Шампиньи; но здесь дорога была непроходима, потому что за несколько часов она растаяла и снова замерзла, превратив дамбу в сплошной слой льда. Везде, где мы могли, мы ехали по краям; но это была ужасно медленная работа, и сами лошади, бедные животные, были напуганы. Пока мы слонялись без дела в этом похоронном темпе, я стал свидетелем зрелища, которое никогда не забуду. Мы поравнялись с обозом боеприпасов длиной около полумили, доставлявшим всевозможные военные материалы на позиции перед Парижем. Нашу собственную повозку нам пришлось загнать за деревья для безопасности, так как лошади падали каждую минуту; и теперь, когда мы посмотрели вдоль линии, мы могли видеть на земле до десяти лошадей одновременно. Иногда два животных соскальзывали вниз бок о бок и падали снова и снова всякий раз, когда пытались натянуть свои следы. Более того, я видел, как упряжка из четырех лошадей упала одновременно, и не один раз, а дважды. Никакое описание, в самом деле, не могло бы преувеличить сумятицу этой сцены — возницы кричали, повозки буксовали, а лошади падали во все стороны; в то время как чем больше вмешивались их проводники, тем больше они падали, пока бедные животные не пришли в такой ужас, что задрожали всем телом от страха.

Земля была удивительно твердой. В одном месте я видел, как тяжелая повозка с боеприпасами, запряженная четверкой лошадей, при спуске с небольшого уклона проехала пять или шесть ярдов по дороге, а затем съехала в канаву, причем ни одно колесо не повернулось на оси. Поскольку теперь было очевидно, что они не смогут пройти через Лес, не причинив серьезного и, возможно, смертельного вреда своему скоту, мужчины начали выбирать середину дороги, по которой ступали лошади, и рассыпать по ней угольную пыль, которую они специально носили с собой. Это сделало дорогу достаточно проходимой, чтобы позволить поезду продвигаться вперед. Но, между тем, прошло около двух часов, прежде чем мы в составе колонны смогли двинуться в путь, хотя, когда мы это сделали, мы загрохотали дальше с бешеной скоростью. Время от времени мы встречали отряды недавно организованной кавалерии — табуны лошадей вели на поводу; и я был готов поспорить на что угодно, что некоторые из этих скакунов были ирландского происхождения. Люди и лошади направлялись на фронт, чтобы заменить искалеченных, убитых и раненых, а также пополнить аналогичный контингент.

Рано утром мы прибыли в Ферьер, где, так сказать, пообедав, нанесли визит в великолепный замок месье де Ротшильда. Никем не замеченные и беспрепятственные, мы бродили по этим прекрасным владениям, восхищаясь красотой дома и территории, которые, как известно всему

миру, не опозорили бы обитель королевской семьи. Особняк из тесаного камня, террасы с мраморными статуями, цветники, кустарники, конюшни — последние сами по себе были чудом — все находилось в прекрасной сохранности. Ни к одной палке или камню во всем этом месте пруссаки не прикасались, и ни один солдат не ступал по нему ногой. Таково было удовольствие Вильгельма I. который поселился здесь, таково было почтение, оказываемое финансовым королям Домом Гогенцоллернов!

Мы снова двинулись в путь, но прошли всего полмили, когда наткнулись на обоз осадных орудий, некоторые из которых были запряжены шестеркой лошадей. Они направлялись в Париж и должны были там служить. Я заметил, что некоторые из ружей поменьше были сделаны из меди и блестели на солнце, как золотые.

Местность, по которой мы проезжали, была очаровательно лесистой и выглядела довольно привлекательно в своем снежном одеянии. Когда мы прибыли в Ланьи, была ночь. Когда мы потребовали, чтобы нас разместили, нас направили в кают-компанию для больных офицеров, расположенную в верхней части здания участка, где у нас должно было быть достаточно места. Там мы встретили двух наших друзей, расквартированных в Орлеане. Они тоже были на пути из Франции, и мы решили устроить вечеринку. В четыре часа следующего утра нас вызвали двое солдат, и в пять мы тронулись в путь. В вагоне было несколько офицеров, от которых мы с Шеруэллом получили всяческую любезность. Миновав Мо, мы прибыли в Эперне, а позже пересекли большой лагерь в Шалоне, который теперь представлял собой обширную избитую равнину огромной протяженности. Через Витри и Шомон мы добрались до Туля и Нанси, из укреплений вокруг которых нам открылся превосходный вид, в особенности из Нанси, где мы на некоторое время остановились и смогли осмотреться.

Однако ни одно из этих мест не представляло для меня такого большого интереса, как маленький городок Люневиль. Я ничего не знал о знаменитом договоре, заключенном там Первым консулом, и никогда не слышал ни о дворе короля Станислава, ни о Вольтере и мадам маркизе дю Шатле в связи с этим; я просто любовался видом. Люневиль расположен на холме, и некоторые из его укреплений возвышаются над крутым обрывом, который служит естественной защитой примерно на трети его протяженности. С железной дороги, проходящей по равнинной местности ниже города, он казался неприступной твердыней; ибо там, где отсутствовали естественные защитные барьеры, были огромные насыпи, глубокие рвы и крутые искусственные откосы. К тому же живописное место. Поверхность утеса и старые стены с башенками были увиты плющом, под холмом протекал широкий ручей, который на самом низком склоне со всех сторон был густо поросшим лесом, — а теперь представьте все это покрытым свежевывпавшим снегом, и перед вами откроется такая же прелестная картина, какой я ее помню.

Недалеко от города мы миновали мост, который был взорван, но теперь восстановлен на деревянных сваях. Он был разрушен не регулярной армией, а бандой франков-тиреров. Это я узнал от одного из офицеров, который знал все об этом месте.

Я с восхищением осматривал Ферьер, дворец франкфуртского еврея, тем более что по приказу пруссаков он пользовался уважением как святилище. Однако именно во время этого же путешествия я стал свидетелем инцидента, в котором еврей был героем или жертвой, который

поверг меня в изумление, как, возможно, и моих читателей, которым посчастливилось не быть знакомыми с обычаями Отечества. Я часто слышал, как мои немецкие друзья говорили о евреях с величайшим презрением, но до сих пор я не осознавал всей глубины этого чувства.

В железнодорожном купе, в котором я ехал, все были немецкими офицерами, кроме меня и одного гражданского. Последний вошел на придорожной станции и сел в самом дальнем углу напротив меня. Мои спутники без промедления начали немилосердно подтрунивать над ним, все время называя его Леманном. Это был невысокий, низкорослый человек, по телосложению и чертам лица израильтянин, и ему было не больше двадцати пяти. Поведение его попутчиков, казалось, не вызывало у него никакого беспокойства; когда они отпускали в его адрес свои язвительные шуточки, он оглядывал их своими острыми глазами, но не шевельнул ни единым мускулом.

Я спросил стоявшего рядом со мной офицера, который хорошо говорил по-английски, как получилось, что они узнали имя этого незнакомца. Он объяснил, что "Леманн" - обычное название еврея в их языке, продолжая описывать, как сильно ненавидели сыновей Якоба по всей Германии; и, со своей стороны, он считал их мерзкой ордой, которая прибирает к рукам все, что может быть захвачено, способом, который мы, англичане, не способны себе представить. Офицеры, добавил он, все выходили выпить пива на следующей станции, и в качестве иллюстрации он хотел показать мне, что за люди были эти евреи; и, произнося эти слова, он снял свои мохнатые перчатки на меховой подкладке и бросил их через весь вагон нашему человеку в углу, заметив: "Вот, Леманн! сегодня холодный день". Еврей нетерпеливо схватил перчатки, которых ему не хватало на застёжке, и натянул их. Когда мы приближались к вокзалу, офицер, который бросил в него перчатки, снял с него меховой коврик и бросил его еврею. Он снова принял оскорбительный подарок и быстро завернулся в ковер. Наконец, третий сбросил свой военный плащ и набросил его на спину еврея, когда тот выходил. Это, опять же, надело несчастное создание, и их отсутствие в буфете оставило его на следующие десять минут в покое.

Вскоре прозвучал сигнал, и наши немцы вернулись. Один схватил его плед, другой - плащ, и, наконец, мой первый знакомый одним бесцеремонным рывком вырвал свои перчатки из кротко протянутых пальцев Леманна. Мое собственное лицо, я думаю, должно было покраснеть от негодования; но остальные только посмеялись над моим чрезмерным проявлением чувств; а Леманн, пожав плечами, - но только из-за внезапной смены температуры, когда с него сняли халат, — достал из кармана маленькую книжечку с красным шрифтом, которую начал читать задом наперед, и, закатав рукав пальто, начал разматывать длинный шнур, обмотанный вокруг его запястья и предплечья до локтя. Время от времени он останавливал разматывание и молился с поразительным рвением, затем снова разматывал веревку, и так далее, пока все не развязывалось. На какое-то время офицеры возобновили свои насмешки, но, видя, что это все равно что вода о камень, они сменили тему разговора и позволили несчастному еврею беспрепятственно продолжать свои богослужения, пока он не вышел в Страсбурге.

Что бы сделали эти офицеры, если бы ехали в одном железнодорожном вагоне с господином де Ротшильдом?

ГЛАВА XXVIII.

СТРАСБУРГ ПОСЛЕ ОСАДЫ. —ВДОЛЬ РЕЙНА.—ДОМОЙ И СНОВА В ВЕРСАЛЬ.—КАПИТАН БРЭКЕНБЕРИ.—Я ТЕРЯЮ СВОИ ДОКУМЕНТЫ И ДОЛЖЕН ПОЛУЧИТЬ НОВЫЕ.

В половине десятого мы прибыли в Страсбург и разместились все вместе в самой центральной части города, в гранд-отеле, где у нас были самые лучшие условия проживания. Там было расквартировано около тридцати офицеров, с которыми мы общались. Вечером я прогуливался по самым оживленным улицам. Они были ярко освещены; магазины были открыты, и, казалось, вокруг царили суэта и деловые отношения, как будто мы находились в сердце мирной страны и никакой осады Страсбурга только что не было.

Однако вскоре я узнал, что значительная часть жителей относилась к немцам отнюдь не с дружескими чувствами.

На следующее утро, 12 января, мы шестером отправились осматривать город. Мы посетили прекрасный старый собор и около часа бродили по нему, рассматривая каждую деталь, насколько позволяло время. Одной из главных достопримечательностей были его знаменитые часы, которыми я был вполне готов восхищаться; но сложные детали и любопытные характеристики этих замечательных часов слишком хорошо известны, чтобы нуждаться в описании. Когда Шеруэлл и я расстались с нашими спутниками, мы отправились осмотреть руины великой Библиотеки и Театра, которые были сожжены дотла во время осады.

Наш ужин вечером был великолепно сервирован во французском стиле и с большим количеством вин.

На следующее утро Шеруэлл, я и двое наших старых попутчиков зафрахтовали просторный фургон, в котором мы отправились в путь, полные решимости увидеть все, что сможем, в Страсбурге и его окрестностях. Сначала мы проехали через ту часть города, которая была разрушена осаждающими, — унылая, но интереснейшая экскурсия. Насколько я мог судить, примерно пятая часть пригородов была разрушена. Когда я говорю "разрушен", я не имею в виду, что он просто остался без крыши и окон, — это могло произойти в результате огромного пожара; но целые улицы превратились в длинные кучи камней с интервалом в несколько ярдов между ними, которые отмечали место, где раньше проходила проезжая часть. Ничто не могло бы дать более яркого представления о последствиях бомбардировки в наши дни. Даже там, где снос был не таким полным и где были унесены только части дома, зрелище было ужасающим. Часть мебели все еще оставалась на своих местах на полуразрушенном полу, поскольку находилась слишком высоко, чтобы до нее можно было легко дотянуться, или не стоила того, чтобы ее убирать.

Это было второе издание "Базейля", гораздо более масштабное. Я считаю, что один из лучших рассказов о том, что происходило во время осады, можно прочитать в романе Ауэрбаха на эту тему "*Вальдфрид*".

Побродив пару часов по руинам, мы выехали за пределы города. Затем мы вышли, и один из наших спутников, капитан артиллерии, прошедший через осаду, выступил нашим проводником и разъяснил нам все подробности. Прогуливаясь вдоль укреплений, мы подошли к огромной бреши в парапете, которая решила судьбу Страсбурга. Она была огромной, и уже сотни людей

трудились над ее ремонтом; но в интересах Германии, а не Франции, из-под власти которой город перешел, кто знает, на сколько лет? Дальше мы увидели вторую брешь, не такую широкую, как первая. Теперь мы прошли значительное расстояние по параллелям и стрелковым окопам и посетили захваченные французские люнеты, которые, по-видимому, представляли большой интерес для моих военных друзей. Любопытный факт, который я узнал об этой осаде, заключался в том, что среди гарнизона города погибло сравнительно меньшее число человек, чем среди мирных жителей, которые встретили свою смерть на улицах от разрывов снарядов. Об этом мне рассказали несколько человек, которые присутствовали при этом и которые, вероятно, были хорошо информированы.

Когда мы изучили различные свидетельства горных работ во время этой памятной блокады, был уже почти вечер. Мы вернулись в наш отель, преисполненные восхищения мастерством тех, кто не только разработал, но и успешно осуществил эти сложные планы по приближению, штурму и захвату крепости с такой мощной защитой. Несомненно, кампании 1870 года на открытой местности и вокруг исторических крепостей Франции представляют собой примеры науки, мужества и выносливости, сравниться с которыми будет нелегко, а возможно, и невозможно превзойти в будущем.

14-го я встал рано, вышел сделать кое-какие покупки, вернулся домой, собрал вещи и отправился со станции. Мы пересекли Рейн по прекрасному мосту в Кель, сели в новый поезд и отправились на север. Мы проехали Карлсруэ и Гейдельберг, в последнем из которых остановились на двадцать минут; и вскоре после того, как покинули его, оказались в районе выращивания хмеля, где не было видно ничего, кроме стога хмеля; мы также проезжали через обширные виноградники, но пока что лишь изредка видели вдали Рейн.

На протяжении части нашего путешествия мы огибали крутые горные барьеры, которые временами возвышались над нами своими непроходимыми массивами елей, в другие моменты, густо присыпанные снегом и покрытые инеем, ослепительно сияли на солнце, как будто их осыпали серебряной пылью, в то время как тут и там выглядывали заснеженные башни какого-нибудь старого замка или баронского дворца. Я не претендую на то, что эти холмы выглядели бы как-то чудесно, если бы они не были покрыты снегом, и если бы ледяная пленка, образовавшаяся на елях из-за густого тумана предыдущей ночью, сначала не превратилась в слезы, а затем намертво замерзла, покрыв деревья бриллиантами, которые сверкали на солнце. Эти украшения, действительно, придавали им вид сказочной страны.

По прибытии в Дармштадт я попрощался с Шеруэллом и моими попутчиками, которые направлялись в Гамбург, и сел на поезд до Майнца. Было уже очень поздно, когда я добрался туда, и я заночевал в Железнодорожной гостинице; поскольку, имея пропуск больного офицера, я мог прервать свое путешествие, где мне заблагорассудится, что было большим удобством, помимо того, что это был дешевый способ передвижения. Мне практически нечем было платить; достаточным основанием для меня был пропуск с королевской печатью, который я предъявлял спрашивающим чиновникам.

Майнц - это неинтересно. Я выехал на следующее утро так рано, как только мог, мне пришлось ждать в Кобленце и Бонне, чтобы пропустить несколько специальных воинских эшелонов, и я добрался в Кельн только во второй половине дня. Рейнский пейзаж, который иногда открывается из поезда, очень красив; но так или иначе, это стало главным разочарованием моего путешествия. Это не оправдало моих ожиданий, и я испытал гораздо большее

наслаждение, увидев непревзойденные красоты нашего родного Килларни и реки Блэкуотер. Но я еще не поднимался вверх по Рейну на пароходе, а это совсем другая экспедиция, чем та, в которую я только что отправился.

Из Кельна, который я исследовал за несколько часов, я отправился через Экс-ла-Шапель в Льеж. В отеле "Европа" мои апартаменты казались удобными, но у меня больше не было свободного жилья, и я мог считать, что нахожусь на территории врага.

Было 16-е, и я отправился навестить своего друга Веркура, у которого провел вторую половину дня. Затем через Остенде, Лондон и Холихед я продолжил свое путешествие и прибыл в Дублин утром 19-го, а 22-го был дома в Скартине.

Мой отпуск был оформлен на месяц, но через восемь дней после моего приезда пришла телеграмма от доктора Пратта, в которой говорилось:

"Я возвращаюсь завтра; поезжай в Версаль как можно скорее, найди "Скорую помощь" и присоединяйся к ней".

У меня не было другого выхода, кроме как собрать вещи и отправиться в путь на следующий день, что я и сделал утренним поездом 31 января. Добравшись до Лондона, я зашел в помещение Английского общества на Трафальгарской площади и доложил о себе полковнику Ллойд Линдсею. Мистер Пирс, секретарь, познакомил меня с капитаном Берджессом; и я встретил там моего *собрата*, доктора Фрэнка, который сердечно приветствовал меня и отправил множество нежных посланий своим бывшим коллегам. Следует помнить, что доктор Франк был начальником того отделения нашей скорой помощи, которое имело больницы в Балане и Базейе, а затем обосновалось в Эперне, где проработало несколько месяцев, прежде чем было расформировано.

Получив все необходимые документы и удостоверения личности, я направился от Лондонского моста в Ньюхейвен. Когда я брал билет, я встретил капитана Брэкенбери, который сказал мне, что он такженаправляется в Версаль, чтобы присоединиться к штаб-квартире наследного принца, что у него есть личный экипаж в Дьеппе, он собирается проехать весь путь и охотно уступит мне место. Я с радостью принял это любезное предложение и был рад, что в моем путешествии был такой интересный и опытный хозяин. В Ньюхейвене, когда мы переправлялись ночью, мы сразу же легли на свои койки и спали до тех пор, пока стюард не окликнул нас в виду Дьеппа.

Поднявшись на палубу, я обнаружил, что утро было чудесным, теплым и добродушным и совсем не походило на ту погоду, которая стояла у нас в последнее время. Приближаясь к Дьеппу в лучах утреннего солнца, мы могли видеть блестящие штыки вездесущих прусских часовых. Они расхаживали взад и вперед по пирсу, как нам показалось, в агрессивной, если не сказать, угрожающей манере. Признаюсь, это зрелище поразило меня: перед нашими глазами все еще стояла картина Англии, а эти честолобивые воины казались слишком близко. Я почувствовал, что мне хотелось бы взять их за шиворот и сбросить в море. Я не мог удержаться, чтобы не сказать капитану. Брэкенбери, что мне захотелось спросить их, на что они смотрят по ту сторону Ла-Манша.

Но, как он сухо заметил, их ответ мог заключаться в том, что они разглядывали маленькую островную крепость в открытом море — сущее пятнышко в творении по сравнению с великой

Германской империей, которая только что была провозглашена в Версале. Он был прав; и мы уже вели беседы на эту тему в Орлеане, которые я хотел бы изложить, если бы мое место быстро не заканчивалось.

Экипаж, в котором мы ехали из Дьеппа, представлял собой большое и удобное ландо, из которого мы могли беспрепятственно обозревать окрестности.

Погода теперь была мягкой и ясной, снег сошел, и наше путешествие превратилось в сплошное удовольствие. Но во время путешествия между Мантом и Сен-Жерменом, когда я выходил из экипажа, чтобы подняться на крутой холм, я имел несчастье потерять из кармана пальто все свои пропуска, удостоверения личности и другие документы, которые я носил с собой. У ворот Сен-Жерменского леса вышел прусский унтер-офицер и потребовал наши документы. У меня не было ни единого документа, который удовлетворительно объяснял бы мое пребывание там; и я, несомненно, был бы арестован и отправлен к коменданту Версаля под конвоем, если бы капитан Дж. Брэкенбери заверил дежурного офицера, что видел документы, о которых идет речь. Так получилось, что я показал их ему в то самое утро. Это удовлетворило охранника, и мне разрешили пройти; но вряд ли нужно говорить, что я испытывал крайнюю неловкость из-за дела, в которое попал, и думал, что мои путешествия по долине Сены всегда обречены на неудачу. В прошлый раз меня арестовали франки-тиреры; теперь настала очередь пруссаков.

Добравшись до Сен-Жермена, мы пообедали, несмотря на мои утерянные документы, и посетили дворец и Булонский лес, с террасы которого открывается такой великолепный вид на Монт-Валерьян и один или два других форта. Пока мы оглядывались по сторонам, среди солдат поднялся настоящий переполох, граничащий с возбуждением. Короля Вильгельма, ныне императора Германии, и наследного принца ожидали с минуты на минуту из Версаля, и дорога была заставлена пехотой и кавалерией, чтобы встретить их. Но мы прождали час, а его Императорское Величество так и не прибыл, поэтому мы продолжили наше путешествие в Версаль.

Там я оставил капитана Брэкенбери в частном доме, где остановились он и доктор Рассел, корреспондент "*Таймс*"; и, поблагодарив его за большую доброту, я попрощался с ним. Это был последний раз, когда я его видел. Было бы трудно отдать должное характеру этого благородного солдата; более щедрого сердца или более милосердного нрава я никогда не имел чести знать.

Теперь моим делом было искать жилье, я больше не мог запросить его у мэра, так как потерял все свои документы. Заняв себе нишу, я решил зайти в отель "Резервуар", где, как я знал, я найду принца Плесса или кого-нибудь, кто узнал бы меня, и получить эти важные свидетельства. В качестве представления я заглянул в контору Военно-санитарных складов и поинтересовался, все ли военнослужащие Англо-Американского корпуса были доставлены в Орлеан или нет. Это была счастливая мысль, поскольку они сообщили мне, что все требуемые мной подробности будут предоставлены майором де Хэвлэндом на улице Сервуар, мальтийским рыцарем, о котором я упоминал как о гостившем у нас в Сент-Луисе. Euverte. Это было то, чего я хотел. Я немедленно отправился к майору, и он пообещал встретиться с комендантом этого места и объяснить все дело. Таким образом, благодаря его любезному вниманию, на следующий день мне выдали необходимые бумаги, и в тот же вечер я нанял машину в Этамп, откуда мог добраться до Орлеана поездом.

ГЛАВА XXIX.

СНОВА В ОРЛЕАНЕ.—ПОДПИСАН МИР.—ЛЕГКИЕ ВРЕМЕНА.—ОТПРАВЛЯЕМ ВЫЗДОРАВЛИВАЮЩИХ.—МАШИНА СКОРОЙ ПОМОЩИ СЛОМАЛАСЬ.

Мне пришлось подкупить кучера, которого я таким образом нанял дополнительным наполеоном, так как он боялся, что его двуколку и лошадь заберут; но когда я показал ему свои немецкие документы, он понял, что находится в безопасности. Соответственно, я выехал засветло и после приятного путешествия прибыл в Этамп вечером, достаточно быстро, чтобы избежать ужасного ливня и сесть на ночной поезд до Орлеана.

Поезд был битком набит крестьянами, у некоторых из которых не было билетов, и было забавно наблюдать за уловками, к которым они прибегали, чтобы спрятаться от немецкой охраны. Этот парень был слишком добродушен и безразличен, чтобы притворяться, что видит их, хотя все это время знал, где они находятся, о чем я мог судить по блеску в его глазах, когда их выдавали скорчившиеся фигуры. Для него это ничего не значило, и он оставил их в заблуждении, что они оказались на слепой стороне своего пруссака, — притча, которая могла бы послужить описанием всей французской тактики во время войны!

Когда я прибыл в Орлеан, была почти полночь, и, поскольку на конечной остановке не было машин, мне пришлось тащиться через весь город к набережной Шатле, где дверь мне открыл наш верный Турко Жан. Этот варвар, взволнованный при виде старого друга, взвизгнул от восторга и произнес много непонятных слов на жаргоне, сопровождаемых низкими поклонами, благоговениями или саялами, которые, я полагаю, являются ортодоксальным способом приветствия, принятым мусульманами.

Войдя в нашу общую гостиную, я услышал радостные возгласы моих *коллег*, которые самым сердечным образом приветствовали мое возвращение. Признаюсь, я почувствовал удовлетворение и гордость от этой спонтанной вспышки добрых чувств.

Негр Чарли, который последние десять минут улыбался от уха до уха, теперь исчез, а по прошествии четверти часа вернулся, неся в руках историческую чашу с пуншем. Это было его приветствие, и в нем не было ничего недоброго.

На следующее утро я отправился навестить своих пациентов в монастыре Нотр-Дам-де-Ревранс. Мать Полин, сестра Леопольдина и другие сестры приветствовали меня в палатах, а Генри Шредер плакал так сердечно, что мне пришлось списать это на слабость, от которой он страдал. Юный Рюдигер заплодировал, Киркхоф захлопал в ладоши, и все мои пациенты выглядели довольными, что, как я упоминаю, само по себе приносит мне истинное удовлетворение и показывает, на какую награду может рассчитывать врач, старающийся выполнять свой долг.

Я продолжал осматривать других пациентов, среди которых были двое на улице Бурдон Блан. Одному из них была произведена резекция коленного сустава - операция, при которой были удалены оба конца костей голени и бедра, которые участвуют в формировании коленного сустава, при этом конечность в остальном осталась неповрежденной. В то время это была

довольно редкая операция, и ее провел доктор Нуссбаум из Мюнхена, который затем передал больного на мое попечение. Конечность подвешивалась на передней подвешной шине, которая была усовершенствована доктором Мэй по сравнению с американской шиной Смита. Это был случай, которым доктор Нуссбаум проявил глубокий интерес, и он неоднократно спрашивал меня о его ходе.

Через один или два дня я снова погрузился в рутину и плавно двигался по старой колее, которую оставил на столь короткий, но насыщенный событиями период. Прошло уже несколько недель, и не было ничего достойного описания, если я могу судить по пробелам в моих записях. Работать стало легче, и с моими пациентами, хотя и разбросанными по городу, становилось все меньше хлопот по мере приближения к выздоровлению.

Теперь у нас было много свободного времени. Перемирие продолжалось, а новых раненых не поступало. Тем не менее, мы не были уверены, что военные действия не возобновятся, пока днем 26 февраля до нас не дошли новости о подписании мира. Да, мир был подписан! Радостная весть быстро распространилась по городу, и восклицания и молитвы радости и благодарности были у всех на устах; и было нелегко понять, кто больше обрадовался этому известию - горожане или гарнизон. Действительно, перемена, произошедшая с обликом города за какой-то час, была поразительной. Гражданские лица носились по улицам, самым неистовым образом пожимая руки тем немецким солдатам, которые до сих пор были их смертельными врагами, в то время как солдаты сердечно отвечали на эти дружеские порывы со стороны своих побежденных врагов. По мере приближения вечера радостные возгласы и смятение усиливались, и улицы были запружены разношерстным сборищем солдат и местных жителей. Власти, похоже, тоже не возражали; более того, все военные оркестры в городе вышли и прошлись взад и вперед по главным улицам, исполняя популярные французские песни и даже "Марсельезу".

Было забавно и трогательно видеть эти величественные шествия, оркестры впереди и длинные шеренги французов и пруссаков, взявшихся за руки, марширующих примерно по четырнадцать человек в ряд и попадающих в такт музыке. Таким образом, за один час воспоминание о вчерашнем дне, казалось, совершенно стерлось. Когда я шел за одним из оркестров и слушал волнующие мелодии, которые они исполняли, я заметил в толпе белую фигуру, и каково же было мое изумление, когда я обнаружил, что это был Негр Чарли! Все еще в своем белом кухонном костюме с белыми рукавами и бумажной шапочке, он выделял всевозможные шалости и ухмылялся на потеху подросткам, которые толпились после процессии.

Теперь наши обязанности стали настолько легкими, что я мог выполнять всю свою работу за пару часов, и, как правило, остаток дня был предоставлен самому себе. На этот раз я занимался конными и пешими экскурсиями по всем достопримечательностям соседней страны. Я всегда мог взять лошадь у конюшего скорой помощи, когда мне хотелось. С наступлением марта погода стала хорошей, и я отправился верхом в Жьен, Шевилли, Патэ и Кульмье; но особенно меня привлекали Оливе и его окрестности, а также живописный источник Луаре. Доктор Уоррен, который, как и я, предпочитал пешие прогулки верховой езде, часто сопровождал меня в этих экскурсиях.

Но время шло, и мы оказались в марте, а вместе с ним и мартовская погода. Теперь я познакомился с мисс Пирсон и мисс Маклафлин, которые рассказали мне волнующий рассказ о себе и своих действиях во время сражений под Орлеаном; поскольку монастырь, полный раненых, за который они отвечали, находился в пригороде. Пережитые приключения и работа, проделанная этими энергичными английскими леди, были превосходно описаны в книге, рассказывающей об их опыте во время кампаний 1870 и 1871 годов. Нельзя слишком высоко ценить неутомимое рвение и героическое самопожертвование, которые они всегда проявляли при выполнении своей миссии в условиях, которые постоянно были самыми тяжелыми.

3-го числа доктор Пратт, который некоторое время назад вернулся из штаб-квартиры в Версале, объявил нам, что наша миссия окончена, и теперь он должен нас распустить. Однако мы договорились не расставаться, пока не доберемся до Парижа, куда должны были отправиться через несколько дней. Там мы должны были встретиться с доктором Дюплесси и руководителями французской службы скорой помощи, в руки которых мы могли бы передать лошадей, повозки *илазареты*, которые мы первоначально получили от них во Дворце промышленности. Мы хотели также в присутствии вышеназванного джентльмена дать отчет о нашем руководстве в той мере, в какой это касалось ухода за французскими ранеными, находившимися на нашем попечении. Соответственно, были сделаны все необходимые приготовления к началу. Я отослал раненых, которые были у меня на руках, включая бедного Генри Шредера, который сказал, что, поскольку я должен уйти, он тоже уйдет. Я приказал перевезти беднягу в паланкине через весь город к его железнодорожному вагону. Когда мы расставались, он проливал горькие слезы.

У меня были серьезные опасения за конечный успех его дела, потому что его рука сильно гноилась; и у него был тот обманчивый лихорадочный вид, который, как я теперь узнал, был столь неблагоприятным симптомом. Впоследствии мне было больно услышать от его брата, что мои предчувствия подтвердились и что Генри умер вскоре после возвращения домой.

4 марта мы закончили почти все наши приготовления, и наш добрый хозяин Пруст, казалось, был безутешен из-за потери Уоррена и меня, к обоим из которых он проявлял родительскую привязанность. Но мое время покидать Орлеан еще не пришло.

ГЛАВА XXX.

Я ЗАБОЛЕВАЮ ЛИХОРАДКОЙ.—НЕМЦЫ ПОКИДАЮТ ОРЛЕАН.— МОЙ БРАТ ПРИЕЗЖАЕТ ИЗ ДОМА.—КОНЕЦ МОЕМУ ОПЫТУ ПОЛЕВОГО ХИРУРГА.

Однажды ясным вечером, прогуливаясь по берегу Луары, я почувствовал смертельную тупую боль в затылке и спине. По возвращении боль стала такой сильной, что я был вынужден сразу лечь в постель. Всю ночь и следующий день я чувствовал себя очень плохо, и послали за доктором Бугле. Он объявил, что у меня лихорадка, какого рода, он не мог точно сказать; но поскольку в Орлеане была распространена оспа, он опасался, что это могло быть именно так. Впоследствии он пришел к выводу, что это была низкая температура брюшного тифа.

6-го числа я действительно почувствовал себя очень плохо, и, кроме смутных воспоминаний о том, как я попрощался с моими *коллегами*, и сознания того, что мои старые друзья Уоррен и Хейден постоянно находились у моей постели, я мало что могу вспомнить из того, что происходило вокруг меня в течение следующих двух недель.

Через несколько дней все сотрудники англо-американской "скорой помощи", которые были моими друзьями и компаньонами на протяжении всей этой авантюрной кампании, отправились в Париж. Итак, я жил в доме № 12 по Рю Рояль, вдали от дома, измученный опасной болезнью. Тем, кто читает это, может показаться, что я был одинок и без друзей. Но это было не так. Ибо никакая отцовская забота не могла бы быть более нежной, никакая материнская забота - более щедрой, чем та, которой одарили меня месье и мадам Пруст, с одной стороны, и, с другой, мой ангел-хранитель и няня, сестра Берта из Собора Парижской Богоматери.

В течение пяти долгих недель эта неутомимая женщина не отходила от моей постели ни днем, ни ночью, за исключением интервала в час или около того. Она работала под моим началом в госпиталях, ухаживая за ранеными в течение многих месяцев; и ее ценной и умелой помощи я обязан любому успеху, который мог сопутствовать моим усилиям по оказанию помощи пациентам в этих палатах. Теперь эта добрая сестра увидела меня, незнакомку, но соратницу по тому же делу, убитую в конце кампании; и она одарила меня, как обычно одаривала их, с тем изяществом манер и лучезарной добротой, которые отличали все, за что она бралась, таким же преданным вниманием. Для меня было привилегией болеть в ее руках. Я многому научился у нее; и я был бы поистине неблагодарен, если бы забыл уроки, которые ее утонченность, самопожертвование и неутомимый добрый нрав запечатлелись в моем уме и сердце в течение тех недель.

Доктор Бугле приходил и уходил, иногда нанося повторный визит в тот же день. Очевидно, он считал мой случай серьезным. Примерно через десять дней после начала моей болезни я стал настолько тупым и вялым, что следующие две недели ничего не помнил, за исключением того, что во время одного из моих просветлений я увидел у своей постели Хейдена, Паркера и Уоррена, причем первые двое приехали из Парижа специально для того, чтобы повидаться со мной. Уоррен оставался до тех пор, пока мне не стало лучше, и написал за меня домой. Он закончил свое письмо, но едва не получил от меня адрес, настолько слабым был мой разум в то время. Хейден, на вопрос одного из горожан о шансах моего выздоровления, ответил, что со мной все кончено. Сестра Берта тоже написала Скартин от моего имени, но я сам ничего подобного сделать не мог.

Примерно на четвертую неделю я полностью пришел в сознание и с каждым днем становился все сильнее; но это мало о чем говорило, потому что я не мог ни повернуться в постели, ни поднять руку. Я был просто кожа да кости и раньше удивлялся, как это костяшки моих пальцев не проходят сквозь кожу. Когда я посмотрел на свои конечности, я начал плакать, как ребенок, и эта потеря контроля над своими чувствами была для меня особенно мучительной. Они никогда не позволяли мне видеть себя в зеркале, пока я не продвинулся далеко на пути к выздоровлению; и тогда я увидел то, что больше походило на труп, чем на меня живого, и был сильно ошеломлен. Когда им разрешали говорить, они проводили много часов в приятной беседе с мадам и месье Прустом, а также с сестрой Бертой, которая всегда была интересной и оживленной собеседницей. Она молилась вместе со мной, читала мне как серьезные, так и

забавные книги и посвящала меня в секреты науки, в которой она была мастером. Она приносила мне цветы и фрукты по моему желанию. Так проходили недели, и с помощью таких хороших друзей они были достаточно приятными.

До того, как в моем мозгу прояснилось, я представлял, что вижу дома нескольких своих друзей и разговариваю с ними. Эти люди также не были призраками. Потому что я разговаривал с теми, кто случайно навестил меня, чтобы узнать, как у меня идут дела. Обнаружив свою ошибку, я с горечью ощутил ее, но вскоре сеньора Берта снова привела меня в хорошее расположение духа. Я еще мало говорил о моей хозяйке, мадам Пруст, не потому, что она в чем-то нуждалась, - на самом деле это далеко не так. Эта добрая леди предоставила свой дом и все, что в нем было, в мое распоряжение и была самым приятным и отзывчивым другом. Иногда, вернувшись со своей прогулки по городу, она рассказывала мне о людях, которые справлялись обо мне, что было таким же удовольствием и помощью для выздоравливающего.

Как раз на этой стадии моей болезни немцы эвакуировали Орлеан. Я хорошо помню, как слышал, как последний из их оркестров играл в одном направлении, в то время как французы наступали в другом. Через некоторое время за этим последовали неистовые радостные крики, грохот музыки и топот солдат — топот, который, как я знал, сильно отличался от размеренной поступи, которую я слышал час назад. Так пришла и ушла вторая немецкая оккупация Орлеана — эпоха в жизни тех, кто принимал в ней какое-либо участие, которая неизгладимо запечатлелась в их памяти.

Время шло, и меня перенесли в кресло у открытого окна, где я обычно оставался по несколько часов каждый день, когда позволяла погода, обложившись подушками и укрывшись от холода. Многие прохожие, казалось, считали, что на меня стоит посмотреть, потому что многие останавливались в очень французской манере, чтобы посмотреть на меня снизу вверх. Это было всего лишь любопытство, и ни в коем случае не грубость. Наконец я смог выйти, или, скорее, прихрамывать; и в течение первых нескольких дней у меня было достаточно дел, чтобы удержаться на ногах, пожимая руки многим добрым и дружелюбным горожанам, которые выходили мне навстречу. Я заходил в один магазин и отдыхал там несколько минут, а затем двигался на несколько дверей дальше. Так я проводил по несколько часов каждый день. Многие из наших старых друзей и знакомых из скорой помощи также пришли навестить меня. Могу искренне сказать, что доброте, с которой я встречался со всех сторон, не было конца.

Однажды я пошел в церковь Сент-Эньян, которая находится в конце набережной Шатле, чтобы послушать торжественную мессу за возрождение Франции, на которой присутствовала *элита* Орлеана. Я устроился на стуле в дальнем конце церкви, и вскоре церемония началась процессией. Когда он проходил мимо меня, из рядов вышел священник и, взяв меня за руку, повел вверх по церкви и, к моему великому замешательству, указал мне на одно из мест в Святилище. Я никогда не видел священника ни до, ни после.

Когда я оглядываюсь назад, на те дни испытаний и болезни, и на то, как я лежал на той кровати, не в силах пошевелить ни рукой, ни ногой, я вспоминаю, какая тоска охватила меня при виде хоть одного знакомого лица, хотя бы на несколько минут. Человек все еще был молод; и я воображал, когда моя голова была зарыта в подушку, что если бы я мог сказать всего несколько слов своей матери или кому-нибудь еще дома, этого было бы достаточно, чтобы вылечить меня.

До тех пор я никогда не подозревал, как сильно люблю свою родную землю, и не осознавал глубокой привязанности моего сердца к этому маленькому местечку, называемому домом, и ко всем этим дорогим друзьям, живущим в нем.

Мало-помалу я пришел в себя. Я часто выезжал с мсье Прустом в его прекрасный маленький загородный дом недалеко от Оливе и осматривал дома с камелиями и апельсиновые рощи, все они были под стеклом, в тамошнем большом замке. Но во время моего выздоровления событием дня была утренняя почта, которая приносила мои письма и газеты, каждую строчку которых я читал и перечитывал с величайшей жадностью, пока не выучил их наизусть. В частности, одно письмо от моего большого друга было настолько забавным и оказало на меня такое оживляющее действие, что я перечитал его, наверное, раз двадцать, и в последний раз смеялся так же сильно, как и в первый.

Врач строго-настрого запретил мне писать, но, несмотря на его предписания, я упросил сестру БERTУ дать мне перо и чернила. Ее ужас был велик, когда она увидела, что я теряю сознание от напряжения. Одно письмо я написал своей матери, держа руку на бумаге, лежащей передо мной на столе; так что мне оставалось только, так сказать, сформировать буквы. Раньше я писал одно-два предложения каждый день и поэтому постепенно собирал их воедино. Я составил несколько банальных и неинтересных постановок и отправил их домой в большом восторге от успеха моего выступления. Я и предположить не мог, насколько они будут поражены, получив эти любопытные послания, некоторые из которых впоследствии вернулись ко мне в руки. Они решили послать моего брата Артура забрать меня домой; и он немедленно отправился в Орлеан, где его сердечно приветствовали месье и мадам Пруст и другие мои друзья.

В качестве приложения я привожу отрывок из дневника, который вел мой брат, о впечатлениях, произведенных на нас обоим посещением поля Кульмье.

Это был мой последний просмотр сцен, в которых я принимал участие.

Мой брат приехал 8 апреля, а 21-го мы попрощались с нашим домом на Рю Рояль и друзьями, которые сделали его таким, и отправились в наше путешествие в Ирландию.

ГЛАВА XXXI. ПРИЛОЖЕНИЕ.—Месье И МАДАМ КОЛОМБЬЕ.—ПОСЕЩЕНИЕ ПОЛЯ БИТВЫ При КУЛЬМЬЕ.—ЕДИНСТВЕННАЯ ПОБЕДА ФРАНЦИИ. —ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

(Из дневника Артура Райана, среда, 19 апреля.)

Не успел наш дневник закончиться, как подъехал экипаж, и Чарли велел мне готовиться к поездке с друзьями за город. Мы пожелали месье и мадам Пруст всего доброго на этот день и сели в экипаж, где нас ожидали наши новые хозяин и хозяйка. Месье и мадам Коломбье сердечно приветствовали меня как брата своего друга, и я недолго пробыл в их компании,

прежде чем понял, насколько искренне они относились к нему. Месье Коломбье был папским зуавом, но с началом франко-прусской войны вступил в ряды своих соотечественников. Мужчина средних лет с откровенными теплыми манерами и, очевидно, очень гордящийся своей женой, — так оно и должно быть. Я мало видел мужчин или женщин, но полагаю, что многолетний опыт, возможно, и не сможет сдвинуть мадам Коломбье с того места, которое она заняла в тот день в моих оценках. Она была героиней, и, что встречается еще реже, скромной героиней. Будучи канадкой, она очень хорошо говорила по-английски; и пока мы ехали, она рассказывала нам много историй о своем военном опыте, причем с такой веселостью, что мне было трудно поверить, что этот опыт так часто был горьким для нее и ее мужа. Лишения, потеря имущества, личная опасность - обо всем рассказывалось так, как будто она выдумывала, а не записывала; над всем этим шутили всякий раз, когда они касались только ее самой. Но когда она говорила о страданиях других, об опасности, грозящей ее мужу, о бедных солдатах, которых она приютила и ухаживала за которыми до последнего, тогда ее женское сердце раскрывалось и показывало, что, хотя оно было веселым, нежным, хотя жизнерадостным, оно было совершенно бескорыстным; и, несмотря на все это, она, казалось, настолько не сознавала каких-либо заслуг со своей стороны, что можно было подумать, что ее услуги были вознаграждением или частью ее обычного долга, вместо того, чтобы поглотить, как это делали они, большую часть того, что оставила им война.

Начался ливень, и, к моему удивлению, мадам Коломбье сняла свою теплую шаль и настояла на том, чтобы закутать в нее Чарли, чтобы в таком слабом состоянии он не простудился. "Это мой походный костюм", - сказала она, когда я выразил свои опасения по поводу того, что ее черное шелковое платье не выдержит проливного дождя; но, казалось, ее это мало волновало, ее единственной заботой было защитить "бедного инвалида" от бури.

После того, что казалось короткой поездкой, нам было так приятно вместе, что мы приехали на поле битвы при Кульмье. По обе стороны дороги земля была усеяна остатками лагерных костров и соломой, которая служила для того, чтобы уберечь некоторых солдат от замерзшей земли, когда они спали после боя. Глубокие колеи — пропаханные колесами орудий, изрезали дороги и поля; но кроме этих отметин и общего голого, утопанного вида земли, не осталось ничего, что говорило бы об ужасном сражении, которое так недавно покрыло эти поля мертвыми и умирающими. Но когда мы въехали в Шато Ренардьё, загородное поместье месье Коломбье, печальные воспоминания о войне усилились в десять раз. Огромные деревья по обе стороны подъездной аллеи были расколоты во всех направлениях дробью и снарядами; и я заметил несколько толстых елей, разрубленных надвое, очевидно, одним выстрелом.

Но вот мы и в Замке. Это был большой дом во французском стиле, красиво расположенный посреди ухоженной лужайки. Однако, подъезжая, я смотрел не на архитектуру дома и не на красоту лужайки. Нет: что приковало мой взгляд, так это количество круглых отверстий, которые торчали спереди во всех направлениях. Снаряды хорошо сделали свое дело; разбитые окна и пробитые стены были жалким зрелищем, которое месье Коломбье мог показать своим гостям; и немного больше можно было разглядеть от Шато Ренардьё с лицевой стороны. Когда мы вошли и переходили из комнаты в комнату, мы начали осознавать весь масштаб ущерба. Глубокие пятна крови были на темных дубовых полах, которые во многих местах были расколоты разрывами снарядов. Мадам Коломбье провела нас в свой будуар. Отделанная белыми и

золотыми панелями, это, должно быть, была прекрасная комната, но теперь она превратилась в развалины. Прямо сквозь зеркала виднелись осколки раковин; в одном углу роскошного потолка сквозь большую дыру от пули было видно небо. "А здесь, — сказала наша хозяйка, — здесь раньше свеживали своих овец"; и она указала на люстру, которая, к сожалению, пострадала от непривычного использования и под которой пол был заляпан, на этот раз не человеческой кровью. "Это моя комната", — сказал мсье Коломбье, провожая нас в бильярдную. Шиферный стол был расколот надвое, а на изодранном зеленом сукне лежали остатки овса, которым кормили лошадей, поскольку эта комната служила конюшней.

Мы прошли в сад. Это было место французской штыковой атаки, и от красоты сада почти ничего не осталось, за исключением того, что на одной вытоптанной клумбе мы нашли несколько растений ландыша, проросших навстречу раннему весеннему солнцу. Колеса орудий глубоко увязли в гравии дорожек и в некогда хорошо подстриженном газоне, когда пруссаки поспешно отступали перед победоносными французами; и, должно быть, для прекрасной владелицы этого заброшенного сада было некоторым утешением думать, что это была сцена единственной французской победы в той катастрофической войне.

В палисаднике все виноградные лозы были мертвы, срезанные со стены. Ибо стена служила укрытием для немецких солдат, и на всем протяжении была проделана дыра для ружей, и у каждой дыры лежала грудa пустых гильз. Оранжерея и оранжерейные сады — кто скажет, в каком они состоянии? Стекло — плохая защита от артиллерии, и лютый мороз довершил дело. Все растения были расставлены на подставках; там стояли апельсиновые деревья — все засохшие и коричневые — ни одной живой веточки. Я подумала о своей матери и ее цветах, когда мадам Коломбье со вздохом повернулась из своей разрушенной оранжереи и пошла обратно через унылый сад. Но она была достаточно веселой, хотя ее муж, казалось, глубоко переживал разрушение своего прекрасного дома. Он был женат всего пять лет и потратил много денег, чтобы сделать это место счастливым для своей жены и детей, — и вот теперь крушение! Но даже мсье Коломбье рассмеялся вместе с нами, когда мы подошли к грудам пустых бутылок, валявшихся во дворе; это было все, что осталось от двух хорошо заполненных погребов. Французские солдаты отпраздновали свою победу за счет хозяина замка Ренардье.

В каретном сарае стояли две кареты мадам Коломбье; они использовались в битве как временные укрепления и были буквально изрешечены пулями. Мы подошли к пруду с рыбками — декоративному водоему на лужайке. Он был опутан сеткой, и в нем не осталось ни одной рыбы. Я наткнулся на что-то под деревьями у его края. Это было прусское кавалерийское седло, не слишком удобная на вид вещь, подумал я, разглядывая угловатое, покрытое шкурами дерево, — но определенно экономичное, когда его так легко потерять. Но приближался вечер; поэтому, пообедав в Замке (самых странных развалинах, в которых я когда-либо устраивал пикник), мы попрощались с Ренардье и поехали обратно в Орлеан.

Тамошний дом мсье Коломбье, как и его загородный замок, использовался во время войны как небольшой госпиталь; и Чарли, ожидая в гостиной перед ужином, рассказал мне, сколько раненых и умирающих находилось в этой комнате в последнее время.

Обед был накрыт в передней, за что мадам Коломбье принесла свои извинения, поскольку ее столовая была занята, и мы ее сейчас видели. От души пообедав и весьма позабавившись

наказаниями, которыми дети угрожали пруссакам, — такими, как кормление их ядовитыми грибами, древесиной и тому подобным, - я был удивлен, когда мадам Коломбье достала портсигар, передала его по кругу и взяла себе. "Необходимость сделала меня курильщицей", - со смехом заметила она, заметив мое плохо скрываемое удивление; и если какая-нибудь леди осудит мою хозяйку за ее сигару, пусть она последует за мадам Коломбье, когда та тихонько ускользнет, и сама увидит, насколько фальшива эта деликатность, которая затруднила бы путь истинного и героического христианского милосердия. Вскоре мы последовали за нашей хозяйкой. Мы нашли ее в столовой, которая была оборудована как временный госпиталь. Там она обрабатывала рану своего последнего пациента с мастерством, которое было результатом долгого и с трудом заработанного опыта. И здесь мы оставим мадам Коломбье с твердой верой в то, что ее бескорыстная благотворительность и ненавязчивый героизм не останутся незамеченными перед Ним, который пообещал отплатить за чашку холодной воды, поданную ради Него.

ЭПИЛОГ.

С момента возникновения событий, которые я описал, прошло четверть века. Когда я рассматриваю сцены тех насыщенных событиями дней в этой длинной перспективе, и когда иногда на мгновение перед моим мысленным взором предстает какая-то конкретная картина госпитальной или лагерной жизни, я вздрагиваю, словно очнувшись от тревожного сна, и обнаруживаю, что там все еще присутствуют очертания факта.

Годы приходили и уходили, а вместе с ними ушли из жизни многие главные действующие лица этой великой драмы.

Вильгельм, Наполеон, Мольтке, Наследный принц, Красный принц, Гамбетта, д'Орейль де Паладайн, Базен, Мак-Магон исчезли со сцены.

Современная хирургия и медицина потеряли некоторых из своих самых способных пионеров в лице Лангенбека, Нуссбаума, Эсмарка и Мэрион Симс; и я лично должен скорбеть по многим, кто был добр и помогал мне в те дни, среди них М. и мадам Пруст и генерал Чарльз Брэкенбери.

Я часто мечтал побывать в Седане и Орлеане; но желание максимально использовать несколько ограниченное время отпуска и получить новые впечатления всегда приводило меня в новые районы и страны, ранее мне неизвестные, и мое желание никогда не исполнялось. Однако ярад сказать, что я никогда не терял из виду моих старых друзей Месье и мадам Пруст, а визит их племянника заново оживил все старые ассоциации и воспоминания.

Моим читателям, возможно, будет интересно узнать кое-что о наших хирургах скорой помощи. Сэр Уильям Маккормак, сменивший Марион Симс в Седане, сейчас является одним из величайших ныне живущих авторитетов в области военной хирургии и огнестрельных ранений. Его коллега доктор Маккеллар является выдающимся сотрудником больницы Святого Фомы, а доктор Паркер - выдающимся лондонским специалистом. Остальных, разбросанных по всему

земному шару, я потерял из виду, но лелеял надежду когда-нибудь снова встретиться с некоторыми из них.

Возможно, заслуживает упоминания одна цель, которую я имел в виду, публикуя эти заметки.

Поскольку я попытался точно описать то, чему был свидетелем, они могут помочь составить некоторое представление о том, что на самом деле означает война — война как суровый практический факт, лишенный всего очарования, поэзии и гордости завоеваниями, которые так привлекательны в истории.

Даже из моих собственных наблюдений я мог заключить, что не все является победой самих победителей.

Когда немецкие солдаты узнали, что Луи Наполеон присутствовал в западне при Седане, среди них разразился самый дикий взрыв восторга; ибо они верили — как оказалось, ошибочно, — что его пленение положит конец войне и позволит им вернуться в свои дома. И когда наконец был провозглашен мир, немцы в Орлеане проявили не меньшую демонстративность и энтузиазм, чем французы, чья чаша страданий была переполнена до краев.

В наши дни, возможно, существует тенденция недооценивать этот аспект дела. Люди очень легкомысленно отзываются о великой европейской войне, которая, как говорят, неизбежна. Не повредит, насколько это возможно, оценить, что может означать такая война.

Те, кто заранее просчитывает цену, с гораздо большей вероятностью смогут справиться с ней, если возникнет необходимость, и решительно и мужественно дойти до конца, какими бы ни были события, чем те, кто слепо бросается вперед, полагаясь главным образом на энтузиазм организации и репутацию прошлого для достижения побед в будущем. Похоже, это великий урок, преподанный войнами 1870 и 1871 годов.

Пожалуй, никогда не было более вопиющего случая пренебрежения к этому мудрому шекспировскому изречению, знакомому всем нам:

"Остерегайся
вступать в ссору; но, вступив,
терпи, чтобы противник остерегался тебя".

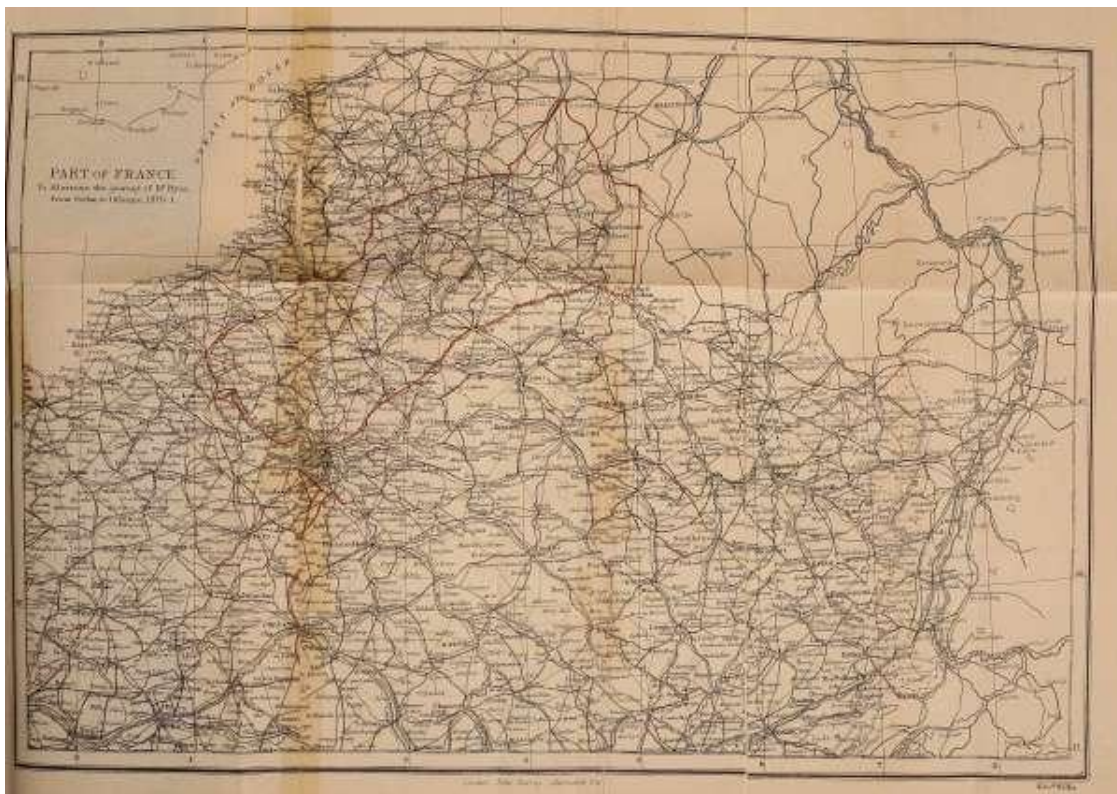
Однако мои читатели, вероятно, будут склонны составить собственное мнение по этим предметам, и у них будет гораздо более привлекательный материал в другом месте, на котором они смогут его найти.

Прежде чем завершить, я думаю, что не лишним будет упомянуть об одном примечательном событии, произошедшем в 1895 году, и которое, на мой взгляд, служит благоприятным предзнаменованием для будущего Франции. Я имею в виду празднование в Орлеане, со всей помпезностью и церемониями, подобающим случаю, праздника Жанны д'Арк. Судя по общему энтузиазму, проявленному тогда французским народом, я не могу отделаться от мысли, что этой прекрасной стране уготованы великие дела и более светлые надежды, судьбы которых всегда были столь же драматичны в своих обстоятельствах, сколь и интересны сами по себе.

Наконец, я хотел бы здесь, если позволите, выразить мое собственное восхищение, симпатию и восхищение ярким и добродушным характером французов и засвидетельствовать, что это чувство было таким поначалу, таким оно является и сейчас; и я не думаю, что оно когда-либо изменится.

Моя задача выполнена. Хотя переписывание этих заметок было для меня источником огромного удовольствия, так живо воскрешая старые воспоминания и живописные сцены, я все же откладываю непривычное перо с — возможно, что вполне естественно - некоторым чувством облегчения, полагаясь на снисходительность моих читателей, которые не заметят недостатков, присущих первому литературному выступлению. И поэтому я прощаюсь с ними.

КОНЕЦ.

ЧАСТЬ ФРАНЦИИ

Для иллюстрации путешествия Д.^{Р.} Райан
из Седана в Орлеан, 1870-1.

Лондон, Джон Мюррей, ул. Альбемарль,
Edwd. Веллер

Примечание переписчика

Были исправлены очевидные ошибки в пунктуации и диакритических знаках, хотя "орлеанский" часто появлялся без ударения айгу и не подвергался изменениям.

Убран дефис: "бомбы[-]снаряды" (стр. 317), "города[-]люди" (стр. 152).

Следующие слова появляются как с дефисом, так и без него и не были изменены: "мертвый дом", "боковые рукава", "у начальника станции".

Стр. 217: "Кулмье" заменено на "Coulmiers".

С. 229: "universal" заменено на "universal" (всеобщая драка возбужденных французов).

С. 248: "бефель" заменено на "бефелл" (befell the French arms).

Стр. 367: Запись в индексе "Madelieie" изменена на "Madeleine", а запись в индексе "Nihill" изменена на "Nihil".

Указатель:

Номера многих страниц кажутся неправильными, но они оставлены напечатанными.

Запись "Madelieie" изменена на "Madeleine".

Запись "Nihill" изменена на "Nihil".

Записи перемещены на правильные позиции в алфавитном порядке:

"Френуа, деревня"

"Хайден, Фрэнк"

"Луара, Армия"